

Счастливое

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ
АЙРИН ЛАКС

Annotation

В автомобильной аварии я потеряла не только мужа, но и ребёнка. Сейчас у меня есть только одно желание: стать мамой. Я обратилась за помощью к брату-близнецу погибшего мужа. Но я понятия не имела, какую цену мне придётся заплатить...

В тексте есть: властный герой, любовь по принуждению, очень эмоционально

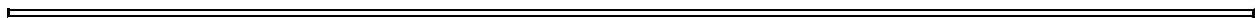
18+

-
- [Айрин Лакс](#)
 - [Глава 1. Янина](#)
 - [Глава 2. Янина](#)
 - [Глава 3. Янина](#)
 - [Глава 4. Янина](#)
 - [Глава 5. Янина](#)
 - [Глава 6. Янина](#)
 - [Глава 7. Янина](#)
 - [Глава 8. Янина](#)
 - [Глава 9. Янина](#)
 - [Глава 10. Янина](#)
 - [Глава 11. Янина](#)
 - [Глава 12. Владимир](#)
 - [Глава 13. Владимир](#)
 - [Глава 14. Владимир](#)
 - [Глава 15. Владимир](#)
 - [Глава 16. Владимир](#)
 - [Глава 17. Янина](#)
 - [Глава 18. Янина](#)
 - [Глава 19. Янина](#)
 - [Глава 20. Янина](#)
 - [Глава 21. Янина](#)
 - [Глава 22. Владимир](#)
 - [Глава 23. Владимир](#)

- [Глава 24. Владимир](#)
- [Глава 25. Янина](#)
- [Глава 26. Янина](#)
- [Глава 27. Янина](#)
- [Глава 28. Янина](#)
- [Глава 29. Янина](#)
- [Глава 30. Янина](#)
- [Глава 31. Янина](#)
- [Глава 32. Янина](#)
- [Глава 33. Янина](#)
- [Глава 34. Янина](#)
- [Глава 35. Янина](#)
- [Глава 36. Янина](#)
- [Глава 37. Янина](#)
- [Глава 38. Янина](#)
- [Глава 39. Янина](#)
- [Глава 40. Янина](#)
- [Глава 41. Янина](#)
- [Глава 42. Янина](#)
- [Глава 43. Янина](#)
- [Глава 44. Янина](#)
- [Глава 45. Янина](#)
- [Глава 46. Владимир](#)
- [Глава 47. Янина](#)
- [Глава 48. Янина](#)
- [Глава 49. Владимир](#)
- [Глава 50. Владимир](#)
- [Глава 51. Янина](#)
- [Глава 52. Янина](#)
- [Глава 53. Янина](#)
- [Глава 54. Янина](#)
- [Глава 55. Алина \(жена Владимира\)](#)
- [Глава 56. Алина](#)
- [Глава 57. Владимир](#)
- [Глава 58. Янина](#)
- [Глава 59. Янина](#)
- [Глава 60. Владимир](#)

- [Глава 61. Янина](#)
- [Глава 62. Владимир](#)
- [Глава 63. Владимир](#)
- [Глава 64. Янина](#)
- [Глава 65. Владимир](#)
- [Глава 66. Янина](#)
- [Глава 67. Владимир](#)
- [Глава 68. Владимир](#)
- [Глава 69. Алина](#)
- [Глава 70. Янина](#)
- [Глава 71. Янина](#)
- [Глава 72. Янина](#)
- [Глава 73. Янина](#)
- [Глава 74. Янина](#)
- [Глава 75. Янина](#)
- [Глава 76. Янина](#)
- [Глава 77. Владимир](#)
- [Глава 78. Янина](#)
- [Глава 79. Янина](#)
- [Глава 80. Янина](#)
- [Глава 81. Янина](#)
- [Глава 82. Алина](#)
- [Глава 83. Янина](#)
- [Глава 84. Янина](#)
- [Глава 85. Владимир](#)
- [Глава 86. Владимир](#)
- [Глава 87. Владимир](#)
- [Глава 88. Владимир](#)
- [Глава 89. Янина](#)
- [Глава 90. Владимир](#)
- [Глава 91. Янина](#)
- [Глава 92. Алина](#)
- [Глава 93. Алина](#)
- [Глава 94. Алина](#)
- [Глава 95. Янина](#)
- [Глава 96. Янина](#)
- [Глава 97. Владимир](#)

- [Эпилог](#)

Айрин Лакс
Счастье любой ценой

Глава 1. Янина

Шок. Наверное, именно из-за него я не чувствовала почти ничего. Ни крови, стекающей по лицу, ни боли, когда медики ловко вытащили самый большой осколок стекла и наскоро скрепили лоскут кожи, срезанный почти до самого мяса.

Меня поместили в машину скорой помощи и увезли. Синяки, сотрясение головного мозга, швы на лице.

Я выжила. А моему мужу не повезло. Он погиб. Межсезонье... Ярослав ещё не успел «переобуть» автомобиль.

Обычная история, каких миллионы: он не справился с управлением. Резкий поворот, автомобиль занесло и на большой скорости впечатало в фонарный столб. Перед легкового автомобиля «Nissan» сплющило, как гармошку.

Подушка безопасности в недавно купленном авто не сработала, оно было подержанным. В машине была установлена подушка-обманка. Надписи «airbag» на панели и руле оказались лишь элементом предпродажной подготовки, потому что машину с установленным муляжом можно продать успешнее.

Кто-то наварился на продаже этого автомобиля, а я потеряла самое дорогое. Смысл своей жизни.

Дальнейшие дни проходили как во сне: рядом суетились люди, что-то обсуждали и говорили о похоронах, о цвете гроба и размере костюма на покойника. А я не могла даже заставить себя посмотреть на Славу: его не было.

Тот, кто лежал в гробу, не был им. Слава где-то в другом месте, он просто вышел... Вышел покурить и заболтался с приятелем по телефону, как это всегда бывает...

Но сейчас он вернётся. Должен вернуться. Он всегда возвращался, но сейчас у него очень важный разговор. Очень-очень важный...

— Эй, эй! Надо на свежий воздух вывести! Выведите. Сколько у гроба сидит? Как в отключке.

Меня выволокли силой на прохладный воздух.

Начало ноября... Поздний вечер. Ветер качает ветки деревьев и заунывно воет.

Ищу глазами мужа: он всегда стоял с левой стороны крыльца, опершись спиной о стену, и курил. Но его нет. Накатывает осознание произошедшего.

Опираюсь, как и он, об эту проклятую стену, стараясь удержаться. Получается плохо. Ползу вниз, обречённо, как дождевая капля, скатывающаяся по стеклу.

Меня подхватывают, хлопают по щекам. Больно. Обжигает. Особенно с той стороны, куда наложили швы.

Прямо напротив моих глаз оказываются зелёные омуты.

— С-с-слава? — шепчу я. — Слава? Слава?

— Куда лезешь? Володя, уйди! Не видишь, она от горя почти тронулась... Уйди, говорят тебе, только хуже делаешь!..

— Идите на хрен все! — зло огрызаются пухлые губы.

Славкины... Нет. Не его. У Славы нет крошечной родинки над левым уголком губы. У этого есть. Это тот, другой, брат-близнец Славы.

Владимир. Он подхватывает меня под локоть и уводит прочь. Ноги подгибаются в коленях, как сломанные спички. Слышу голос мамы:

— Куда ты уводишь Яну?

— Подальше отсюда, — отрывисто отвечает Владимир, сажая меня на заднее сиденье автомобиля.

— Так нельзя, Володя, — пытается образумить его моя мама.

— Вы, что ли, не видите, что ей плохо? — резко спрашивает Владимир, яростно хлопая дверью автомобиля.

Владимир и моя мама спорят. Так громко, что слышно через закрытые двери.

— Ей и будет плохо, Вова!.. Муж погиб. Яна и будет плакать и убиваться. Это естественно. Ей тяжело сейчас.

— Надо увезти, чтобы она его хотя бы не видела. Я же говорил, что не надо покойника в дом заносить!

— Как это не надо? Так положено! — упрямится мама.

Она знает всё: как должно поступать и как правильно делать. Поэтому Слава «ночевал» последний раз в нашем доме.

— Кем, блядь, положено? Вы знаете, как надо делать? Вот сидите и читайте молитвы у покойника. А Янину нужно увезти. Завтра ещё похороны, а она после травмы не отошла.

Мама ещё что-то пытается сказать, докричаться до Владимира, но тот садится в автомобиль и оборачивается ко мне:

— Ты как?

Смотрю в его-не его лицо, любимое и ненавистное одновременно. Больно смотреть. Невыносимо.

Ложусь на заднем сиденье внедорожника, отвернувшись лицом к спинке сидений.

— Поехали, значит, — говорит Владимир, заводя мотор автомобиля.

Наверное, ему тоже тяжело. Брат-близнец погиб. Именно на Владимира свалилось всё: организация похорон, разборки со страховой компанией. И это только начало.

Бизнес-идея Славы оказалась неудачной. Мне придётся продавать дом в счёт уплаты долгов, и нужно как-то закрыть кредит в банке. Или в кредитном договоре предусмотрен форс-мажор в виде смерти?

У меня голова пухнет от огромного количества проблем и вопросов. Они все скачут в моей голове, как безумные паяцы, по кругу.

А я не могу сосредоточиться ни на одной из них, постоянно возвращаясь к точке обратного отсчёта.

Удар, грохот, тишина. Слава ушёл...

* * *

В какой-то момент меня укачало. Наверное, я заснула. Но просыпаюсь от ощущения того, что меня придавливает, будто комьями земли.

Давит и душит. Влажный, тяжёлый запах. Хриплю, пытаюсь выбраться, и не понимаю, почему это не получается сделать.

— Тише-тише. Это просто куртка. Я сейчас уберу.

Низкий голос, хриловатый. У Славы голос немного другой, более мягкий. А это не он.

«Не он», — опять напоминаю себе, садясь на заднем сиденье автомобиля. Провожу рукой по плечам, словно отряхиваюсь.

— Это просто куртка. Ты уснула, я укрыл тебя своей курткой.

И правда, это всего лишь кожаная чёрная куртка, сильно пахнущая им и его парфюмом, осевшим теперь и на мне.

— Где мы?

— За городом, — честно отвечает Владимир. — Гнал по кругу, не

мог остановиться. Но здесь тихо...

Вылезаю из салона автомобиля.

Уже поздняя ночь. Город виднеется вдалеке змейкой из ярких огней.

По коже ползут мурашки от холода и сразу начинают стучать зубы. Владимир опять тянется ко мне со своей курткой в руках.

— Не надо. Я так хочу постоять.

— Замёрзнешь.

— Пускай.

У меня уже зуб на зуб не попадает: ветер выдувает последние остатки тепла из тела и жадно облизывает мокрые ресницы.

Владимир опять оказывается рядом, всё-таки набрасывая куртку на плечи.

— Уйди. Дай побыть одной.

Раздражённо веду плечом, сбрасывая куртку.

— Надень, бля, — злится мужчина, набрасывая куртку снова.

Он сжимает руками плечи, не давая скинуть верхнюю одежду и на этот раз.

— Уйди! Уйди! — кричу, захлёбываясь криком.

Владимир встряхивает меня за плечи и разворачивает, насильно стискивая в объятиях.

— Уйди!

Я бью Владимира кулаками по груди и пытаюсь достать до его кожи ногтями даже через ткань джемпера. Хватка рук становится только сильнее. Бессильно бьюсь и дёргаюсь на месте, но не могу сделать и шага прочь от него — не позволяет.

Остаётся только кричать до хрипоты, размазывая слёзы по щекам. Кожа щёк начинает гореть. Особенно там, где наложены швы или есть крошечные порезы.

Владимир молча переносит мою истерику, позволяя проораться и повить, как раненому животному. Обречённо утыкаюсь лбом в мужскую грудь, твёрдую, словно камень, сипло произнося:

— Лучше бы ты умер вместо него. Лучше бы ты...

Владимир ничего не отвечает, только пульс учащается, и сердце грохочет, как молот на наковальне. Он отстраняет меня от себя и сажает во внедорожник.

Но не садится сам, а прохаживается вдоль машины, закуривая те же

самые сигареты, что и Слава.

— Не кури, — прошу я.

Владимир поступает с точностью до наоборот: ядовито смеётся, выпуская струю дыма мне в лицо, и только после этого затаптывает сигарету носком ботинка в землю. Заводит мотор и несколько мгновений молча сидит за рулём.

— Куда тебя отвезти? Обратно? К вам... — матерится, поправляя себя. — К тебе домой?

— Нет. Не надо. Мне всё равно, куда ехать. Лишь бы подальше оттуда. Не могу. Он там лежит. И я жду. Знаю, что не придёт. Но как будто в голове щёлкает: а вдруг? Не хочу.

Владимир кивает и заводит автомобиль, включает автомагнитола на полную громкость.

Мощные басы бешено долбят в барабанные перепонки. Очень тяжёлая музыка. Даже не знаю, что это. Какой-то тёмный хаос.

Позволяю заполнить ему себя полностью, прячась за его спасительным рёвом.

Это была самая длинная ночь в моей жизни.

Владимир привёз меня к себе, разул и отнёс на кровать, положив поверх покрывала, как хрупкий сувенир.

Я подтянула колени к груди, пытаюсь понять, есть ли ещё что-то внутри меня, живое и настоящее? Кажется, не было ничего.

Я не спала, разглядывая темноту, клубящуюся по углам комнаты.

Владимир тоже не спал. Он сидел на полу у кровати, как сторожевой пёс, изредка поворачивая голову в мою сторону. Проверая, сплю или нет.

Не спала. Как и он...

Глава 2. Янина

Похороны и «девять дней» стали для меня ещё одним испытанием. Но худшее было впереди.

Я спала в доме, казавшемся теперь чересчур огромным для меня. Мне было душно, я почувствовала слабость, но пыталась уснуть.

Мне это удалось с большим трудом. Я проснулась от того, что начало тянуть низ живота. Не очень сильно, но боли были как будто схваткообразные.

Я встала и пошла в душ, холодея от мысли, что это может быть выкидыш. Вот тут всё и началось. Сильное кровотечение, но боли особой не было, низ живота так же противно тянуло.

Я поняла, что у меня всё же случился выкидыш. На пятой неделе беременности. Элементарная проверка в женской консультации показала, что ребёнка у меня больше нет.

— На удивление чисто всё вышло, — обрадовала меня врач-гинеколог. — Можете попытаться зачать ещё раз.

— Ещё раз? — автоматически спросила я, не видя для себя дальнейшего пути.

— Конечно. Вы молодая, здоровая девушка. Но стресс губителен для беременного организма. Побольше отдыхайте, гуляйте на свежем воздухе. И обязательно пробуйте ещё. Дети — это чудо.

Дети — это чудо...

А капризная судьба решила отобрать у меня это чудо. Решила отобрать в тот момент, когда наши отношения с Ярославом вновь наладились, и глупые размолвки остались позади.

Мама уехала обратно в деревню очень быстро: у неё было своё хозяйство, и в городе она не хотела оставаться. Тут для неё было слишком шумно и многолюдно.

— Приезжай ко мне, отдохнёшь, наберёшься сил, Яночка!

— Нет, мама. Мне нечего делать в деревне.

— А тут есть чем заняться, да?

— Да, мама. Нужно разобраться с делами Ярослава...

Дела у Ярослава шли даже хуже, чем я думала. По факту мне для выплаты задолженности по заработной плате и за аренду офисного

помещения в центре города пришлось выгрести все накопления, что у нас были.

Многообещающий проект Ярослава по поставке офисного оборудования провалился с треском.

У меня голова пухла от цифр и кредиторов, осаждающих пороги: «дай-дай-дай»... Кто-то шёл на уступки, кто-то туманно намекал на иной вариант решения проблемы.

Мне не хотелось, чтобы из меня силой выбивали долги, поэтому отдала всё накопленное. Потом решила поставить дом на продажу.

Я расплатилась почти по всем долгам мужа. Если удастся продать дом по хорошей цене, то денег хватит, чтобы купить однокомнатную квартиру и разобраться с долгами окончательно.

Я хотела продать дом как можно быстрее. Меня тяготил его вид. В особенности стены, каждая из которых хранила воспоминания о муже и о нашем браке. Неидеальном, со своими проблемами и сложностями, но ценном для меня.

Я судорожно пыталась придумать, чем занять свой вечер, чтобы не сходить с ума от безысходности, как вдруг заметила возле дома припаркованный внедорожник брата Ярослава.

Я замерла на месте. Владимир заметил меня и вылез из автомобиля, поздоровавшись.

— Привет, Янина.

Владимир был одним из немногих, кто произносил моё имя в полном варианте, не сокращая до Яны.

— Привет.

— Я видел объявление. Ты продаёшь дом?

— Да, я решила продать дом.

— У тебя проблемы? Дела у Славы... — Владимир сделал паузу, словно подбирал слова, чтобы не обидеть меня. — Дела у Славы не всегда шли хорошо.

— Я знаю.

— Тебе нужны деньги? Сколько? — резко спросил Владимир.

Я всегда поражалась разнице между братьями.

Близнецы. Одинаковая внешность за исключением родинки у Владимира. Разумеется, жесты и привычки у них были иные, и голос у Владимира немного грубее.

Но какие же разные у них были характеры!

Ярослав был человеком лёгким и позитивным, словно весеннее солнце. А Владимир напоминал бетонную плиту, придавливающую своей монументальностью и резкой грубоватостью.

— Мне не нужны деньги.

Владимир вздохнул и открыл дверь внедорожника, подтолкнув меня в спину.

— Залезай. Поехали поужинаем.

— Я не стану с тобой ужинать. Это ни к чему.

— Ни к чему твой бледный вид и отказ от еды. Посмотри на себя: отошала, джинсы на тебе едва держатся. Где та Янина, что вскружила голову моему братцу?

Владимир помолчал и добавил:

— И не только ему.

Слова Владимира отозвались где-то внутри трепетной дрожью.

— Мы договорились с тобой не вспоминать о том происшествии, — ответила я.

— Договорились, да. И скоро я не смогу вспомнить о нём даже при всём своём желании, потому что меньше всего ты сейчас напоминаешь ту горячую девчонку, плавившуюся от ласки.

Я возмущённо вздохнула, с удивлением отметив, что за две с лишним недели, прошедшие после похорон, это были первые эмоции, испытанные мной и отличающиеся от той безнадёги и тоски, что кружили над моей головой.

Владимир воспользовался моим замешательством и бесцеремонно затолкал меня в автомобиль.

— Куда поедem, Янина?

— Никуда, Владимир. Что ты хочешь от меня?

Взгляд Владимира пробежался огненной волной по моей коже. Он сжал челюсти и стиснул руль, барабаня по нему пальцами.

— Хочу вытащить тебя из чёрной ямы депрессии.

— Рано, Владимир. Очень рано. Ещё даже сорока дней не прошло.

— А мне кажется, будто уже целая вечность пролетела перед глазами. Не убивайся, Янина. Жизнь продолжается.

Я усмехнулась.

— Твои слова по вкусу напоминают туалетную бумагу. Жизнь продолжается, найди себе увлечение, не сиди без дела.

— Последние слова мне не принадлежат. Я понимаю, что сейчас

прошло ещё очень мало времени...

— Всегда, — перебила я его.

— Что?

— Мне всегда будет казаться, что прошло очень мало времени.

— Хорошо, — поднял руки Владимир. — Я не стану говорить, что ты заблуждаешься. Это твоё право — оплакивать мужа. Но оплакивая его, не хорони себя. Пожалуйста.

Просьба из уст Владимира звучала непривычно. Она взрывала простой и понятный мир, раскалывая его на части. Напоминаю себе, что с Владимиром не может быть просто.

— Поэтому я ещё раз спрашиваю, Янина. Куда поедем?

— Не хочу, честно. Дело даже не в еде. Многолюдные места, яркий свет, смех. Праздник жизни продолжается, но только для меня он как кость поперёк горла.

— Хорошо, — сказал Владимир. — Тогда поехали ко мне?

Глава 3. Янина

Предложение Владимира прозвучало двусмысленно. Но Владимир тут же исправился:

— Извини, Янина. Я не имею в виду ничего дурного. Просто поужинаем. У тебя мама обратно в деревню уехала?

— Уже уехала, — ответила я, понемногу оттаивая и расслабляясь рядом с Владимиром.

Да, он выглядел почти как мой погибший муж. Но он был совершенно другим. Обмануться, по крайней мере, мне, было очень тяжело.

— Значит, некому заставлять тебя питаться как положено? Этим займусь я.

Я слабо улыбнулась, слушая урчание мотора.

Владимир развлекал меня беседой. Он старался, он даже пытался быть вежливым и внимательным, хотя это не в его стиле.

Владимир всегда был циничным, грубоватым и наглым. Иногда даже чересчур наглым.

Но сейчас рядом со мной в автомобиле сидел мужчина, сильно отличающийся от того Владимира, которого я знала.

— Что заказать? — спросил он, придерживая руль одной рукой.

Второй рукой достал телефон, ища нужный номер в телефонной книжке. Меня вдруг накрыло паникой. Слава делал точно так же. Незадолго до аварии.

Мой муж собирался перезвонить приятелю и искал номер в телефонной книжке, поглядывая то на дисплей смартфона, то на дорогу. И не успел среагировать как надо. Если бы не летние шины, возможно, мы бы отделались легко, но увы...

Видя, как Владимир точно так же ковыряется в сотовом телефоне, я начинаю паниковать. Меня придавливает сверху толщей земли. Я задыхаюсь, едва выдавливая из себя.

— Смотри на дорогу. Убери телефон.

— Мы едем очень медленно. Сорок километров в час.

— Убери телефон!

— Янина...

— Убери! — кричу я. — Останови машину! Сейчас же! Останови.
Владимир заматерился, автомобиль резко прижался к обочине.

Я вывалилась из салона, чувствуя себя трухой, рассыпающейся по земле. Присела на корточки, пытаюсь дышать, и жадно хватала холодный воздух открытым ртом.

Владимир остановился позади меня, тоже присев.

— Ты как, Янина?

Тяжёлая рука легла мне на плечи. Владимир приобнял меня, прижимая к себе.

— Дышать легче?

— Легче.

— Вставай.

— Нет. Не хочу. Не поеду никуда. Просто вызови такси, я уеду домой.

— Думаешь, с чужим таксистом будет безопаснее, чем со мной? — Владимир поднял меня и легонько встряхнул.

— Я уберу телефон. Это из-за Славки? Он за рулём был увлечён телефоном?

— Да...

— Тогда никаких телефонов. Поехали.

Владимир не тронулся с места, обняв меня, и осторожно погладил по голове, прежде чем помог забраться в высокий внедорожник.

У Владимира большая квартира. Просто огромная, хорошо обставленная, по последнему слову техники и дизайна. Но какая-то холодная и пустая. Я зябко поёжилась.

— В зале включен камин, — Владимир подвёл меня к креслу и подкатил его к камину.

— Это лишнее, — сказала я, глядя, как мужчина подкатывает столик на колёсиках, останавливая его сбоку от меня.

— Нет. Сейчас позвоню, привезут чего-нибудь перекусить.

Владимир позвонил, сделав заказ, и уселся напротив. Его взгляд пробежался по моему лицу. Такой тяжёлый взгляд, который чувствуешь всей своей кожей.

— Расскажи, что с бизнесом Славки?

— Бизнес? Его, можно сказать, нет. Уже точно нет. Я закрыла все долги. Почти все, — поправила я себя. — Осталось совсем немного.

— Немного — это сколько? — спросил Владимир.

— Послушай, Владимир. Это не твои заботы. Ты и так очень хорошо мне помог, организовав всё с похоронами. Я бы не смогла...

Мой голос начал предательски дрожать. Владимир резко нагнулся, накрыв мои дрожащие пальцы своими горячими ладонями.

— Ты не одна, Янина. Тебе не нужно пытаться утащить все проблемы на себе.

Лицо Владимира оказалось слишком близко от моего. Если не смотреть на его губы, можно представить, что это Слава...

Нет. Не получится. У Славы никогда не было такого говорящего взгляда. Поэтому я осторожно освободила свою руку, обхватив себя за плечи.

— Владимир. Ты обещал...

— Да, обещал, — резко выпрямился он. — Но тяжело видеть тебя такой. Как будто тебя сломали и собрали кое-как, не заботясь о состоянии.

— Меня на самом деле сломало, — грустно усмехаюсь я, думая в первую очередь даже не о Славе, а о неродившемся ребёнке.

— Я тебе помогу, Янина. Скажи только, чем именно? Или вернее, как именно можно тебе помочь?

Я покачала головой:

— Пока никак.

— Упрямая чертовка! Но если что-то понадобится, ты всегда можешь обратиться ко мне. Не думая ни о чём, просто попроси или намекни. Я помогу, сделаю всё возможное...

Владимир не бросает слов на ветер. Слушая мужскую резкую речь, я уверена, что всё так и будет: он поможет мне, если я попрошу его.

— Хорошо, Владимир. Я обращаюсь к тебе, если мне что-то понадобится.

— Может, не будешь обращаться так официально? — морщится Владимир.

— Почему? Красивое имя, хорошо звучит... — машинально отвечаю я.

— Неужели? Хм... Радует.

Владимир поднимается, остановившись около меня, словно собирается что-то сказать или сделать, но его прерывает звонок в дверь: привезли еду.

Владимир, как гостеприимный хозяин, разложил еду из картонных

упаковок по тарелкам.

— Поешь хотя бы немного, Янина.

Я начинаю ковырять вилкой в содержимом тарелок только для того, чтобы не расстраивать брата погибшего мужа.

Его внимание и забота непривычны. Владимир, скорее всего, тоже делает усилие над собой. Надо сказать спасибо ему хотя бы за это.

Я обязана ему многим.

Мы... Мы обязаны ему многим. Я и Слава.

Глава 4. Янина

Слава занимал денег у брата на открытие бизнеса. Владимир дал ему не полную сумму, но всё равно очень много.

Но Слава всё феерично провалил. И нужно сказать Владимиру спасибо хотя бы за то, что он не требует своих денег обратно. Не только не требует, но и предлагает помочь разобраться с долгами.

Аппетит приходит во время еды. Я на самом деле начинаю есть, впервые хорошо ощущая чувство голода.

Взгляд Владимира теплеет, когда невесомо касается моего лица.

Я порываюсь встать и убрать тарелки после ужина, но Владимир сам загружает грязную посуду в посудомоечную машину и наливает мне бокал белого вина.

Я сначала отказываюсь, но потом выпиваю вино, замирая на несколько долгих минут в кресле у камина. Чувствую, что меня начинает клонить в сон, и надо бы встать, поблагодарить за гостеприимство и уйти.

Холодный и пустой дом ждёт меня, чтобы накачать тоской и безысходностью. Его стены уже воют от нетерпения, жаждая сжать меня в тисках.

Особенно зал...

Иногда мне кажется, что в темноте виднеются очертания гроба. Как будто его занесли в дом и оставили там навсегда.

— Не торопись никуда, Янина. Так что с домом? Решила продать?

— Давай не будем говорить о деньгах.

— Разве я сейчас говорю о деньгах? — удивляется Владимир, прогуливаясь по комнате. — Просто спрашиваю о доме и о том, что ты собираешься делать дальше.

— Дом надо продать. Я не могу там находиться. Хочу купить квартиру и желательно подальше.

— Помочь тебе? — тут же предлагает Владимир.

— Володя... — вырывается у меня.

Он резко оборачивается на звук моего голоса, жадно всматриваясь в моё лицо.

Надо передохнуть и вновь вернуть разговору холодное вежливое

обращение, напоминаю я себе. Но что-то уже щёлкнуло, сойдя с места, и навряд ли вернётся обратно.

— Не надо, прошу тебя.

— Надо будет разговаривать с клиентами, общаться с назойливыми риэлторами. Ездить по городу, искать варианты. Я могу помочь. Пожалуйста?

Я молчу. Меня разрывают противоречивые эмоции.

Я хочу как можно скорее разделаться с проблемой в виде дома, но понимаю, что за желанием Владимира помочь стоит гораздо большее, чем родственные чувства.

И я, и он: мы оба это прекрасно знаем.

— На время можешь пожить у меня, — продолжает Владимир.

— У тебя? — я, не скрывая сарказма, спрашиваю: — Ты понимаешь, как это будет выглядеть со стороны?

— Мы родственники. И я ни слова не сказал о том, что буду жить здесь же. У меня же есть дом, ремонт в нём почти закончен. Я могу жить там, а в квартиру заселить тебя, Янина.

Слова Владимира заставляют меня устыдиться своих помыслов. Я чувствую, что к щекам приливает жар.

— Нет, спасибо. Не надо, правда.

— Хорошо. Тогда давай по-другому. Можно снять квартиру на время, пока я решаю вопрос с продажей твоего дома. Идёт?

— Я не должна соглашаться.

— Не должна. Но тебе хочется это сделать.

Я перевожу дыхание. Иногда мне кажется, что Володя знает меня гораздо лучше, чем я сама.

— Ты прав, Владимир. Я просто не могу себя заставить вернуться в дом. Я возвращаюсь, но каждый раз возникает ощущение, будто с меня сдирают кожу живьём.

— Тогда надо расстаться с этими стенами как можно скорее, — подводит итог всему Владимир. — Сколько ты реально хочешь за него получить? Создаётся ощущение, что цену ты поставила наобум.

Я теряюсь: цифры разлетаются в моей голове.

— Не знаю, — честно признаюсь. — Я посмотрела рыночные цены и выставила примерно такую же. Я не очень хорошо разбираюсь в недвижимости.

— Я займусь этим, посмотрю, выставлю объявление, найду

расторопного риэлтора. Я не обману тебя. Ни единой копеей. Доверяешь?

— Доверяю ли я тебе? — смеюсь горько. — Думаешь, у меня есть веские причины для этого?

— Да, прости. Причин нет. Логично и правильно было бы держаться подальше друг от друга. Но в мире так мало правильного, а чувства вообще не поддаются логическим объяснениям.

Владимир останавливается напротив.

— Пойдём, я покажу тебе спальню. Сегодня ты останешься здесь. А завтра найдём тебе квартиру.

— Нет, — начинаю паниковать я.

— Всё нормально, Янина. У меня пятикомнатная квартира. Я найду себе другой угол.

Владимир говорит, что найдёт себе другой угол, но приводит меня в свою спальню. Там пахнет им: его парфюмом. Разложена куча вещей, рассказывающих о хозяине больше его самого.

— Спасибо, правда.

Я благодарю Владимира, принимая одежду, потому что у меня с собой нет даже пижамы. Торопливо, словно вор, крадусь после душа обратно в спальню.

Мужская футболка пахнет кондиционером после стирки белья. Она кажется очень тёплой, уютной.

Видно, что хозяин её часто надевает: футболка разношена и очень-очень мягкая. Я оставляю один из бра включенным, ложась под пуховое одеяло, думая о том, что впервые просто собираюсь лечь и поспать, не терзаясь болезненными воспоминаниями.

И я устала, жутко устала. Я чувствую себя столетней старушкой, стоящей на пороге смерти: трагические события подкосили мои силы и уверенность в себе.

В голове всплывают строчки из песни: *«Весна подарит нам стимулы жить»*.

А я понимаю, что мне самой нужно придумать этот стимул.

Внезапно чувствую лёгкое движение со стороны двери. Прекрасно понимаю, что в комнате я уже не одна.

Глава 5. Янина

Владимир обходит огромную двуспальную кровать и внезапно ложится поверх одеяла.

В горле становится сухо, как будто самум, ветер пустыни, дыхнул мне в глотку жарким дыханием. Я настораживаюсь.

— Не дёргайся, Янина. Я просто...

— Просто не стоит, Владимир.

— Знаю. И я ничего не делаю. Я просто лежу поверх одеяла. И между нами — вот...

Владимир перекачивается на бок и протягивает руку в мою сторону. Кончики мужских пальцев замирают в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Даже рукой не достать, — усмехается он.

— Да. И не надо доставать. Не стоит даже пытаться, прошу.

— Прошло очень мало времени, — говорит Владимир. — Потом немного полегчает.

Я прикусываю губу, не зная, что ответить на эти заверения будущего счастья. От них веет солнечным теплом, а мне кажется, что я увязла в иле на дне глубокого озера, куда не проникают лучи солнца.

— Для тебя мир летит в тартарары, а я не могу думать ни о чём другом, кроме того, что мне до безумия нравится жена погибшего брата, — тяжело вздыхает Владимир. — И это плохо. Аморально, порицательно, отталкивающе. Да как угодно, только не хорошо. Но это же есть. И ты об этом знаешь.

— Знаю.

— Нам было хорошо вдвоём. Тогда...

Владимир разглядывает меня, не таясь. В зрачках отсвечивает огонёк настенного бра, дрожит и пляшет от малейших движений головы.

— Да, ровно до того момента, как я узнала, что ты — это ты. Это было гнусно и подло с твоей стороны, Владимир. И лучше не напоминай мне о том происшествии. Потому что больше всего мне хочется убежать.

— Не надо, — просит Владимир. — Но теперь ты знаешь, что я до

сих пор к тебе чувствую влечение. Это была лучшая ночь в моей жизни.

Долгое молчание вновь прерывается.

— В последнее время вы ругались со Славой. Он знал, что мы с тобой переспали?

— Нет, — обрываю я его. — Не знал. И теперь уже никогда не узнает. Ругались мы не из-за этого. Хватало многих других мелочей, досадных и назойливых. Но потом всё наладилось.

Благодаря беременности. Новость о том, что я беременна, примирила меня и Славу, до этого ссорящихся по всяким мелочам.

Мы по-разному смотрели на многие вещи, а иногда беззаботность Славы меня выводила из себя.

Он жил легко, затевал планы один другого грандиознее, начинал, бросал, хватался за что-то другое и шёл дальше...

— А ты часто думаешь о том, что было между нами? — продолжает допытываться Владимир.

— Нет, — мгновенно отвечаю я.

И в этот момент я безбожно вру. Вру уверенным и резким тоном.

Владимир лежит на кровати ещё некоторое время и, пожелав мне спокойной ночи, уходит.

Я нагло соврала ему о том, что не думала о прошлом. О той единственной ночи, что мы провели вдвоём.

Я думала об этом гораздо чаще, чем следовало. Потому что меня это возмутило до глубины души.

Владимир меня вывел на предельный уровень эмоций. Тогда мне казалось, что ещё немного — и я буду готова его убить.

Когда увидела, что со мной был не Ярослав, а Владимир...

Глава 6. Янина

Первый раз я перепутала братьев в самом начале знакомства.

Тогда я ещё не знала, что у Ярослава есть брат-близнец. Ярослав не очень охотно говорил о своей семье. Его родители жили в Германии, а с братом, насколько я поняла, у него было много разногласий.

Мы договорились встретиться дома у Ярослава. Он проронил, что приедет его брат, но позднее. Я вошла во двор.

Пёс Буран, огромный алабай, охраняющий дом, даже не тивкнул на меня. Я очень быстро нашла общий язык с этой псиной.

Я не стала дожидаться, пока Ярослав сам выйдет ко мне, и решила сделать ему сюрприз. Мы собирались жарить мясо на заднем дворе дома.

Я увидела его широкоплечую фигуру, стоявшую в дверях, и подбежала, закрыв глаза.

— Угадай, кто?

Мужские пальцы пробежались по моим рукам. Он пожал плечами и резко развернулся, отнимая мои руки.

Я рассмеялась, обняв его, и подставила губы для поцелуя. Он начал жадно целовать меня, посасывая губы.

Поцелуй был немного остервенелым, так Ярослав меня ещё не целовал. И губы казались твёрже, чем обычно.

Я судорожно вдохнула и поняла, что парфюм другой. Тяжёлый древесный аромат вбивался в ноздри.

Я упёрлась кулачками в грудь мужчины, отпихивая его от себя. Он прикусил губу напоследок и отстранился.

— Какая вкусная!

Голос звучал немного ниже, чем у Славы. Я увидела небольшую родинку на лице мужчины и отпрянула назад: это был не Слава.

— Владимир. Брат Ярослава. Близнец, как ты уже успела заметить.

Я была удивлена и не могла ничего вымолвить, растерянно дотронулась кончиками пальцев до своих губ. Нахал!

— А тебя как зовут? — спросил Владимир как ни в чём не бывало.

От возмущения я забыла всё, что хотела сказать.

— О, а вы уже познакомились! — Ярослав появился из-за угла дома, приветственно махнув рукой.

— Не совсем. Ты прервал нас в тот момент, когда я хотел узнать имя этой девушки.

— Это моя девушка. Янина, — улыбнулся Ярослав, обнимая меня.

— Ярослав и Янина. Хорошо звучит, — рассмеялся Владимир. — Такая чудесная пара.

— Пойдём, Ян! — обнял меня Ярослав.

Владимир ухмыльнулся, двинувшись за нами. Циничный и наглый! Казалось, что он всё время сверлит меня своим нахальным взглядом, напоминая о поцелуе, украденном обманным путём.

— Не знала, что у тебя, Слава, есть брат-близнец, — укорила я парня.

Неужели Слава не мог предупредить, что его брат — близнец? К тому же он приехал и появился в доме.

— Нас не отличить, правда? — поддакнул Владимир, усевшись на поваленном бревне, установленном в саду.

— Нет, вы разные. Совсем, — сухо ответила я.

— Для близких — да, а вот те, кто видят нас впервые, ещё не зная, что мы близнецы, могут и перепутать, — гнул своё Владимир.

— Да-а-а! — рассмеялся Слава. — Мы же как две капли воды! И всегда выручали друг друга. Когда были помладше, разумеется. Или подшучивали. Но сейчас не до детских игр.

После нашего знакомства, показавшегося мне возмутительным, мы ещё не раз пересекались с Владимиром на общих семейных праздниках, куда приглашали и меня, как девушку Ярослава.

Братья были словно день и ночь: характеры полярные и сферы увлечений — тоже. Вернее, Владимир серьёзно занимался своим бизнесом, а Ярослав увлекался то одним, то другим.

Из-за этого Владимир постоянно подтрунивал над Ярославом.

Ярослав не обижался на поддёвки брата: характер у него был отходчивый. Он не придавал им значения и вновь обращался к брату за помощью.

Владимир помогал Славке деньгами и много раз пытался вразумить «младшего»: Ярослав родился на несколько минут позже Владимира.

Так или иначе, Владимир присутствовал в нашей жизни, часто бывал у нас дома и приглашал к себе. На заявление о нашей женитьбе

Владимир посмеялся:

— У тебя в голове ветер, Славка! Какая тебе женитьба и семья? Гуляй ещё. Вы ещё оба не нагулялись.

Владимир демонстративно взглянул на меня, подразумевая, что и мне ещё хочется свободы и лёгкости в отношениях.

— Не смотри на меня так! — вспылила я.

— А что такого? Скажешь, я не прав? Сколько тебе? Двадцать хоть есть?

— Двадцать два, — с вызовом ответила я.

— Ну, вот. Только университет закончила...

— Колледж.

— Тем бо-о-о-о-лее, — протянул Владимир издевательски. — Тебе, девочка, есть чем заняться, не лезь в горшки и кастрюли раньше времени.

— Не обращай внимания на Вовку. Он убеждённый холостяк, — пошутил Ярослав. — Женится, только когда припечёт или стукнет пятьдесят.

* * *

Ярославу на момент нашей свадьбы исполнилось тридцать три года. Дата свадьбы и дня рождения близнецов совпали. На свадьбе Владимир предложил мне потанцевать. Я согласилась.

— Нравится праздник? — спросил Владимир, прижимая меня к себе.

— Очень. Свадьба получилась именно такой, какой мы и планировали, — ответила я.

— Да неужели? — усмехнулся Владимир, резко разворачивая меня в танце.

По его усмешке я поняла, что Слава опять занял денег у своего брата.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

— Что именно?

— Сначала помогаешь брату, потом насмехаешься над этим.

— Ответ очевиден. Он же мой брат. Отказать ему в просьбе я не мог. Тем более, когда он попросил денег на свадьбу с красивой

девушкой.

Комплимент Владимира заставил мои щёки покрыться румянцем. Но мне не нравилось то, как это сказал брат Славы. Будто опять иронизировал, и над собой в том числе.

— Слава занял много денег? — спросила я, потому что свадьба была пышной.

— Если Слава будет вести бизнес так же, как сейчас, он не расплатится по долгам до конца дней своих, — ухмыльнулся Владимир. — Придётся требовать оплату долга иным путём...

Глава 7. Янина

Владимир крепче прижал меня к себе, закружив в танце очень быстро. Было непросто стоять на ногах после такого. Он приобнял меня, провожая.

— Это просто некрасиво! Вести себя так нахально, — не выдержала я.

— Нахально? Разве я сделал что-то нахальное? — притворно изумился Владимир. — Я же родственник, часть вашей семьи. Только не могу вспомнить, как это называется?

— Деверь это называется.

— Во. Точно. Деверь!

Я постаралась избавиться от общества брата мужа. Но избавиться от его присутствия в нашей жизни с Ярославом не получалось. Слишком многим мы были обязаны ему. И это не могло не раздражать.

Иногда я начинала спорить со Славой, пытаюсь уговорить его быть не таким расточительным и серьёзнее относиться к своим идеям, взвешивать всё, прежде чем начинать делать...

Чаще всего мы ссорились именно по этой причине. Не хотелось видеть Владимира, усмехающегося: «Да-да, я же говорил, что вы неспособны прожить сами...»

В последний раз мы сильно поругались с Ярославом из-за того, что тот решил перестроить дом.

Мужу в голову взбрело достраивать второй этаж. Владимир в это время был у нас в гостях и всячески раззадоривал брата, рассказывая, какой у него самого прекрасный двухэтажный дом, и как хорошо в нём будет жить после окончания ремонта.

Я разозлилась на Владимира. И как только Ярослав вышел из комнаты, полной гостей, пересела поближе к брату мужа.

— Прекрати, Володя!

Владимир улыбнулся и обвёл меня горящим взглядом.

— Не понял.

— Всё ты прекрасно понял. Ты нарочно подначиваешь Славку на строительство дома.

— Нарочно? Нет, что ты. Я искренне доволен своим коттеджем.

— Ты, может быть, и доволен. А я не уверена, что будем довольны мы.

— Почему? — Владимир был само непонимание.

— Ты же знаешь, чем это всё кончится!..

— Нет, не знаю, просвети меня, пожалуйста, — Владимир перегнулся ко мне через спинку кресла.

— Хорошо, — выдохнула я. — Если ты так хочешь...

— Хочу. Очень хочу...

— Всё закончится тем, что Слава загорится идеей, залезет в кучу долгов, разворотит наш дом и... Всё так и будет стоять недоделанное!

— Скорее всего, так и будет, — кивнул Владимир. — Слава редко что доводил до ума. Удивлён, что он дошёл с тобой до загса.

— Прекрати издеваться! И не подначивай Ярослава. Пожалуйста!

Владимир задумался, но взгляд его немного потеплел после моей просьбы.

— Как скажешь, Янина. Спасу твою семейную жизнь от раскола. Ха! Я так часто участвую в делах вашей семьи, что кажется, будто именно я делаю всё то, что должен делать супруг. Ты так не считаешь?

— Спасибо за помощь. Но тебе лучше держаться подальше, — твёрдо сказала я.

— Подальше? Я говорю о том, чтобы быть поближе, а ты гонишь меня прочь. И потом, что станет с вашей семьёй, держись я в стороне? Славку на кусочки порвут кредиторы.

— Но благодаря тебе это не происходит, так? — вспылила я.

— Да, мои деньги — ваша подушка безопасности.

— Оставь при себе свою подушку. Мы и без тебя не разобьёмся.

— Да неужели? Ты такая недовольная, потому что знаешь, что я прав. Слава ещё не нагулялся. И я говорю не только про женщин. Он перекасти-поле, у такого и в пятьдесят лет за душой будет лишь то, чем поделились с ним друзья. Такому ангелочку, как ты, нужен другой мужчина. Более серьёзный.

Я рассмеялась.

— Не себя ли ты предлагаешь, Русаков?

Владимир взметнул бровь.

— О, как! Мы перешли на фамилии, госпожа... Чернова. Чернова же девичья фамилия?

Владимир усмехнулся, довольный собой, и с сожалением посмотрел на меня.

— Жаль. Я всё клоню к тому, чтобы стать ближе, а ты отталкиваешь меня.

— Да ты... Ты... Ты просто нахал!

— Не кричи, Янина. Привлечёшь лишнее внимание. Тебе же этого не хочется, да? Такая тихая девочка, вроде тебя, не любит скандалить и выглядеть непристойно?

— Отстань, Владимир. Найди себе другую забаву!

— Не хочу другую. Да и ты... Какой был страстный поцелуй, м-м-м!

Он издевался: это было понятно по самодовольному выражению лица и лихорадочному блеску в глазах.

— И тебе наш поцелуй тоже понравился, Янина.

— Не понравился! Если бы я знала, что у Славы есть брат-близнец, я бы ни за что вас не спутала!

— Но ты не знала, и вышло очень сладко.

Я скрестила руки под грудью. Сердце колотилось, как сумасшедшее.

Я не понимала, почему я всё слушаю этого сумасброда вместо того, чтобы просто послать его и пожаловаться Славе.

— Не приходи больше к нам в гости. Я не хочу видеть тебя в нашем доме...

— В вашем? — хмыкнул Владимир. — Только не забывай, что и половину денег на покупку дома Славе одолжил я. Половину всего. Может, стоит забрать у брата лучшую половину?

Я сглотнула, отодвинувшись от Владимира: провокация была чересчур дерзкой и откровенной, чтобы игнорировать её.

Ещё глупее было бы поддаться ей. Но я уже поддалась, чувствуя, что проигрываю.

— И не надейся, Владимир. Этому никогда не бывать. Ты мне не симпатичен.

— Я — внешняя копия Славы! — возразил Владимир. — Так что я тебе симпатичен.

— У тебя другое нутро. И в этом ты проигрываешь Славе.

— Странно только, что ты ни слова не сказала о любви, — рассмеялся Владимир. — Наверное, ничего странного в этом нет.

Особенно если учесть, что и Слава любит поскольку, постольку.

— Ты сочишься неприязнью, Владимир. Я расскажу Славе о тебе.

— Слава не поверит. Он очень дружелюбный, и с противоположным полом — тоже. Ладно, — Владимир поднялся. — Мне пора. Не буду вас стеснять своим присутствием. Всего хорошего, — он распахнул объятия. — Обнимешь на прощание любимого деверя?

— О, а ты уже собираешься уходить, что ли? — услышала я голос Славы.

Он уже вернулся и выглядел расстроенным. Слава не замечал, какой надменный тон у Владимира, просто не обращал на это внимания.

— Увы, брат. Пора!

Владимир пожал руку Славе и поцеловал меня в щёку на прощание, усмехнувшись.

На этом пристальное внимание брата мужа не прекратилось. И позднее случилось непоправимое...

Глава 8. Янина

Слова Владимира посеяли смутные сомнения внутри меня.

Я понимала умом, что у Владимира был свой корыстный интерес в том, чтобы пошатнуть доверие в нашей паре и посорить нас.

Но сердцем начала искать подвохи в поведении Славы. И Владимир оказался прав.

Я всегда знала, что Слава легко общается с противоположным полом, балансируя на грани дружественной беседы и флирта.

Сейчас, как назло, я подмечала всё: и много женских контактов в телефонной книге, и разговоры по телефону с кем-то из сотрудниц, проходившие на позитивной и слегка кокетливой волне.

Я начала ревновать, кусала пальцы и уверяла себя, что нет поводов для ревности. Но поводы находились.

Как мне казалось, за всем ними маячила тень самодовольной ухмылки Владимира, словно говорившего: «Я был прав».

Последней каплей стала командировка Славы в другой город. Вернее, отправлял он сотрудницу, главного бухгалтера Анну, чтобы она провела инвентаризацию на складе крошечного филиала.

И для чего-то Слава собрался сопровождать её в этой командировке. Я вспыхнула: необходимости в совместной командировке не было никакой.

Слово за слово, мы начали ругаться со Славой. В сердцах я выплюнула ультиматум, что, если он поедет в эту командировку, я подам на развод.

Слава хлопнул дверью и ушёл. Казалось, он уехал. Я расстроилась, но всё-таки ждала, что он вернётся.

Слава вернулся поздно ночью. Я очень крепко спала.

Я проснулась, только когда слышала его шаги возле кровати. А через мгновение он оказался уже под одеялом, прижимаясь ко мне со спины. Он проворно засунул руку в трусики и начал ласкать мой клитор.

— Ты вернулся? — спросила я, сонно прижимаясь к мужскому телу.

Это мог быть только Слава. Я и подумать не могла, что на его месте окажется другой. Потому что я закрылась на ключ изнутри, и собака даже не залаяла...

— Да-а-а, сладкая, — прошептал он, растирая меня быстрее и быстрее.

— Я думала, что ты не приедешь, что оставил меня...

Я распахнула бёдра шире, предоставляя ему больше доступа к обнажённой пульсирующей плоти.

— Приехал, конечно. Не говори глупостей, родная. Я не мог не приехать, — едва слышно прошептал он.

Он уверенными движениями заставлял меня откровенно желать большего. Я уже выгибалась и сама тёрлась об его руку, прося приласкать.

В самом низу живота от его прикосновений начало бушевать торнадо.

Я хотела почувствовать его пальцы в жаркой глубине лона, сокращающегося в ожидании большей ласки.

— Ещё, пожалуйста! Глубже...

Он выдохнул и замер на мгновение, а потом толкнулся вглубь сразу двумя пальцами. Я застонала, сжимая бёдра, стискивая его пальцы глубоко в себе. Он начал двигаться ими, разнося влагу. Двинул резко вверх, отыскивая пульсирующий узелок плоти между влажными складками. Слегка подразнил меня кончиком среднего пальца и замер.

— М-м-м... — замычала я, не в силах совладать с нарастающим возбуждением.

Он ласкал меня острее и жаднее, чем обычно. Наверное, наша небольшая ссора подстегнула сексуальный аппетит, потому что он тяжело дышал, покусывая мои плечи.

Я задрожала. Он начал дразнить меня увереннее, сильнее надавливал на клитор и двигал пальцами по кругу.

— Нравится?

Он надавил сильнее, и я выгнулась дугой, отчаянно желая, чтобы на месте пальцев оказался член, который он вдавливал мне между ягодиц. Он тёрся твёрдым стояком о мою попку, совершая фрикции, как будто уже вонзался в меня через свои боксеры.

Он начал вращать пальцами на бешеной скорости. Я вскрикнула, начав низко стонать, дёргаясь ему навстречу.

Оргазм жаркой лавой обрушился на меня сверху и излился горячим потоком на его пальцы, которыми он продолжал меня таранить, но уже медленнее.

— Какой ты жадный сегодня! — всхлипнула я, теряя связь с реальностью, потому что хотелось ещё и ещё...

— Хочу тебя, — хрипло прошептал он, вызвав волну мурашек.

Он перевернул меня на живот и спустил трусики до колен, поцеловав кожу ягодиц. Я замерла в предвкушении. Промежность нещадно пульсировала и стала ещё более влажной. Я любила, когда он брал меня сзади. Но Слава занимался сексом в такой позе очень редко.

У него были какие-то дурацкие предубеждения, мол, в такой позе трахаются только текущие сучки. Максимум лёжа на животе.

Мне было дико стыдно признаться, что иногда хотелось именно так: выгнуть спину кошечкой, и чтобы он придерживал меня за бедро одной рукой, а второй оттягивал голову назад, врезаясь в лоно до упора.

Но сейчас он размял ягодицы, массируя их, и скользнул пальцами в тесное влажное лоно, подвигав немного внутри. Я застонала, приподнимая попку.

Очень хотелось... Его... Такого жадного и нового, дико соскучившегося...

Он забрался сверху и ткнулся горячим концом между набухших складок, надавил, раздвигая их крупной головкой. Ожидание наполнило кровь какой-то бешеной одержимостью, и я изогнулась сильнее, толкнувшись назад.

Я насадила саму себя на его член до упора. Он простонал, вцепившись пальцами в бёдра, и удерживал меня так, заставляя дрожать от похоти и влажного желания.

Я чувствовала его член глубоко в себе, ощущая, как он дрожит внутри. Моё лоно сокращалось вокруг его члена, сжимая его стенокками.

Выдержать было очень сложно. Я оперлась на локти, приподнимая попку кверху. Услышав его низкие гортанные стоны, я обрадовалась, что влияю на него так сильно, и замерла в ожидании его толчков.

Он начал двигаться, сначала медленно, выходя каждый раз полностью и вновь заполняя тесное лоно собой. Но с каждым толчком он будто терял контроль над собой, ускоряясь.

Хватка пальцев на бедре стала безжалостной. Но он двигался так

мощно и резко, что небольшая боль только придавала остроты жадному сексу.

Я уже стонала в полный голос, покрикивала от нетерпения, радуясь, что в нашем доме некому подслушивать звуки постельных развлечений. Он всаживал свой член до упора. Сочные, влажные шлепки соприкасающихся тел звенели в ушах.

Его низкие стоны вторили моим. Мне кажется, что мы даже вдыхали горячий воздух в унисон: рвано и пьяно.

Он быстро толкал меня к пропасти оргазма. Я держалась из последних сил, но потом он просунул руку мне между ног и сдавил пульсирующую горошину клитора.

Пыталась вдохнуть воздух и не смогла: меня резко сжало. Оргазм прокатывался по телу спазмами удовольствия.

— Кончила, сладкая? Узкая, как девочка... — прохрипел он, продолжая нещадно меня растирать.

Он ускорился, задвигался резко и грубо, не щадя. А я извивалась и дрожала под ним, жадно принимая его в себя. Одна волна оргазма не успела утихнуть, как за ней изнутри поднялась вторая, полыхнула и затопила меня всю.

— Янина-а-а-а... — простонал он мучительно и толкнулся особенно глубоко, потом вышел из меня и кончил, выплеснув сперму на кожу ягодиц.

Он обессиленно рухнул на постель рядом со мной. Я пыталась подвигать хотя бы кончиком пальца, но это не получалось.

Меня просто качало на волнах блаженства. Он тяжело дышал рядом со мной. Молчал.

Я хотела встать, но он остановил меня, шепнув в волосы:

— Лежи...

Глава 9. Янина

Через несколько минут он поднялся и вышел из комнаты, вернувшись с влажным полотенцем, которым вытер сперму с ягодиц. Лёг на кровать, положив руку поперёк талии, и замер, не говоря ни слова.

Наши разгорячённые тела остывали.

Я удивилась, что Слава не болтал и не обменивался хотя бы лениво словами после секса, как это обычно бывало. Но меня клонило в сон после бурной разрядки, и я уснула рядом с ним.

Потом проснулась от поглаживаний и...

Ночь была длинной. В эту ночь он брал меня так жадно, как никогда ранее, не позволял вставать с постели, подминал под себя, прижимая.

Я уже почти охрипла от стонов, и ужасно сильно хотелось пить.

— Куда ты? — хрипло спросил он, заметив, как я встаю с кровати.

— Пить хочу.

— Лежи, я принесу.

Он встал и ушёл на кухню, долго искал чашки и чертыхнулся несколько раз. А я захотела принять душ.

Между ног было влажно и горячо от собственной смазки. Хотелось смыть с себя пот и запахи секса.

Я неожиданно столкнулась с ним в коридоре, открывая дверь ванной комнаты. Свет из ванной комнаты упал в коридор, осветив его лицо.

Он дёрнулся в сторону. Я нахмурилась и только потом догадалась, в чём причина такого поведения.

Над губой была крошечная родинка. Я закричала, поражённая тем, что моим пылким любовником оказался не муж, а его брат.

Владимир шагнул ко мне, обнимая.

— Ну-ну! Не ори ты так. Ничего страшного не произошло.

— У-у-ублюдок! Да как ты посмел?

— Молча, — улыбнулся он. — И мне очень понравилось. Тебе, кстати говоря, тоже. Я сбился со счёта, сколько у тебя было оргазмов.

Я вцепилась пальцами в дверной косяк, потом вспомнила, что до сих пор обнажена, и сдёрнула с крючка банное полотенце, замотавшись в него. Он, ничуть не смущаясь своей наготы, рассмеялся, прислонившись к стене.

— Прекрати. Я целовал, лизал и кусал твоё тело. А ты совсем недавно умело брала в ротик, доводя меня до оргазма...

— Ублюдок! Убирайся из моего дома! Как ты здесь оказался?

— Ты забыла, что деньги Славику на покупку дома давал я? Выбирали мы его тоже вместе. Славик не поменял замки от предыдущих хозяев. Ключи остались те же самые... И Буран меня хорошо знает, даже не твякнул.

— Ты зна-а-ал...

— Я знал, что Славка отправился в командировку. В ту самую, в которой не было необходимости. И поверь, Янина, он сейчас тоже не скучает...

— Ты не можешь этого знать наверняка!

— Да ну? Сколько ты знаешь Славку? Совсем немного, а я его знаю, как облупленного. Уверен, что он обработал, как следует, какую-нибудь сотрудницу в отеле.

— Уходи-и-и!..

Я закрылась в ванной и залезла в душ, растирая себя мочалкой так сильно, что вся кожа начала гореть и стала очень красной.

Я плакала в голос, стоя под душем, потому что чувствовала себя использованной, как презерватив.

Владимир трахал меня на протяжении целой ночи в разных позах. Теперь понятно, почему он не давал мне вставать с кровати или не позволял включить даже бра. Он боялся, что я узнаю его.

Но это всё-таки произошло.

Мне было очень гадко на душе. От его циничного обмана, от собственной распущенности.

Но хуже всего было то, что я не узнала его. Не узнала в этом мужчине чужого и охотно вбирала его глубоко в себя.

Он постучал в дверь ванной.

— Выходи, Янина. Поговорим.

— Иди на хрен! Убирайся!

— Давай поговорим? Или позвонить Славке, сказать ему спасибо за пользование роскошной сучкой?

Я понимала, что Владимир намеренно обозвал меня так. Но всё же не вытерпела и вылетела из ванной комнаты, намереваясь вlepить ему пощёчину.

Я кинулась на него разъярённой кошкой, но он оказался быстрее. Перехватил меня за руки и резко толкнул спиной к двери. Он наклонился и жёстко раздвинул губы своим языком.

Начал яростно вгрызаться в мой рот, постанывая, прижимаясь эрекцией к низу моего живота.

Я укусила его за губу, но он только довольно простонал, продолжая трахать мой рот своим языком. Его член толкнулся между моих бёдер.

Я почувствовала, как он поднимает меня. Владимир подхватил меня и приподнял, с размаху опустив на свой член.

Я застонала от резкой и болезненной наполненности им.

— О, да-а-а-а... Да-а-а! Теперь тоже самое, Янина, но будешь знать, кто тебя сейчас трахает! — хрипло выдохнул он.

Владимир прижимал меня к стене спиной, вколачивая член. Я царапала его плечи, силясь оттолкнуть, но напряжение и попытки сдвинуть его с места только возбуждали его и лишали сил меня.

К своему стыду я поняла, что меня уже трясёт от дикой, животной похоти, что я теку на его член, сжимаю своим лоном и стону.

Я прикусила губу, желая лишить его триумфа, хотя бы так.

— Какая ты узкая и горячая, как жерло вулкана. Я всё ещё тебе не нравлюсь, Янина? Не нравлюсь, да? Но ты течёшь на мой член и так сильно сжимаешь, как будто хочешь откусить его под самое основание.

— Ненавижу! Ублюдок! Это насилие...

— Дурочка сладкая, ты всю ночь кончала подо мной и на мне, кончишь и сейчас. И если это насилие, то самое сладкое в мире... Давай, кончи на меня ещё раз!

— Не бу-у-у-уду, — упрямо простонала, пытаюсь сдержаться.

— Охрене-е-еть...

Владимир толкался всё быстрее и быстрее, лишая меня возможности здраво мыслить.

Циничный ублюдок... Нахал...

И так неправильно, что меня резко накрывает оргазмом, от которого кровь закипает в венах, и я взрываюсь, жадно хватая воздух ртом.

— Скоро кончу, Янина-а-а! — почти выкрикнул он и резко вышел

из меня, отпустив.

Владимир уже не держал меня.

Я рухнула, как подкошенная, на пол. А он зажал пряди моих волос в кулаке и оттянул голову назад. Тотчас же у моих губ оказался его член, пахнувший моим влажным возбуждением.

Владимир смотрел на меня, как дикое животное. Его глаза лихорадочно блестели. Он толкнулся членом в мои губы, смотря мне при этом в глаза.

— Возьми, — прошептал он, толкаясь членом.

Владимира трясло от похоти. Я чувствовала запах его кожи и запах собственного возбуждения. Владимир настойчиво двинул членом, и мои губы распахнулись под напором его плоти, твёрдой, как камень.

Он простонал, оказавшись внутри моего рта, и потянул меня за волосы. Всадил свой член мне в рот до самого предела и кончил, едва конец упёрся в глотку. Владимира трясло, пока он истекал струёй спермы мне в рот.

Его губы безостановочно двигались, что-то шепча. А меня будто выключило из реальности, пока я вбирала ртом семя его похотливого желания.

Глава 10. Янина

Я ошарашенно осознавала произошедшее. Владимир поднял меня и бережно прижал к себе.

— Сладкая. Нежная. Горячая. Сводишь с ума... — хрипло выдохнул он и нежно поцеловал меня в губы.

Я залепила ему кулачком в левое ухо. Он возмущённо дёрнулся от удара и разжал пальцы рук.

Я тяжело дышала, глядя на него с ненавистью.

— Ненавижу тебя. Уходи немедленно.

— Уйду. Но сначала успокойся и выслушай меня.

— Ни за что!

Я опять закрылась в ванной, ещё раз умываясь.

Горячая вода смешивалась со слезами и казалась грязной.

Всё вокруг было покрыто потоками грязной похоти, источником которой была я сама.

Владимир постучался в дверь.

— Я принёс твой халат. Выйди, пожалуйста. Обещаю, что не трону тебя и пальцем. Если сама не пожелаешь.

— Не пожелаю? Ты серьёзно? Я тебя не хочу ни видеть, ни слышать! Ты больше не переступишь порог этого дома, моральный урод!

Я вышла из ванной, сердито закутавшись в любимый халат персикового цвета. Владимир уже оделся и стоял, глядя на меня. Он обхватил мой локоть.

— Янина, послушай меня... — умоляюще произнёс он.

— Не трогай меня! — зашипела я. — Насильник!

— Ты же...

— Без разницы! — топнула я ногой. — Нет никакой разницы, не кончила я или испытала десять оргазмов подряд. Это насилие. Ты меня изнасиловал. И я тебе это никогда не прощу!

Владимир невозмутимо подтолкнул меня в сторону кухни и налил чашку чая с молоком. Горячий. Успел вскипятить чайник, пока я была в ванной комнате.

— Послушай, Янина. Ты с самого начала мне понравилась. С того самого грёбаного фото у Славки в телефоне, где я тебя впервые увидел. Я с ума схожу, думая, что ты Славкина жена. Ты мне безумно нравишься.

Я зло рассмеялась.

— Представь себе, ты хорошо это доказал.

— Не смейся. Так хорошо, как с тобой, мне не было ещё ни разу.

— И не будет. Не надейся на повторение, Русаков. Проваливай из нашего дома.

Владимир вздохнул, поправив волосы. Я с ненавистью посмотрела на его волнистые тёмно-русые локоны.

— И смени причёску. Не смей изображать из себя Ярослава.

— Ярослав? Ярослав тебе изменяет! — выплюнул Владимир. — Я видел его на корпоративе с одной девицей. И поверь, сосался он с ней очень активно. Продолжение последовало незамедлительно!

— Твоими, Русаков, стараниями я тоже изменила своему мужу. Так что даже если Ярослав мне изменял, сейчас мы с ним квиты. А теперь проваливай!

— То есть тебе плевать на то, что Славка мало того, что неспособен сам обеспечить вашу семью, так ещё и трахается с кем попало? — повысил голос Владимир.

— О-о-о! Давай, расскажи, как плох мой муж. Но сначала посмотри в зеркало на себя. Ты обманом прокрался в дом, залез ко мне, спящей, в кровать и трахал в темноте. А знаешь, почему? Да потому что тебе не достался бы ни один мой поцелуй, знай я, что это ты!

— Но ты текла у стены ванной, — возразил Владимир. — У меня до сих пор тело пахнет тобой.

— Насильно. Ты насильник. Циничный хам и моральный урод. Уходи немедленно. И нам не нужны твои деньги. Мы прекрасно проживём и без них!

— Проживёте? — Владимир громко расхохотался. — Хрена с два! Даже до появления тебя я всегда помогал Славке по-крупному! Например, одолжив денег на покупку вот этого самого, блядь, дома. Хочешь, скажу честно? Мне откровенно насрать на этого вертопраха! Но из-за его отношения к деньгам будешь мыкаться и кусать локти именно ты, Янина.

— Пускай будет так. Не приму от тебя ничего. Уходи из нашего

дома!

— Янина, прошу!

Владимир двинулся в мою сторону. Я вскочила и схватилась за сковороду для жарки блинчиков, висевшую на крючке.

— Уходи немедленно. Или я заявлю на тебя в полицию. Я потерплю часы унижений, но доведу дело до конца.

Владимир хрипло рассмеялся.

— Девочка, тебе никто не поверит. И даже если ты, отчаянная дурочка, пойдёшь и сделаешь это, дело прикроют. У меня большие связи. Все начальники нашего отдела полиции прикармливаются талонами на бензин и на соляру с моих АЗС.

Я была поражена цинизмом его слов. Владимир поступил подло по отношению ко мне. Поняв, что я не стану с этим мириться, он, словно нарочно, пытался выставить себя в невыгодном свете.

— Сейчас ты стал мне ещё более противен. Ублюдох.

Владимир поднялся и пошёл на выход.

— Пожалуйста, — попросил внезапно тихим голосом. — Не делай ошибку. Жизнь со Славкой — не то, чего ты достойна.

— Я достойна многого. Гораздо лучшего, чем пачкаться о циничный кусок дерьма вроде тебя, Русаков.

Глава 11. Янина

После моих слов лицо Владимира резко побледнело. Он стиснул челюсти и сжал кулаки. Зелёные глаза полыхали огнём негодования.

— Эти слова были лишними. Они были сказаны зря, Янина.

— Я всё сказала. Убирайся и подавись своими деньгами.

Володя двинулся в сторону выхода.

— И заberi Бурана! — сказала я ему вслед.

— Что? — остановился он.

— Заberi Бурана. Или я завтра же отвезу пса в ветеринарку, чтобы его усыпили.

— Ты этого не сделаешь.

— Сделаю! — выпалила я. — Мне не нужен пёс, который не охраняет дом, а пускает в него мразей вроде тебя.

— Как скажешь! — процедил сквозь зубы Владимир. — Завтра заберу. Буран не тявкает на меня, но не пропустит ни одного другого.

Владимир ушёл и на самом деле забрал пса на следующее же утро. Молча. Без единого слова и попытки приблизиться ко мне.

Глядя на то, как огромный алабай ластится к Володе и облизывает его ладони, я вдруг подумала, а не Володя ли выбирал и Бурана?

И что из окружающего меня было достигнуто и куплено самим Ярославом? Выходит, что ничего?..

Славка приехал вечером следующего же дня. Приехал с огромным букетом роз чайного цвета и дорогими серьгами из белого золота с россыпью мелких изумрудов.

Муж пылко извинялся и был со мной необычайно ласков и нежен. Он долго подготавливал меня, вылизывая и растягивая пальцами перед тем, как войти и заполнить своим членом.

Я подрагивала от наслаждения, испытывая какое-то мрачное моральное удовлетворение от того, что счёт по его изменам закрыт мной немногим ранее.

Владимир не врал, говоря, что Славка мне изменял. Я чувствовала сердцем, что он не врал. Это была какая-то сверхъестественная убеждённость в правоте его слов.

Славка кончил в меня, протяжно застонав, и рухнул сверху. Машинально я подсчитала, что сегодня не подходящий день для зачатия.

Но мне вдруг очень захотелось иметь детей. Мне казалось, что это будет тот узелок, что свяжет нас с мужем крепче всего остального.

— Ты плачешь? — удивился Слава, поднявшись.

— Хочу от тебя детей и боюсь заводить их с тобой. Ты непостоянный, Славка. Мне кажется, что ты мне изменяешь. Это правда?

Слава отрицательно покачал головой.

— Нет.

Но поймав мой пытливый взгляд, Слава стушевался и прижался подбородком к моей груди, виновато глядя в глаза.

— Почему-то не получается соврать и спрятаться сейчас. Да, было один раз. По пьяни на корпоративной вечеринке. Я даже не помню, как это было. Просто проснулся без трусов, а рядом спала сотрудница. Но ты для меня значишь очень многое. Я бы всё отдал, чтобы ты меня простила.

— Всё?

— Всё...

— Не хочу видеть твоего брата у нас дома, — сказала я. — Чтобы ноги его в нашем доме не было!

— Почему? — удивился муж и спросил, нахмурившись: — И почему во дворе не видно Бурана? Ты его закрыла в вольере?

— Нет. Не закрыла! — сказала я и нагло соврала: — Мне пришлось просить твоего брата, чтобы он срочно забрал пса.

— Тебе же нравился Буран?

— Нравился.

Я помолчала и ответила, что пёс напугал меня, кинувшись на меня спросонья, когда я проходила мимо него спящего. Буран всегда порывился во сне. Но он никогда бы не бросился на меня.

— Я ещё не разговаривал с Вовкой. Он забрал Бурана? Если да, то почему ты такая злая, Ян?

Я зло рассмеялась.

— Забрал, да. Сделал мне огромное одолжение! Неужели ты не замечаешь, как он высокомерен? Ходит по территории нашего дома, как будто он здесь всему хозяин. Он мне глубоко неприятен. И я запрещаю

тебе брать у него деньги. Твой брат кичится своей властью и постоянно подчёркивает своё превосходство.

— Он мой родной брат, — возразил Слава. — Вовка непростой человек. Но я многим ему обязан. Я не могу вот так захлопнуть дверь перед его носом.

— Хочешь, чтобы я осталась с тобой после признания в измене? — холодно спросила я. — Значит, пойдёшь мне на уступки. И мы перевернём эту страницу, забыв о ней навсегда.

— Хочу! Хочу, Яна! Моя измена была глупой, досадной ошибкой. Да, я общительный, у меня язык сам болтает по поводу и без, но оступился я всего один раз.

— Один раз? — спросила я. — А как же твоя командировка?

Славка тяжело вздохнул.

— Мне срочно пришлось уехать, чтобы вывезти технику со склада. Или его бы опечатали за неуплату аренды, забрав всё, что лежало внутри. Я не хотел тебя расстраивать раньше времени. Ты же была против очередной моей идеи. Ты оказалась права, мне не стоило открывать филиал. Дело не выгорело. Я почти двое суток был на ногах и не спал. У меня банально не было ни времени, ни желания на тупой трах. Я не хочу терять тебя!

Кажется, что сейчас Слава не врал.

Я дала Славке шанс исправиться. Некоторое время мы жили душа в душу. Он перестал видеться с братом, поставив ему ультиматум. Пытался сам управлять бизнесом, упорно при этом ведя его к краху. Немногим позже я забеременела...

А потом случилась страшная авария, в которой я потеряла всё. И прежде всего саму себя.

Глава 12. Владимир

Я вор.

Все мои воспоминания и встречи с Яниной украдены. Нагло присвоены без согласия на то владельца. С самого первого раза, когда я увидел её. Не в живую. Но на фото.

Со Славкой я ладил, но отношения у нас были прохладные. Меня раздражали такие непостоянные люди, как он.

Я твёрдо стоял на ногах, а он то бежал вприпрыжку, то падал, но только не стоял на месте.

Я периодически выручал брата. Но больше по указке родителей. Отказать не мог. Потому что именно они вложили капитал в развитие моего бизнеса поначалу. Всего остального я достиг сам.

Но первая ступенька, вот она — нули, щедро отсыпанные родительской рукой.

Поэтому, когда мама тактично намекала, что у Славки не всё гладко, Володя доставал бумажник и отстёгивал непутёвому распиздяю денег, вытаскивал его провальные идеи из очередной задницы.

То утро не стало исключением. Накануне мама посетовала, что брат хочет вложиться в продажу офисной техники. Помочь бы младшему!

Я едва не послал собственную мать. Потому что помог брату меньше, чем полгода назад, с покупкой неплохого дома и даже выбрал ему хорошего пса.

Славка, мудила, даже собаку нормальную для охраны дома выбрать не мог. На собачьем рынке он то щупал колли, то смеялся над хасками.

Балбес. Дурень. Вечный пятнадцатилетний подросток в теле взрослого мужика за тридцать лет.

Я сказал ему не страдать ерундой и подарил брату белого алабая с чёрными пятнами. Буран.

Пёс понравился Славке, но и меня не забыл, странное дело, хоть я и не так часто бывал у брата дома. Но пёс неизменно ластился ко мне тоже.

Мама попросила в очередной раз помочь Славику, её ветреному

любимцу. Я хотел отделаться от братской повинности как можно быстрее.

Славка обычно появлялся на работе в половину десятого, а то и к десяти. Поэтому я рванул к нему домой, всё равно было по пути. Посигналил возле кованых ворот.

Шторка на одном окне отдёрнулась в сторону. Но из дома никто не вышел.

Я набрал его номер, злясь, что индикатор зарядки почти на нуле.

— Славка, хули ты под одеялом задницу греешь? Выходи, в банк заедем сразу же!

— Я уже в офисе, — бодрым голосом отозвался брат.

— Да ну? — удивился я. — А дома у тебя кто бродит?

— Дома? А-а-а! Моя дома осталась. Не хотел будить, — беспечно отозвался брат.

Ладно, придётся ехать к нему в офис. Я резко развернул автомобиль и поехал к Славке.

По дороге попал в пробку, проторчав в ней около часа. Почему-то в голову вкрутилась фраза Славки.

«Моя дома осталась...»

Моя... кто?

Просто «моя».

Прозвучало ёмко и непривычно для Славки.

У него было много кого: подруга, девушка, зая, котя...

Просто «моей» ещё не было. Брат как-то обмолвился, что собирается жить вместе с какой-то девушкой. Но я не придавал этому значения.

У брата всегда было много девушек. Он менял их быстро и часто. Я даже и имени её не запомнил, хотя он мне его называл.

К офису Славки я приехал позднее, чем планировал. Вошёл в кабинет, не постучав.

Секретарша дёрнулась в сторону от кресла брата, отодвигаясь на более приличное расстояние.

Рука Славки опустилась. Ощущение, как будто недавно его рука лежала на талии или щупала задницу.

Ну, привет, блядун. Но вслух я сказал другое:

— Утро доброе!

Славка всегда был любезен с противоположным полом. И эта

секретутка даже сейчас льнула к моему брату, прикасаясь к нему плечом.

Она тыкала пальцем в экран и что-то объясняла в ежедневном отчёте.

— В банк поедem? — спросил я.

— Да. Конечно. Сейчас только разберусь с отчётом. А то потом ещё куча работы навалится, могу забыть!

— Хорошо. Сейчас позвоню и предупрежу, чтобы деньги приготовили. Сколько тебе надо?

Славка отослал секретаршу, улыбнувшись ей, назвал мне необходимую сумму и вновь уткнулся в монитор компьютера.

Я нырнул за своим телефоном в карман пиджака и выматерился, увидев чёрный экран.

— Блядский iPhone!

— Опять сел? — не отрывая взгляда от монитора, спросил Славка.

Всерьёз работал, что ли? Странно!

— Да.

— С моего телефона позвони. Найти тебе номер банка?

— Нет. Я номер телефона менеджера банка помню лучше, чем твой. Потому что звоню туда чаще! — огрызнулся я, взяв телефон брата. — Пароль установлен?

— Вован, какой пароль? погоди, не отвлекай. Я тут кое-что не могу понять...

Брат отмахнулся, а я разблокировал телефон и застыл, увидев фото.

Наверное, Славка переписывался с девушкой и не закрыл окно диалога. Отложил телефон в сторону и забыл.

Глава 13. Владимир

С экрана на меня смотрела девушка.

Я сразу зацепился взглядом за тёмно-серые круглые глаза. Смотрит удивлённо и немного радостно.

Аккуратная стрижка каре и чёлка. На ком-то другом смотрелось бы по-детски, но ей невероятно шло. Лёгкая улыбка на пухлых губах.

Заспанная, светлая. Луч света разделяет лицо. Девушка немного прищурилась, но глаза всё равно большие. Запоминающийся цвет. Тёмно-серый без грязных примесей.

Из моего тела как будто вырвали лёгкие и забыли поставить их обратно.

Закреть бы фото, которое предназначалось не мне. Но я рассматривал девушку, лежащую на кровати в ворохе одеял.

Утреннее фото, светлое и такое нежное.

Лёгкая эротика с налётом чувственности. Потому что видны тонкие плечи и косточки ключиц. Ярёмная впадина... и чуть ниже виднеется верхняя часть груди.

Совсем немного выглядывает нежно-розовый бутон соска. Спокойного, мягкого, не возбуждённого.

Но у меня при одном взгляде на эту крохотную деталь во рту собралась слюна. И члену стало тесно в брюках строгого покроя.

Мгновенный стояк и резкий, почти болезненный.

«Моя дома осталась...» — сказал брат.

Вот эта крошка и есть та самая «моя»?

Судя по надписи к фото: «Доброе утро, милый!.. Лю...» и куче розовых сердечек после.

Она и есть.

Я словно последний придурок пялился на это фото, а потом, чувствуя себя конченным вуайеристом, переслал это фото себе. Я сразу же стёр с телефона Славки отправленное сообщение.

У Славки сведений об отправке не сохранится. А у меня будет фото.

«Моя дома осталась...»

Значит, эта крошка была дома, когда я приехал? Мягкая, разомлевшая после сна? В моём воображении она подошла к окну именно так: обнажённая, придерживая одеяло возле груди.

Я разбудил её автомобильным гудком? Она встала, осторожно выглянула из-за шторы, но не стала выходить. Снова легла, а потом отправила эротичное фото моему братцу.

«Доброе утро, милый!.. Лю...»

Это был какой-то новый, недоступный мне мир кратких словечек, понятных и приятных только двоим.

«Моя», «лю»...

А я подумал, что, если бы мне прислали такое фото, я бы уже лежал рядом с этой малышкой в постели. И завесил окна поплотнее, чтобы не знать, что на улице уже наступило утро.

Но точно бы не сидел в офисе, пока какая-то тупая секретутка изгибается над моим столом едва ли не раком.

— Разобрался? — услышал я голос брата.

— Конечно. Но, по ходу, цифры перепутал... Сейчас ещё раз наберу...

Ни хрена я не перепутал. Но голос брата вернул меня к действительности.

В действительности ему, распиздяю и вертопраху, досталась солнечная крошка. Пока он корчит из себя успешного бизнесмена, я прикрываю его тылы и латаю финансовые дыры.

Пока он напропалую флиртует и, возможно, ебёт всё, что движется, в его постели греется малышка. Она с любовью посылает ему эротические фото, от которых возбуждение пробирает до самых мозгов.

Славка есть Славка. Он мой брат. Но это не означает, что я буду прикрывать его жопу в ущерб себе.

Я знаю, как легкомысленно он относится к отношениям. Даже если он не трахает всех подряд, то прощупывает почву.

На будущее, что ли? Зато потом, едва кинет одну девицу, на подходе есть уже другая, почти полностью обработанная и готовая. Стоит лишь немного дожать.

Это блядство у него в крови. Неисправимый вертопрах.

Но брат настолько лёгкий в общении, что располагает к себе за считанные минуты. Особенно девушек. Особенно таких, как эта малышка.

Где он её подцепил? В клубе на дискотеке выпускников?

Мысли, как назло, крутились возле этой девчонки.

Пока мы с братом ездили в банк, снимали деньги, обедали в ресторане, я постоянно возвращался мысленно к этому фото. Въелось в память и не выходило оттуда.

— Ты с этой секретаршей мутишь, что ли? — спросил я у Славки как бы невзначай.

— С кем? С секретаршей? — удивился брат. — Нет, конечно. С чего ты взял?

— С того, что она раком погибает и трётся около тебя.

— Работа у неё такая, — улыбнулся брат. — Загибаться и тереться, всем своим видом показывая, кто тут главный. Пусть старается! А так — нет, не мучу с ней.

— Но ты с ней флиртуешь. А эта сучка течёт.

Славка пожал плечами.

— Я всегда так с девушками общаюсь. Не могу же я с ними общаться, как с мужиками, на равных. Женский пол — слабый и прекрасный!

Мне внезапно захотелось вдарить брату по роже чем-нибудь. А ещё очень хотелось рассмотреть фото подробнее.

Я крутил разряженный телефон между пальцев, с нетерпением ожидая момента, когда смогу его зарядить и включить.

Это получилось сделать лишь в офисе.

Я не понимаю, почему меня так выключило из реальности всего с одного фото. Но есть в нём что-то колдовское и притягательное, как в полнолунии.

— Давай, малышка, покажи мне себя! — прошу я одними губами, разглядывая фото до болезненной рези в глазах.

Глава 14. Владимир

Я разглядываю цветные пиксели на экране, но моя фантазия бродит далеко отсюда.

В моей версии реальности девушка переворачивается на живот и выбирается из-под одеяла. Спина изогнута кошечкой, а тёмно-серые глаза влажно и призывно поблёскивают.

Она перебирается ко мне на колени, ластясь. Соски твердеют, задевая ткань моей рубашки. Пухлые губы едва слышно испускают вздохи, когда я провожу пальцами по внутренней стороне бедра.

Всего несколько движений по клитору и немного дальше. Чтобы потрогать и убедиться: она уже влажная и дрожит в ожидании новой порции ласки.

Я всего лишь смотрю на фото, но в моём воображении со скоростью пулемётной очереди выстреливают стоп-кадры из фильма для взрослых...

Мои пальцы легко скользят, погружаются в её влажную дырочку. Движения плавные и неторопливые, но быстро перестают быть такими, потому что она сама раскачивает бёдрами, сидя у меня на коленях. Насаживается на мои пальцы и просит ещё.

Потом её пальчики проворно расстёгивают ремень и ширинку брюк. Горячая ладошка размещается на моём стояке. Тонкие пальчики, как лоза винограда, обхватывают член.

Туго и тесно... Вверх и вниз... Быстро и жадно.

Тяну её к себе, чтобы села на меня. Головка члена упирается в её вход. Дёргаю её, насаживая, и...

Моя бурная фантазия не выдерживает. Меня скручивает оргазмом на этом моменте. Оргазм больше похож на агонию.

Я ошалело смотрю на свою руку, не понимая, в какой момент начал дрожить, сидя у себя в кабинете. Казалось, отвлёкся меньше, чем на минуту. Но кончил так, будто у меня был год воздержания.

Девчонка на фотографии всё так же призывно улыбается.

Я понимаю, что она слишком хороша для солнечного Славки.

И уж тем более чересчур хороша для мрачной тени вроде меня.

Но в отличие от Славки, я не собираюсь разменивать её, ставя в один ряд с одноразовыми дырками.

Я ещё ничего не знаю о девушке брата, но глаза говорят о ней очень многое. Я уже почти ненавижу своего брата.

Чёрная зависть подобно плесени разрастается внутри.

Эта девчонка должна стать моей. Во что бы то ни стало.

Потому что Славка был, есть и останется собой. Даже если он сейчас держит свой член при себе, долго это не продлится...

А потом подвернулся удобный случай для знакомства.

Славка в благодарность за помощь с бизнесом пригласил меня на семейные посиделки. Словно сама судьба подыграла мне, дав распробовать девушку брата на вкус.

Она приняла меня за Славку, а я не стал отказываться и, как больной, набросился на её губы. Мягкие и тёплые, словно клубничный джем.

Мне было совершенно похрен, даже если бы брат вышел и увидел, как я целую его девушку. Её язычок был бойким и острым, постоянно ускользал от меня. Я чувствовал себя охотником, вгрызаясь глубже и глубже.

Пока она не поняла, что я не Славка, и не отпихнула меня возмущённо.

Меня уже несло, и этот бурный поток было не остановить. Я чаще начал бывать у Славки дома и в офисе. Мама была рада: братья нашли общий язык и живут душа в душу. Настоящая же причина была в другом.

В Я-ни-не...

Я усердно ждал, пока Славка оступится.

Но брат, словно нарочно, притормозил. Нет, он всё так же флиртовал направо и налево со всеми подряд, но не переступал грань или очень умело это скрывал.

Я не допускал ни единой мысли о том, что Славка решил остепениться. Но брат, как будто назло, на самом деле решил быть примерным семьянином.

Это не останавливало меня. Мне было сложно удержаться и молчать.

Я, словно тень от грозовой тучи, постоянно находился рядом. Не мог не находиться. Потому что бизнесмен из Славки вышел откровенно

хуёвый.

Брат был лёгкий на подъём, и запала в нём горело много. Но он всегда переоценивал свои возможности. Поэтому в последнее время рядом со Славкой находился спасательный трос в виде моего кошелька.

Может быть, я сам разбаловал его подачками, поэтому он жил, не задумываясь о последствиях. Зачем? Если рядом есть безотказный банк, выдающий беспроцентный кредит.

Славка частенько просил о помощи.

Как-то не хватало на роскошную поездку на райские острова. И я, матерясь про себя, всё же помогал. Зная, что потом изведусь от изжоги.

Славка в глазах Янины — мужчина с большой буквы «М».

Состоятельный, весёлый, умелый, щедрый...

Славка будет трахать эту малышку на белом песке под шёпот ласковых бирюзовых волн.

Славка моими руками обустроил милый райский шалашик для двоих...

Потом Славке в голову взбрело жениться. Жениться, блядь!

Тут я уже не смог сдержать своего сарказма. Янина оскорбилась, брат, как всегда, посмеялся и начал активно готовиться к свадьбе.

Мне пришлось едва ли не за шиворот выволочь его и встряхнуть.

— Какая свадьба, Славка? — вспыхнул я.

— Обыкновенная, Вован. Чё кипятишься так? — усмехнулся брат.

— Тебе только жены и детей не хватает для полного счастья!

— Да. Не хватает. И тебе рекомендую себе постоянную бабу завести. Вдруг понравится? А то трахаешь постоянно непонятно кого!

Я рассмеялся.

— Да ну? А что насчёт тебя? С каких пор ты стал верным, Славик?

— Я собираюсь жениться. Если ты не заметил.

— Остепенился, что ли? А как же все остальные бабы?

— Остальные? — хмыкнул брат. — Так нет сейчас никого. Хочешь — верь, хочешь — нет. Мне моей хватает...

— Должно быть, горячая штучка, если вечный блядун успокоился? — рассмеялся я.

— Не жалуюсь! — нахмурился брат. — Ещё вопросы есть?

— Только один. Сколько денег тебе надо? — я вытащил сигаретную пачку и закурил, стараясь сконцентрироваться на чём-

нибудь ещё, кроме мыслей о невесте моего брата.

— Сам справлюсь.

Славка начал хлопать по карманам, ища тот же самый «Dunhill», что и у меня. Нашёл. И пачка, как всегда, пустая.

Я швырнул ему свою пачку вместе с зажигалкой.

— Держи, брат. Говоришь, сам справишься. А в кармане нет даже сигарет.

— Я и так должен тебе хрен знает сколько, — закурил Славка. — Вовек не рассчитаюсь.

— Смотри сам. Свадьба — затратное дело. Если ты, конечно, хочешь побаловать свою невесту. Или сделай всё по-простому. Можно не играть пышно. Главное же, что вы вместе! — сказал я и подавился сигаретным дымом.

Славка помолчал.

— Нет. Хочется, чтобы праздник для Яны был самым лучшим.

— Тогда не тупи, — посоветовал я брату и попытался перестать думать о чужой женщине.

Я поверил в то, что у брата в голове всё встало на свои места. Но потом увидел, как на последней холостяцкой вечеринке в клубе Славка натягивает на свой член рот какой-то мелкой соски. Пьяный настолько, что ни хрена не соображал, даже когда я вытащил его и залепил в ухо.

— Застегни ширинку, ушлёпок. Ты же вроде жениться собрался! — прорычал я брату и отвёз его к себе на квартиру, чтобы тот проспался.

Наутро Славка с удивлением похлопал глазами.

— Не помню, как я оказался у тебя в квартире...

— Не пей столько, если не можешь. Что-нибудь вообще помнишь?

Славка уронил тяжёлую голову на стол.

— Нет. Хреново мне. Домой надо. К своей хочу.

— Да ну? — усмехнулся я. — А свой член вчера ты к ней в рот пристраивал или к другой бабе?

Славка выматерился.

— Бля. Не помню. Хоть убей, не помню.

— Не можешь — не пей, — посоветовал я Славке и дал себе обещание, что это первый и последний раз, когда я спас репутацию непутёвого брата.

В следующий раз не я буду делать ничего, спокойно останусь в стороне и возьму желаемое.

Глава 15. Владимир

Следующего случая пришлось ждать долго.

Я был терпелив, словно Будда, приглядывая за семьёй Славки.

Попросту говоря, я хотел оставаться в стороне, но не мог. Поэтому появлялся почти на всех семейных праздниках, часто навещал брата и приглашал парочку к себе.

Я растравливал себя и не мог не язвить, зная, что своими руками помог выстроить крепкий брак, обеспечил тылы этой парочке.

Янина смотрела на меня, как на шакала, скалящего зубы, и постоянно искала глазами Славку, стоило мне оказаться рядом.

Не видела и не понимала ничего? Или просто не хотела видеть?

Случай подвернулся сам. У меня среди сотрудников появился новый бухгалтер, Анна.

Как работник, она неплохо зарекомендовала себя. Но карьеру решила подкрепить не тем, чем надо. Почему-то некоторые думают, что переспать с начальством просто необходимо для гаранта долгой работы и хорошего карьерного роста.

Я эту прыткую дамочку быстро осадил и не менее быстро уволил. А Славке как раз понадобился бухгалтер взамен ушедшего. Он спросил, не могу ли я порекомендовать кого-нибудь?

Не могу ли я? Конечно, могу.

Вот ту самую Анну я ему и порекомендовал, понимая, что дамочка не преминет попытаться закрепить карьерный успех постелью, как пыталась проделать это со мной.

А дальше...

Дальше всё уже будет зависеть от того, насколько Славка стойкий и честный со своей крошкой-женой.

Выдержки Славке хватило ненадолго.

Славка всегда присутствовал на моих корпоративах, а я — на его. Так повелось почти с самого начала. Исключение составляли случаи, когда даты совпадали. Но на этот раз не совпали.

Чинные посиделки в небольшом ресторане на годовщину его компании плавно переместились в караоке, а потом — в клуб. И уже

оттуда Славка уезжал вместе с Анной, едва не трахаясь с ней на ходу.

Осталось только довести до сведения Янины, что братец ей изменяет. Она бы поссорилась с ним.

Но Янина словно нарочно не хотела слышать меня и усердно отпихивала от себя. Сердито надутые губы и блеск в глазах только подстёгивали меня.

Разговаривая с ней, я уже успевал раздеть её и сделать своей несколько раз.

Наши короткие перепалки заставляли меня гореть. Мне хотелось распробовать её, как следует.

Я едва ли не в открытую говорил ей: «Я хочу тебя!»

А Янина бросила мне в ответ:

— И не надейся, Владимир. Этому никогда не бывать. Ты мне не симпатичен.

Я ей не симпатичен. Зато к Славке льнёт, как лоза.

Меня взбесил и одновременно возбудил её отказ. Да, у нас со Славкой разные характеры. Но чисто внешне мы одинаковые. Даже причёски. Нас не различить.

Я был уверен, что Янина достойна большего, чем сидеть в четырёх стенах, ожидая Славку, пока тот наблюдается.

Но по своей воле Янина ни за что бы не приблизилась ко мне. Упрямая, цеплялась за верность браку и своему мужу.

Верна своему неверному мужу.

Это возбуждало, заставляло беситься и одновременно восхищало.

Хотелось и сорвать эту розовую пелену, и ещё немного понаблюдать.

Интересно, когда я успел превратиться в конченого мазохиста?

* * *

Брат сам подарил мне шанс перевоплотиться в него на время.

Славка позвонил утром и попросил у меня один из внедорожников.

— Далеко собрался?

— В область. Дорога дерьмо. Мои малютки не проедут по этим ухабам...

— Приезжай. Одолжу серый крузер! — привычно усмехнулся я.

Потому что брат без меня как без рук. У него были две машины. Но обе легковые, с заниженной посадкой. Дорогие, красивые конфетки, на которых можно было разъезжать только по городу.

Глядя, как Славка зло швыряет небольшую дорожную сумку в багажник, я поинтересовался:

— Куда уезжаешь? С вещами. Надолго, что ли?

— Не хотелось бы, — нахмурился брат. — Поеду в филиал. Придётся срочно вывозить всё со склада. Сегодня крайний срок.

— Не выгорело?

— Да. К хренам всё!

— Я тебе говорил, что не стоит!

— Да помню я! — взорвался брат. — Хоть ты помолчи, а?

— Жена мозг вынесла? — ухмыльнулся я.

— Не то слово. Выебала мне весь мозг своей ревностью!

— Так скажи, куда и зачем едешь. Тяжело, что ли?

— Тяжело! Она, как и ты, была против, чтобы я лез с этим филиалом. А он, сука, за полгода столько проблем мне обеспечил, что на треть жизни хватит. Не хочу говорить, что мы в заднице. У нас с женой и так не всё гладко в последнее время, — разоткровенничался брат. — А тут ещё эта ревность! Ну, вот ни к чему она мне сейчас!

— Хорошо поскандалили? — ровным голосом спросил я.

— Отлично! Пригрозила, что разведётся, если уеду в командировку и не вернусь сегодня.

— Успеешь всё сделать?

— Нет, конечно же! Одна дорога только займёт часа три, в лучшем случае. На пару дней точно зависну. Постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Жена обидится? — предположил я.

— Надо спасти хоть что-то. Потом — всё. Никуда не полезу! — заявил брат и полез за телефоном. — Ань, ты готова? Куда за тобой подъехать? Да. Скоро буду...

Славка завёл внедорожник и помчался разгребать всё то, что он сам накуролесил.

Я пожелал брату счастливой дороги, улыбнувшись. По разговору понял, что он поедет в область с бухгалтером.

Я не сомневался, что они завалятся в отель и потрахаются. Славка уже изменил своей жене однажды, изменит ещё раз...

Янина пригрозила, что подаст на развод, если муж уедет в командировку.

Твой муж уехал, Янина... Но он обязательно вернётся. Поздно ночью.

Пора бы ей открыть глаза на Славкины фортели.

В этот момент я чувствовал себя последней мразью.

Но в душе радовался, как ребёнок, узнавший, где припрятали вазочку с конфетами. Осталось только подойти и взять себе одну. Или загрести целую кучу жадными пальцами...

Глава 16. Владимир

Понятия не имею, на что я надеялся. Или не надеялся, но на тот момент меня извело тягой и желанием настолько, что я был готов уже на всё.

Я думал, что обман раскроется только утром.

Янине придётся признать правду: я подхожу ей не меньше Славки. А если учесть, что он блядует, то больше него.

Но всё пошло наперекосяк. Было непередаваемо остро и вкусно.

Секс — прекрасен, и больше ничего хорошего.

Всё, что мы сказали друг другу после секса, было соревнованием, кто кого ударит больнее словами. И судя по выражению лица Янины, в этом искусстве мне не было равных.

Но и мне было тошно.

От себя, от её ненависти и отвращения, читающегося во взгляде. И я не сделал лучше, напротив. Янина после той ночи вцепилась в свой брак крепче бульдога.

Я сомневался, рассказала ли она Славику обо мне.

В какой-то момент решил, что рассказала. Потому что Славка вернулся из командировки и заехал ко мне в офис, громыхнув автомобильным брелоком.

Брат швырнул брелок с ключами вместо того, чтобы просто отдать его мне.

— Сколько денег я тебе должен? — с вызовом спросил он.

— Вспомнил про долги? С чего вдруг? Живи, как раньше. Всё же заебись, когда за тебя проблемы решают! — не выдержал я, перейдя на тот же недружелюбный тон, что и он.

— Сколько?

— Много, брат. Очень много. Думаю, у тебя денег не хватит расплатиться со мной.

— Я верну тебе всё до копейки, — заявил Славка. — И не появляйся у меня дома!

— Не появляться? — хмыкнул я. — Почему?

— Послушай, Вовка. Я не знаю, какого дерьма ты наговорил

Янине. Но она не хочет тебя видеть. Наверное, в этом виноват я сам. Возможно, тебя достали мои постоянные просьбы о помощи. Но ты мог прямо сказать об этом мне. А не срываться на моей жене из-за простой просьбы забрать твою ебанутую псину!

Я рассмеялся так сильно, что слёзы брызнули из глаз. Брат решил, что всё дело в алабае. *Ох, Славка! Как можно быть одновременно такой блядью, вертопрахом и лопухом, как ты?*

— Что ты ржёшь, Вовка? Тебе смешно? А на Янине лица нет! — нахмурился Славка и резко подошёл.

Хотел ударить? Давай же, ударь, брат. Мне очень хочется смять тебя в лепёшку и проорать в лицо всё то, что клоочет в глотке.

— Яна жаловалась на тебя и раньше, говоря, какой ты высокомерный. Я думал, что она преувеличивает. Но сейчас вижу, как ты просто кайфуешь от своей незаменимости. Так что всё, довольно! — решительно заявил брат.

Янина не промах, ухмыльнулся я мысленно. Так быстро сыграть на чувстве вины брата и подбить его под каблук.

Умничка, пять баллов! Наверное, промолчала о том, как заодно мы с ней кувыркались ночь напролёт.

— Хорошо. Вернёшь всё прямо сейчас? Тебе придётся постараться, Славка. Может быть, даже продать дом...

— Дом я ни за что не продам! — нахмурился Славка. — Янине нравится заниматься садом и цветником.

— Тогда ни о каком возвращении долгов не может быть и речи... — скучающим тоном ответил я, удивляясь, как быстро скатился до образа меркантильной мрази.

— Я найду деньги, — пообещал брат.

— Ищи хорошенько. Можешь продать свои крутые тачки. Взамен возьмёшь себе что-нибудь попроще, — хохотнув, предложил я.

— Я так и сделаю. Не появляйся около нашего дома!

Славка довольно быстро продал свои дорогие машины и торжественно поставил мне на стол пакет с наличкой. Разумеется, там была не вся сумма. Брат задолжал мне столько, что хватило бы на всю его жизнь.

— Хм... Остался без колёс?

— Купил другую машину, попроще! — ответил брат.

Его тон был не таким резким, как раньше, но звучал очень холодно

и вежливо. Ситуация предельно ясна.

Янина ушла в глухую оборону. Брат увивается вокруг жены и делает всё возможное, чтобы эта красотка не бросила его. Глядя, как Славка старается, впервые по-настоящему старается, я понял, что Янина ему всё-таки дорога.

Я подошёл к окну, посмотрев на припаркованный под стенами офиса подержанный «Nissan».

— Не забудь переобуться в межсезонье, — посоветовал я. — Иначе разьебёшься в лепёшку.

Я не думал, что мои слова окажутся пророческими.

Я много раз потом корил себя за эти слова. Как будто именно я своей завистью и страстью к жене брата накликал на него беду.

— *Лучше бы ты умер вместо него. Лучше бы ты...* — сказала Янина мне перед похоронами.

Иногда я думаю, что Янина была права. Лучше бы я умер вместо брата.

Глава 17. Янина

Я проснулась в квартире Володи.

Утро выдалось тихое и спокойное. Безмятежное.

Солнечный лучик тихо крадётся по подушке совсем рядом с моим лицом.

Закрываю глаза, отчётливо понимая, что весь остальной мир продолжает жить, заливисто смеётся и накачивается впечатлениями.

От этого ощущения жизни там, вовне, хочется выть и кусать кулаки, чтобы вой не звучал слишком громко.

— Доброе утро.

Владимир просовывает голову в комнату.

— Доброе, — немного хрипло отвечаю я.

— Я приготовил тебе завтрак. Принести?

— Спасибо, я встану и приду сама на кухню.

— Вообще-то я его уже почти принёс, — замечает Владимир и скрывается на мгновение. Потом заходит в комнату, ставя миниатюрный столик для завтраков на кровать.

— Наверное, из меня вышел бы неплохой официант, — улыбается он. — Я не разлил твой чай.

— Спасибо, — искренне благодарю Владимира, чувствуя себя необыкновенно.

Мне ещё не приносили завтрак в постель. Даже Слава, хотя иногда мне казалось, что он романтик, каких поискать.

Чай в керамической кружке горячий, приятно согревает пальцы.

Владимир буднично сидит на кровати, намазывая для меня тост арахисовым маслом. Нож для масла кажется совсем крошечным в его пальцах.

Поднимаюсь взглядом выше: короткие рукава футболки не скрывают бицепсы. Сейчас на Владимире надета легкомысленная светло-серая футболка с надписью «I'm sexy and I know it» и просторные льняные шорты.

Он выглядит невероятно спокойно и расслабленно сейчас, когда пересказывает мне прогноз погоды и главные новости дня.

— Ты подстригся так коротко, — задумчиво говорю я.

Вместо волнистых прядей, уложенных в стильную причёску, у Володи сейчас короткие волосы «ёжиком».

— Да. Тебе не нравились мои волосы, уложенные в причёску. Такую же, как у брата.

С короткой стрижкой Владимир выглядит гораздо хулиганистее, чем есть на самом деле. Смотрится, как рубаха-парень, свойский человек.

По его виду и не скажешь, что передо мной сидит владелец сети АЗС нашего города.

— Чай не остыл? — спрашивает Владимир, укладываясь на бок. Он подставляет локоть под голову, смотря на меня.

— Нет, спасибо большое.

— Не хочешь остаться жить у меня? — спрашивает, возвращая нас к теме вчерашнего разговора.

— Нет, спасибо.

— Я так и думал. Тогда после обеда отправляемся смотреть квартиры. Ты ничем не занята?

— Нет. Я же была домохозяйкой. А сейчас и с домом управляться не хочется, — ответила я и внезапно добавила, чтобы Владимир не считал меня бездельницей. — После похорон я разгребала дела Славы.

— Молодец. Тогда мы договорились, да? Едем после обеда.

Я благодарю Владимира за завтрак, поднимаясь с кровати. Он на мгновение перехватывает меня, пробежавшись рукой по спине.

— Совсем худенькая стала, чёрт тебя дерит. Все позвонки и рёбра можно без труда пересчитать.

Владимир отстраняется, не позволяя себе больше ничего лишнего.

— Останешься у меня, пока я буду занят на работе? Или поедешь со мной в офис?

Удивлённо распахиваю глаза.

— Нет... Я бы хотела к себе домой. Мне нужно переодеться и перебрать вещи.

— Нет, — резко отвечает Володя.

— Что? — недоумеваю я.

— Вещи ты не будешь перебирать одна. Значит, поедешь со мной в офис.

Фыркаю.

— И чем я буду там заниматься?

Владимир морщится.

— За последнее время я превратил свой рабочий стол в настоящий свинарник, рассортируешь все бумаги.

— У тебя нет секретарши для этих целей?

— Есть. Но я не доверю ей ковыряться на своём рабочем столе. Тебе я доверяю... Собирайся, поедem. Уже начало десятого.

Мне немного неловко, что из-за меня Владимир опаздывает на работу. Поэтому я собираюсь очень быстро, пользуюсь мужской зубной щёткой и густой расчёской.

Лицо у меня бледное и уставшее. С досадой думаю о том, что у меня нет при себе даже тюбика с тональным кремом, чтобы замазать синеватые круги под глазами.

Но потом вдруг вспоминаю, что после похорон ещё ни разу не пользовалась косметикой.

Пока мы едем к офису Русакова, Владимиру звонят беспрестанно. Видно, что он привык разговаривать по телефону и решать проблемы во время езды, но он помнит о вчерашнем происшествии и не отвечает на звонки.

От вида домашнего и тёплого Владимира не осталось и следа.

Сейчас он собран и деловит. Короткое твидовое пальто и объёмный чёрный шарф сидят на нём безупречно.

В офисе он раздевается, закатывая рукава белой рубашки до локтей. Серебристый браслет массивных часов опоясывает левое запястье.

— Приступай, — просит меня Владимир, устраиваясь на диване с ноутбуком на коленях.

Он не соврал насчёт стола: завален бумагами так, что горы листов вот-вот свалятся.

— Хорошо, — говорю я, начиная разбирать завалы.

Раскладываю по отдельным стопкам входящие и исходящие счета на оплату, коммерческие предложения, письма и просто приказы...

Иногда Владимир подходит ко мне, пробегаясь цепким взглядом по листку, и подсказывает, выкинуть или оставить.

Каждый раз меня окутывает запахом парфюма: кедр, сандал, амбра и что-то древесное в самом конце.

Так проходит первая половина дня. Рутинa затягивает, и сознание

становится удивительно ясным, чистым от всех посторонних мыслей.

— Пообедаем? — возвращает меня в реальность голос Владимира.

— Уже пора? — спрашиваю, не веря, что прошло так много времени.

Владимир пристально смотрит на меня, слегка улыбаясь:

— У тебя даже цвет глаз немного изменился: стал более чистым, чем до этого...

Мы обедаем в каком-то милом ресторанчике с непринуждённой атмосферой. Я уже не заставляю себя проглатывать каждую ложку с едой, но спокойно ем.

Пища ещё кажется мне почти безвкусной, простой необходимостью, но меня хотя бы не выворачивает наизнанку от одной мысли о еде.

Взгляд Владимира теплеет, когда он смотрит на меня. Создаётся впечатление, что он заставляет себя отводить глаза, чтобы не смущать меня нарочно пристальным разглядыванием.

— Готова посмотреть квартиру? — Владимир расплачивается за обед и ведёт меня под локоть к автомобилю. — Или остановишься у меня?

Зелёные глаза блестят огнём нетерпения и безумной надеждой.

Уверена, что, если соглашусь пожить в его квартире, Владимир найдёт тысячу и одну причину, чтобы оказываться там очень часто.

— Готова.

— Кажется, я знаю, что тебе понравится, — одними губами улыбается Владимир.

Улыбка получается грустной. Несмотря ни на что он надеялся на моё согласие и сейчас немного разочарован.

Владимир обещал, что одна из квартир мне точно понравится. Он оказывается прав: квартира однокомнатная.

Квартира-студия, но очень солнечная и мило обставлена. Так теплому, что кажется, в этой комнате постоянно светит солнце.

— Будем соседями, — улыбается Владимир, стоя у окна.

Из окон этой квартиры виден дом, где находится его квартира. Я спрашиваю хозяина о цене, но Владимир перебивает меня:

— Берём. Заключим договор аренды?

Глава 18. Янина

Остаётся самое сложное: нужно перебрать вещи.

К дому мы приближаемся вместе, Владимир идёт немного впереди меня, неся под мышкой рулон чёрных мусорных пакетов.

Кажется, что у нас со Славой было не так много вещей и нажитого имущества, но на деле получается просто огромная куча.

Владимир помогает мне. Он не позволяет надолго зависнуть над кухонными настенными часами в виде грозди винограда, на которых до сих пор остановлено время. Отправляет всё подряд безжалостной рукой в чёрный мусорный пакет.

Время уже близится к полуночи, а мы только подобрались к спальне.

Я оглядываю ряд мусорных пакетов. Внезапно понимаю, что с лёгкой руки Владимира вся моя жизнь уместается в мусорных мешках только для того, чтобы быть выкинутой на помойную свалку.

Вещи в шкафу ещё хранят аромат парфюма Славы. Застываю ненадолго, пробегая пальцами по ткани мужских рубашек.

Владимир решительно отодвигает меня в сторону, сметая всё в одну кучу.

— Не трогай! — прошу я его.

— Буду трогать. Для того, чтобы скорбеть, есть могила на кладбище, а вот это — царство теней! Нужно избавиться от всего.

Пытаюсь вытянуть у него из рук хотя бы одну рубашку, но Владимир непреклонен. Он выталкивает меня на кухню и закрывает дверь, подпирая её комодом.

Оставляет меня бесноваться на кухне, а сам выбрасывает всё к чертям без всякого сожаления.

Мне становится горько и пусто. Я обхватываю себя за плечи руками и кружу по кухне.

Уже почти три часа ночи.

Владимир появляется на кухне, уставший и помятый. От лоска дорогих вещей не осталось ни малейшего следа. Рукава затёрты, а на лбу выступила испарина.

— Там, в коридоре, я сложил самое ценное.

— Ты рассортировал мою жизнь по мусорным мешкам? — я уже едва ворочаю языком, и кажется, что свалюсь с ног от усталости.

Владимир открывает холодильник. Там катастрофически пусто. Только начатая бутылка вина, из неё едва ли отпили один-два бокала.

Владимир растирает лицо руками. Понимаю, что он тоже устал.

Может быть, Володя устал не меньше моего. Ему приходится терпеть перепады моего настроения, не имея возможности резко ответить на несправедливые обвинения.

Владимир просто опускается на пол возле холодильника и прикладывается к горлышку. Я сажусь напротив, он протягивает мне бутылку. Немного медлю, но отпиваю холодного спиртного.

Мы передаём бутылку друг другу по очереди. Меня уже начинает покачивать от выпитого на голодный желудок вина.

Я не думала, что сборы вещей затянутся так надолго. Закрываю глаза, спасаясь в темноте.

Владимир пересаживается, прижимается плечом к моему плечу и осторожно гладит меня по волосам.

— Я была беременна, — говорю ему.

— Была беременна? — спрашивает он удивлённо. — От кого? От мужа или...

Владимир не заканчивает предложение. Вопрос повисает в воздухе.

Но я понимаю, что он хотел спросить: от кого был ребёнок.

Не от тебя, Володя. Я забеременела гораздо позднее той неправильной ночи.

— Была. Да. От Славы. Случился выкидыш...

Вот теперь меня отключает от реальности. Как будто накрыло взрывной волной, и я, наверное, кричу, но не слышу ничего.

Сжимаюсь в комок, становясь тем самым не прижившимся эмбрионом, и раскачиваюсь на месте.

Владимир обхватывает меня за плечи, прижимая к себе.

Цепляюсь пальцами за его рубашку, чтобы не упасть, потому что он — единственное, что удерживает меня в шаге от края пропасти.

Встать нереально сложно. Я отдаю себе отчёт в том, что, возможно, поступаю сейчас не совсем честно по отношению к Владимиру.

Он возится со мной не из-за тёплых родственных чувств, но из-за интереса ко мне как к женщине. Он сдерживается.

Но я понимаю, что он ждёт моей ответной реакции на его теплоту и заботу.

— Отвезёшь меня? — спрашиваю я, останавливаясь на пороге кухни.

Я уже умыла лицо и немного привела себя в порядок, чувствуя внутри себя пустоту, гулкую и пугающую. Её хотелось заполнить хоть чем-то.

Поэтому я, не дожидаясь ответа от Владимира, рассматриваю то, что мы отложили. Вещи сложены в несколько пакетов.

Я знаю, чем займу остаток ночи: буду перебирать и раскладывать всё по полкам на новом месте.

— Конечно, отвезу.

— Нет, давай лучше вызовем такси, — вспоминаю, что Владимир пил вино.

— Нормально всё, я не пьян. Я выпил совсем немного. Я справляюсь с управлением авто.

— А если остановят? — спрашиваю я.

— Меня? Половина полицейских уазиков катается на моём дизеле. Даже если остановят, то только для того, чтобы сопроводить до места с мигалками.

Я колеблюсь ещё немного, но потом соглашаюсь. Владимир относит все вещи в машину. Я отдаю ему ключи от дома, чувствуя облегчение от того, что хотя бы этот груз свалился с моих плеч.

К моему удивлению Владимир проезжает нужный поворот.

— Ты проехал мимо.

— Нет, не проехал, — хмурится мужчина. — Сегодня переночуешь у меня, а завтра я тебя отвезу на квартиру.

— Не кажется ли тебе, что это чересчур?

— Нет, не кажется. Я же ничего не требую. Просто не хочу, чтобы ты сидела всю ночь, сортируя вещи и заливая их слезами.

— Мои слёзы — не твоя забота, Володя. Ты и так очень много делаешь для меня. Спасибо.

— Да не только для тебя. И для себя тоже. Я говорю сейчас не про то, что надеюсь на твою ответную реакцию. Да, я надеюсь... и не буду этого отрицать. Но сейчас имею в виду нечто другое. Вся эта история с братской помощью. Никогда не был особо заботливым или милым. Я, скорее, эгоист. Но из-за тебя хотелось помочь. Ты делаешь меня лучше.

— Я? Я не делаю ничего!

— Да. Ты просто есть. И этим уже влияешь на меня. Я даже начал выделять деньги на спонсорскую помощь, на благотворительность. Хотя до этого момента предпочитал нести все свободные финансы в банк на депозит под хороший процент. Как тот дракон на золотишке.

Владимир усмехнулся и припарковал автомобиль. Мы доехали без приключений.

Я приняла душ в его квартире и направилась в спальню, натолкнувшись на него полураздетого. Владимир обернулся, натягивая просторные шорты.

— Извини.

— Ничего страшного. Проходи и ложись спать. Я сейчас выйду.

Владимир торопливо пожелал спокойной ночи и закрыл за собой дверь спальни. Провожая взглядом его фигуру, я не понимала, как тогда, ночью, я могла спутать его с Ярославом. Владимир более мускулистый, чем Слава.

Проклятая ситуация, двусмысленная и отдающая каким-то потаённым чувством стыда.

Утром Владимир огорошил меня предложением:

— Не хочешь устроиться ко мне на работу?

— Кем? — округлила я глаза от удивления.

Да, я заканчивала колледж по экономической специальности, но найти работу прямо по профессии не получалось. Я работала, где придётся, а потом Слава заявил, что его жена не должна работать. Я сидела дома, занимаясь только ведением домашних дел.

— М-м-м... Допустим, моим личным помощником? — спросил Владимир.

— И чем я буду заниматься? Перекладывать бумаги с одного места на другое?

— У тебя это очень хорошо получилось, — улыбнулся Владимир. — Такого порядка на моём рабочем столе не было уже давно.

— Нет. Спасибо, но я откажусь. Не хочу быть тебе должной больше, чем уже есть сейчас. Это во-первых. Во-вторых, я не самый ценный сотрудник. Не думаю, что работы будет так уж много.

— Я найду тебе занятие.

— Нет. Пожалуйста. Не дави на меня. Ты просто хочешь постоянно

держат меня в поле зрения. Вот и всё.

— Так и есть. Не только держать в поле зрения, но и не давать тебе грустить. Когда чем-то занимаешься, остаётся не так много времени на сожаления. И в рутине проще утопить тоску.

Глава 19. Янина

Владимир, конечно, был прав.

Но я не хотела ещё больше вязнуть в наших сложных взаимоотношениях, потому что знала: очень трудно удержаться, когда желанный человек постоянно находится в поле зрения.

Я обзвонила кредиторов и попросила ещё немного отсрочки для того, чтобы продать дом.

Большинство из них пошло мне навстречу, войдя в моё положение, но некоторые настаивали на немедленной выплате, напоирая на то, что Слава и так просрочил с оплатой.

Я не стала унижаться и сняла оставшиеся сбережения, заплатив самым настойчивым. Всем остальным придётся ждать.

Я практически на нуле. Теперь всё будет зависеть только от того, как быстро и удачно Владимир продаст мой дом.

Я вдруг подумала, что загнала саму себя в угол.

Что, если Владимир будет нарочно оттягивать момент продажи? Поводов у него достаточно.

Хотя бы тот, что я ему нравлюсь.

Настолько нравлюсь, что он готов плюнуть на моральную сторону вопроса. Не прошло и сорока дней, а он уже вьётся коршуном вокруг меня.

Странные ощущения возникают от его близости: иногда этот мужчина кажется мне ловушкой, иногда — спасением.

Чтобы не сидеть без дела и не тосковать понапрасну, я устроилась в супермаркет фасовщицей товаров. Я расставляла соки и молоко по полкам.

Работа была однообразная и рутинная, руки к концу дня ныли от того, что постоянно приходилось задира́ть их кверху, расставляя товар.

Владимир звонил часто, интересуясь, как дела. Иногда я отвечала на его звонки, вежливо разговаривая с ним на общие темы, иногда игнорировала.

Но не рассказывала, что устроилась на работу. Мне был понятен его интерес, но я должна была научиться жить сама...

— Янина?

От неожиданности я вздрогнула, выронив стеклянную бутылку гранатового сока. Бутылка ударилась о твёрдый пол и разбилась. Осколки и сок брызнули во все стороны.

— Ты меня напугал! — с укоризной произнесла я, взглянув на подошедшего Владимира.

Он нагнулся, отряхивая капли сока с дорогих брюк, и махнул рукой.

— Безднадёжно испорчено. Но что ты здесь делаешь?

— Я работаю здесь.

— Янка! Разбила, да? — слышался голос Марии.

Она была старшей по смене.

— Давай живо убирай здесь всё! Из зарплаты, понятное дело, вычтут. Вымой пол и протри загаженные полки.

Мария строго отчитала меня и удалилась, гордо подняв голову. Я двинулась в сторону подсобного помещения, но Владимир вцепился в мой локоть.

— А ну, стой! Зачем тебе это? Зачем тебе устраиваться низшим персоналом? Неужели то, что я тебе предлагал, хуже, чем это? Тебе нравится махать шваброй?

Владимир разозлился. Его зелёные глаза полыхали огнём недовольства, превратившись в узкие щёлки. Он был оскорблён тем, что я отказала на его предложение о трудоустройстве.

— Почему ты мне ничего сказала? — бушевал он. — Я же звонил тебе на днях!.. Но ты и слова не сказала о том, что устроилась на работу!

— Сегодня третий день, как я здесь работаю, — сказала я.

— Третий и последний! — рявкнул Владимир.

— Янка, чего стоишь? Работа не нужна, что ли? — слышался голос Марии. Она обошла торговый ряд и вернулась ко мне. — Или подсказать, где находятся швабра с половой тряпкой?

— Янина! — подчеркнул это слово Владимир. — Янина Русакова здесь больше не работает. Сколько стоит разбитая бутылка сока?

— А вы, мужчина, кто вообще? — недоумённо спросила Мария.

Строгий тон Владимира сбил с неё немного спеси.

— Клиент, разбивший бутылку сока. Без истерик, женщина. Я оплачу стоимость испорченного товара.

— И как это относится к работнице супермаркета? — недоумевала Мария.

Владимир проигнорировал её слова, подтолкнув меня в сторону служебного помещения.

— Переодевайся, марш! — скомандовал мне, придерживая рукой за спину.

Его высокая широкоплечая фигура застыла в дверном проёме.

— Что ты себе позволяешь? — запоздало возмутилась я.

— А ты? — он шагнул ко мне, стиснув плечи пальцами. — Что ты творишь? Чем моё предложение хуже того, что ты выбрала, а?

— Тобой! Твоё предложение хуже, потому что за ним стоит твой интерес. Небескорыстный. Мне неприятно! Ты растравливаешь мне душу!

— Неприятно? Я тебе неприятен?

— Да. Ты гнусно поступил по отношению ко мне! Теперь я буду постоянно думать, что ты добиваешься своих целей, действуя низко и грязно. Я... Я благодарна тебе за помощь, но не могу отделаться от впечатления, что твоя помощь пачкает меня грязью.

Владимир опустил руки, судорожно вздохнув. Ему было неприятно слышать эти слова.

— Хорошо, — глухо ответил он. — Хорошо. Я не буду настырно лезть к тебе с помощью. Живи сама, как знаешь. Но здесь ты всё равно работать не будешь, ясно?

— Это не тебе решать! — вспылила я.

— Мне! — рывкнул Владимир. — Ты часть моей семьи. У тебя сейчас непростой период. И я буду рядом. Нравится тебе это или нет! Я не позволю тебе махать половой тряпкой! Переодевайся. Поедем к нотариусу.

Владимир хлопнул дверью служебного помещения. Мои пальцы тряслись, а тело било крупной дрожью. Короткая перепалка заставила меня понервничать. Я села на стул, опустив голову на колени.

Слова Владимира гремели в ушах.

Дверь открылась. Мужская ладонь легла на мою голову, глядя по волосам. Я почувствовала тяжёлый запах парфюма Владимира.

— Я вспылil. Извини, — произнёс он. — Я давлю на тебя, да. Больше не буду. Честно. Переодевайся и уходи отсюда. Янина, это не для тебя. Ты достойна большего.

Владимир поцеловал мои волосы и вышел. Я знала, что он никуда не ушёл, дожидается меня снаружи. Его постоянное давление подтачивало меня изнутри.

Он сам себе противоречил. Сначала сказал, что оставит меня в покое, а потом заявил, что будет находиться рядом.

Внезапно мне захотелось уехать, захотелось бежать, куда глаза глядят. Но впереди ещё сорок дней... и надо разобраться с оставшимися долгами.

Владимир ждал меня снаружи и сразу повёл на выход.

— За сок я заплатил, администрация в курсе твоего увольнения, — отрывисто сказал, ведя меня под локоть.

Он достал телефон и позвонил кому-то.

— Татьяна? Уточните, пожалуйста, когда можно будет заехать в банк за наличными? Через час? Спасибо большое.

Владимир спрятал телефон в карман пальто. Он поправил мою шапку и накинул капюшон на голову.

— Холодно, — пояснил, стоя в расстёгнутом пальто, без шарфа и без шапки. — Через час заедем в банк за деньгами. Ты не хочешь меня видеть. Но я не могу тебе позволить гробить себя на низкооплачиваемой и тяжёлой работе. Твой дом выкупаю я.

— Но...

— Или мы ждём другого покупателя за ту цену, которую я выставил. И всё это время я буду досаждать тебе своим присутствием.

Я едва не задохнулась от возмущения. Владимир действовал чересчур нагло и напористо.

— Ты просто не оставляешь мне выбора...

— Так и есть. Согласна?

Глава 20. Янина

Разве у меня был выбор? Наверное, был, но тогда я упорно не видела его, следовала за Владимиром.

Понимала, что он жёстко и непреклонно прокладывает свой собственный курс, но ничего не могла поделать.

Владимир был словно гранитная стена, я — лишь плющ, не умеющий держаться самостоятельно.

Сумма, что Владимир уплатил мне за дом, была впечатляющей.

Брат погибшего мужа заплатил мне больше, чем требовалось. Я смотрела примерные цены на дома нашего уровня. Я чувствовала себя неловко: наверняка меня приняли за скрягу, обдирающую покупателя, как липку.

— Я не могу взять с тебя столько.

— Хорошо, — улыбнулся Владимир. — Не хочешь, не бери мои деньги. Но я буду запрашивать за дом именно столько, ни копейкой меньше.

— Я уже жалею, что связалась с тобой!..

— Возможно, но есть ли у тебя другие близкие? — иронично спросил Владимир. — Я — твоя семья.

Я вздохнула: он был прав. Все мои родственники жили довольно далеко. Сюда я приехала лишь на учёбу, но так и осталась, встретив Ярослава. Университетские подруги? Скорее, я назвала бы их приятельницами, чем подругами.

— Хорошо, — согласилась я, понимая, что ещё больше вязну в обязательствах перед братом погибшего мужа.

Сделка состоялась. Теперь на руках у меня была внушительная сумма денег, позволяющая мне расплатиться по всем долгам, купить квартиру или... уехать в другой город.

Эта мысль промелькнула в моей голове подобно вспышке, а потом затерялась в суетливом дне.

Но я всё больше понимала, что вот оно! Мысль о том, что хочется уехать, стала назойливой спутницей.

— Сколько я тебе должна за аренду квартиры? — спросила я у

Владимира, позвонив ему, как только разобралась с кредиторами.

— Нисколько. За квартиру уплачено за три месяца вперёд. Считай это небольшим подарком к новому году.

— За три месяца? — удивилась я. — Возможно, столько и не понадобится...

— Почему? Ты хочешь уехать? Куда? К кому? Ты уже решила или только планируешь?

Владимир засыпал меня ворохом вопросов, ни на один из них у меня не было ответа.

— Это просто раздумья. Ещё ничего неизвестно...

— Ты же не сбежишь в никуда?

— Нет, не думаю. Впереди ещё сорок дней.

* * *

Грядущие «сорок дней» преподнесли мне ещё один подарок: у меня начались месячные. Я думала, что после выкидыша мой цикл будет нарушен и восстановится ещё очень нескоро. Но выделения начались строго по графику и закончились тоже в срок.

Мама не стала приезжать на сорок дней. Она позвонила мне и поддержала меня так, устно:

— Яночка, не могу приехать. Стасик приезжает. Давно его не видела.

Стасик — мой старший брат. Он работает вахтовым методом трубопрокладчиком и приезжает домой один раз в три месяца.

— Может, ты сама после сорока дней к нам приедешь, а?..

Я поговорила с мамой, пообещав приехать, но немного позднее.

На сорок дней собралось вдвое меньше людей, чем на похороны или девять дней. Родители Ярослава и Владимира, пожилая семейная чета, прилетели лишь на один день и засобирались обратно в Германию.

Организовывал всё опять Владимир, разрешив мне лишь присутствовать рядом. Он выглядел недовольным и хмурился больше, чем обычно.

Мы обменивались скухими фразами, чувствуя сильное напряжение между нами. И самыми последними вышли из ресторана. Остальные уже расходились.

Я остановилась у перил, разглядывая случайных людей. Мой взгляд упал на девушку, кажется, она приходилась Русаковым какой-то родственницей.

Девушка укутывала своего малыша, укладывая его в зимнюю коляску. На её лице была такая радостная и искренняя улыбка, что меня проняло дрожью зависти.

Мне тоже хотелось быть матерью. И если бы не проклятый выкидыш, отобравший у меня возможность чуда!..

Если бы не это печальное происшествие, у меня был ребёнок от Ярослава.

Сынок или дочка... Неважно.

Я одинаково сильно любила бы обоих.

Мой неродившийся ребёнок. Мой смысл жизни, которого я лишилась...

Глава 21. Янина

— Не замёрзла? — рядом остановился Владимир.

Я вздрогнула от звука его голоса и сама поправила капюшон куртки, натянула перчатки на пальцы, потирая ладони друг о друга.

— Нет. Нормально всё. А ты?

— Мороз ещё не сильно кусачий. Какие планы на Рождество и на Новый Год?

Я машинально кивнула, удивляясь, что уже двадцатое декабря, и через полторы недели новый год.

Я вспомнила, что купила заранее ёлочную игрушку в виде детских пинеток и хотела рассказать Ярославу о беременности именно так: повесить украшение на самое видное место.

В доме витал бы густой хвойный аромат, и радостно подмигивали бы гирлянды...

Спазм сжал моё горло, и стало трудно дышать.

Я, не отрываясь, смотрела на мамочку с малышом. Владимир проследил за направлением моего взгляда и приобнял за плечи.

— Не грузи себя. И у тебя всё это будет.

Я грустно рассмеялась, смахивая слезинки с щеки.

— Я на Рождество поеду к родителям, в Германию, — продолжил Владимир. — В это время там очень красиво и ярко. Настоящее волшебство. Поехали со мной? Родители будут тебе рады. Я тебя сейчас приглашаю как родственник. Ничего лишнего, честное слово.

— Спасибо, но я не поеду. Я собиралась к своим родным на новогодние праздники. И хочется, и не хочется. Боюсь, что мой расстроенный вид никого не обрадует. Но поехать придётся: вернулся Стасик, старший брат. Я его не видела почти целый год.

— Может быть, подумаешь? — Владимир пристально на меня посмотрел.

— Спасибо.

— Бля, прекрати от меня отпихиваться своими «спасибо»!

— Владимир, мы это уже обсуждали.

— Да я не про то. Поговори лучше со мной, как с человеком

живым, а не отгораживайся словом «спасибо»!

— Но я на самом деле тебе благодарна за помощь. Это очень много. Я это ценю, правда. Ты отзывчивый человек.

Владимир что-то процедил сквозь зубы о том, в каком месте он отзывчивый человек.

Мы поговорили ещё немного и разошлись, каждый в свою сторону. Владимир порывался отвезти меня, но на счастье я встретила знакомую, которая начала выражать мне соболезнования.

Я ухватилась за неё, как за спасательный круг, показывая всем видом, что собираюсь уходить вместе с ней.

— Уходишь? Если тебе что-то понадобится, позвони мне. Я сделаю всё, чтобы тебе помочь. Всё, что будет в моих силах, — убеждённо проговорил Владимир на прощание.

Та девушка с ребёнком не шла у меня из головы. Желание завести ребёнка стало какой-то навязчивой идеей.

У меня крутилось только одно в голове: если бы был кто-то, о ком нужно было заботиться, мне было бы легче. Эгоистичное желание: иметь ребёнка, чтобы спасти себя, знаю. Но я так хотела малыша.

Иногда я просыпалась среди ночи, ощупывая свой живот, потому что мне приснилось, что он округлившийся, или что я рассматриваю в магазине крохотные носочки, выбирая между нежно-салатовым и цыплячьим жёлтым.

Я достала стеклянное ёлочное украшение, поставив его на видное место, и постоянно смотрела на эти крохотные изящные пинетки, сходя с ума.

Я хотела ребёнка, но не просто ребёнка от постороннего мужчины. Я хотела ребёнка от своего погибшего мужа, от Ярослава.

Мне было безумно жаль неродившегося ребёнка. Это была бы память о нашем браке, о нас, влюблённых в прошлом и по-своему счастливых.

Это стало каким-то наваждением.

В последний день перед Рождеством позвонил Владимир.

— Привет, Янина. С наступающим Рождеством.

— И тебя, Володя.

— Не передумала? У меня есть знакомый. Если надо, он нырнёт в неприкосновенный запас и сможет достать билет на тебя хоть сейчас.

— Нет, я не полечу. Я уже договорилась с мамой, что приеду к ним

через три дня. А ты улетаешь?

— Да, у меня рейс сегодня вечером.

— Удачного полёта, Владимир.

Я сбросила звонок. На глаза мне опять попало ёлочное украшение в виде детских пинеток.

В голове промелькнула дурацкая мысль, что Владимир — копия Славы, что после смерти Славы прошло не так много времени, что ребёнок...

Эти мысли разрывали меня на части, как и осознание того, что сейчас у меня овуляция.

Кошмарные мысли, от которых меня трясло, как в лихорадке. Они все, как одна, казались мне кощунственными и отвратительными.

Я как будто собиралась плясать на теле погибшего мужа, ещё не истлевшем в земле.

Но от самой себя было не спрятаться.

Вечером, доведённая и взвинченная до предела, я подошла к окну, разглядывая дом напротив. Не могла сосчитать правильно окна, светящиеся жёлтым.

Уехал ли Владимир в аэропорт или нет?

Я рассердилась на себя и отпрянула от окна, вихрем пронеслась прочь, нечаянно смахнув хрупкое ёлочное украшение. Оно разлетелось на осколки.

А я... я не хотела разбиться так же, как оно. Я пулей вылетела из квартиры и понеслась к дому Владимира.

Глава 22. Владимир

Я закинул чемодан в багажник внедорожника и взял в руки щётку, чтобы стряхнуть снег с автомобиля, пока тот прогревается.

В мыслях — пустота. У меня нет никакого предпраздничного настроения. Окружающий пейзаж кажется серым и унылым. А там, в Германии, всё сейчас переливается, как огромная праздничная гирлянда.

Родители, наверное, уже ждут меня, а мама запекает фирменного гуся. Она у меня католичка, а папа православный. Поэтому в нашей семье всегда празднуют два Рождества.

Родители приглашали меня на все новогодние каникулы, хотели, чтобы я остался до Православного рождества. Они звали меня не только потому, что я остался единственным сыном.

Мама всё переживала, что я до сих пор не женат. А не женат я, дорогая мама, потому что единственная женщина, которую я хочу видеть своей женой, сейчас вдова. Янина, жена моего покойного брата...

Я не храню целибат, у меня есть с кем потрахаться без обязательств. Но в свою жизнь я был бы готов пустить только Янину.

Мне было бы плевать на мнение общественности. Я бы заткнул пасть каждой гниде, посмевавшейся высказаться, что это аморально. Если бы Янина согласилась.

Но Янина усердно отталкивает меня. Любила ли она Славку? Наверное, любила.

Славка был засранцем, непостоянным, лёгким, как ветер. Но невозможно было не проникнуться к нему симпатией.

Вот и Янина не удержалась, поддавалась обаянию солнечной улыбки Славика. А я, как завистливая грозовая туча, кружил рядом. Потому что брату досталась шикарная девушка, которую этот распиздяй не заслуживал.

Заслуживаю ли её я? Нет, наверное.

Может быть, я достоин её даже меньше своего брата. Если судить по делам нашим. Потому что наплевал на всё и взял желаемое

обманом.

Я никогда не задумывался, что мы с братом — это нечто особенное. Когда окружающие смотрят на близнецов, усмеваются, мол, вы как две капли воды.

Но я всегда чувствовал нас, себя и брата, отдельным и разными.

«Как могли нас перепутать? Да никак!» — думал я.

Но тогда меня припёрло так сильно, что я решил сыграть в Славика.

В ту ночь я радовался, что мы так похожи, что сложены примерно одинаково, что я ношу такую же причёску, как брат.

Радовался, потому что наше внешнее сходство дало мне возможность насладиться близостью Янины, желанной для меня. И бесился, ревнуя, ненавидя брата за то, что мы так похожи.

Потому что Янина постанывала его имя, отдаваясь ему, а не мне.

А после того, как моя гнусная ложь вскрылась. Да, секс... насильственный и острый, с обоюдным оргазмом.

Но Янина смотрела на меня с такой ненавистью, что мне впервые захотелось переключить своё лицо. Чтобы она не видела в нём моего брата.

Меня несколько не отпустило.

Наоборот, стало ещё хуже. После того случая Янина поставила условие моему брату, потому что в их дом мне был закрыт вход.

Меня не приглашали на семейные посиделки, как это бывало раньше. Меня предельно вежливо и холодно отодвинули в сторону. В их доме и жизни мне не было места.

Когда я узнал об аварии, я едва не подох от беспокойства. Но первым делом я подумал не о родном брате, а о его жене.

Янине повезло. Она отделалась лёгким сотрясением, несколькими синяками и ссадинами. Только кожу глубоко поранило на щеке. Ей наложили швы. Сейчас на месте раны шрам в виде полумесяца.

Чуть позже меня накрыло осознанием того, что я потерял родного брата. Мне стало стыдно, и я корил себя за те случайно брошенные слова.

Мне всё-таки не хватало Славки, я скорбел.

Но я не мог не думать о том, что из нас двоих остался я один. А он как будто просто отошёл в сторону, освободив мне дорогу к желаемой цели.

Прости, брат. Но из нас двоих я всегда был негативным снимком. Был и остался им, потому что Янина для меня стала ещё желаннее.

Я совершенно по-скотски наслаждался каждой минутой, проведённой рядом с ней.

Я был кощунственно рад тому, что надо было заниматься устройством похорон и последующих поминальных дней, потому что так я виделся с Яниной.

Автомобиль уже очищен. Я бросил взгляд на циферблат часов, понимая, что нужно ехать прямо сейчас, если не хочу опоздать на рейс.

Но вопреки всему медлил, смахивая редкие снежинки с лобового стекла.

Злился на самого себя, потому что нужно было оставить Янину, и это было мучительно больно.

Глава 23. Владимир

Мне не хотелось оставлять Янину в таком состоянии.

Не хотелось отпускать её вообще. Но надо было. Потому что она шарахалась от меня в сторону, как от прокажённого.

Я сам виноват. Мой поступок был отчаянным шагом едва не свихнувшегося от тоски по недоступному.

Ублюдское лицо, которое я видел каждый день в зеркале, выводило меня из себя. Мне начало претить своё собственное отражение, потому что на меня смотрел не я, но Славка.

Угрюмый, нахмуренный, с вертикальной морщиной между насупленных бровей. Этой морщины никогда не было у моего брата. У меня была...

Моя тяга к Янине — неправильна и аморальна. И как же мне плевать на моральные аспекты! Я словно медленно, но верно схожу с ума.

Ещё немного — и я окончательно свихнусь. Схвачу Янину в охапку и перееду жить в другой город, туда, где никто не знает нас.

Мне нужно только её согласие, жест, слово или хотя бы отчаянный взгляд с молчаливой просьбой: «Забери меня у всего...»

Но я не дождусь этого. Кажется, что никогда не дождусь...

Раздались торопливые шаги и поскрипывание снега. Шаги быстрые-быстрые, как будто кто-то бежит.

Я обернулся, успев увидеть, как девушка нелепо взмахнула руками, прежде чем растянуться на заснеженной тропинке. Удивлённо спросил, не веря глазам:

— Янина? Янина, чёрт!

Мгновением позже метнулся, поднимая её. Не знал, что сделать первым: то ли отряхнуть снег с волос, то ли с тела...

— Ты раздета? Дурочка! Ты что творишь, а? — разозлился и сердито встряхнул её, вылетевшую на улицу в одном свитере и в джинсах. — Хорошо хоть сапоги догадалась натянуть! Ну?

«Чёрт. Что она творит? А я... Я сам что творю?»

Понимаю, что мне на всё плевать: на рейс и на родителей, на их

разукрашенное красным и золотым Рождество.

Потому что Янина остаётся здесь, в городе. Я просто не смогу сделать шаг в сторону.

Тем более сейчас, когда Янина вылетела раздетой и что-то силится мне сказать.

Я торопливо стянул с себя пальто, закутав её в него, и замотал шарфом голову.

— Ты ещё не улетел? — едва слышно спросила она.

Я не смог удержаться, притянул её к себе, опершись спиной о свой внедорожник.

— Не улетел, как видишь. Ты же остаёшься. А я не могу вот так... Я никуда не полечу. Мне нужно хотя бы знать, что с тобой всё в порядке...

Янина грустно рассмеялась:

— Со мной не всё в порядке. Я просто...

Я смотрел на её бледное лицо и обескровленные губы, силящиеся что-то сказать. Янина внезапно подалась вперёд, цепляясь пальцами за мою рубашку, и начала торопливо говорить:

— Мне очень тяжело. Я понимаю, что нечестно грузить тебя своими проблемами. Неправильно даже думать о том, о чём думаю я постоянно. Но я так заиклилась на этом, что просто не могу вырваться из этого порочного круга. Я пытаюсь, но не получается. Я знаю... Я уверена, что было бы намного легче, если бы...

Голос Янины оборвался, она всхлипнула. Янина не смотрела мне в лицо. Она разглядывала пуговицы на моей рубашке, нахмутив брови.

— Янина, прекрати оправдываться. Тебе нужна помощь?

Быстро кивнула и тут же прикусила губу, внезапно начав вырываться из моих объятий.

— Нет. Нет. Нет. Это невозможно.

Как же мне надоело сдерживаться!

Я едва не зарычал, одной рукой сжимая её за талию. Обхватил её за подбородок пальцами, приподнимая лицо.

— Не говори так. Я сделаю всё. Всё, слышишь? Просто скажи мне, чем я могу тебе помочь? Чем?

Янина беспомощно смотрела мне в глаза. Знаю, что у неё глаза цвета грозových туч, тёмно-серые, очень красивые и запоминающиеся.

Но сейчас, в свете фонаря, не разобрать их цвета, видно только, что

блестят от слёз.

Меня будто сложило пополам, я нагнулся, но не осмелился прижаться к губам. Всего лишь поцеловал её лоб и зарылся носом в волосы, раскачиваясь вместе с ней.

— Пойдём. Расскажешь мне всё. Я помогу тебе.

— *Я хочу невозможного, — всхлипнула она.*

— *Брось, — хрипло рассмеялся. — В канун Рождества случаются чудеса.*

Я нащупал её ладошки и сжал между своих рук, согревая дыханием.

— Я хочу иметь ребёнка... — едва слышно выдохнула она.

Глава 24. Владимир

Янина выпалила фразу очень быстро.

От её слов меня будто прострелили насквозь шальной пулей. Я, не веря, отстранился, жадно глядя ей в лицо.

— Я хочу иметь ребёнка, — повторила Янина уже не так быстро и чуть громче.

Она посмотрела мне в глаза, сжав губы в тонкую линию.

— Выкидыш лишил меня ребёнка. Это был бы сын или дочь. Неважно. Срок был маленький. Начало пятой недели беременности. А ты...

— А я — копия своего брата, — медленно произнёс я, словно по слогам.

— Да, — кивнула Янина и вновь опустила взгляд, рассматривая мои руки.

Я до сих пор держал её руки между своих ладоней и чувствовал, как трясутся её пальцы.

— И если... Я просто хочу, чтобы у меня осталось что-то от моего мужа. Мне так было бы проще. Это смысл. Понимаешь?.. Тот, которого у меня нет. Я...

— Молчи. Больше ни слова. Пойдём ко мне, поговорим. Не хочу морозить тебя на улице.

Я повёл Янину за собой. Щёлкнул выключателем и помог ей раздеться, проводив в зал.

Включил электрический камин на полную мощность и укрыл Янину пледом.

— Не хватало ещё, чтобы ты простудилась, — сказал я.

Собирался сделать что-то или сказать, но просто сел в кресло напротив девушки.

Между нами повисло неловкое молчание. Где-то под кожей плясало безумное веселье.

Не стоит лгать самому себе.

Я буду рад оказаться с Яниной в одной постели, не важно, по какой причине. Она мне безумно нравится. Даже такая, похудевшая и жутко

бледная, с серыми тенями под глазами.

— Ты не обязан соглашаться. С моей стороны низко просить о подобном.

Я прочистил горло.

— У тебя был выкидыш.

— Да. Врачи сказали, что всё вышло и нет осложнений. У меня цикл прежний. Как будто ничего и не случилось. И сейчас...

— Подходящий момент? — спросил я.

— Да.

Янина, смущаясь, отвернула лицо в сторону камина.

— Янина... — позвал я её.

Она медленно повернулась ко мне.

— Ты же понимаешь, что не всегда получается с первого раза. Тем более, после выкидыша.

— Понимаю. Просто я в отчаянии. Либо да, либо нет. Я не... Я не хочу много. Просто...

— Просто переспать с тобой? Один раз?

Янина молча кивнула, смахнув слезинки с щеки. Я рассмеялся.

Янина дёрнулась, как от удара. Чёрт! Сейчас подумает, что я смеялся над ней.

Я торопливо придвинулся, сжав её руку.

— Я смеялся не над тобой. Над собой. Канун Рождества. Все ждут чуда. И я в том числе. Не отдавая себе отчёта в этом, жду. Оно случилось. Ты — моё чудо. Эта возможность... Я не стану врать. Я очень рад. Ты же знаешь, как я отношусь к тебе.

— Знаю, — кивнула Янина. — Поэтому заранее прошу прощения, что так цинично хочу использовать тебя.

Я едва не ляпнул, как сильно я не против, чтобы она цинично использовала меня каждый грёбанный день, но раздался телефонный звонок. Позвонила мама. Я ответил.

— Frohe Weihnachten! — поприветствовала меня мама по-немецки.

— Frohe Weihnachten! — ответил ей я.

— Вова, у тебя так тихо, — сразу сказала мама. — Ты не в аэропорту?

— Нет, мама. Я не смогу прилететь сегодня. Извините.

— Что? — мама была потрясена. — Но Рождество! Мы всегда собираемся на Рождество!

Да, мама, мы всегда собирались на Рождество у вас. В прошлом году у мамы с папой в гостях был и брат со своей женой. Но в этот раз не будет никого.

— Извини, мама. Но у меня возникли срочные дела.

— И их никак нельзя отложить? — мама была расстроена и не скрывала своего разочарования.

— Никак. Только я могу с этим справиться. Папа дома?

— Папа будет огорчён.

— Я поздравлю вас позднее, хорошо? И постараюсь прилететь на Православное Рождество.

Мама что-то неразборчиво пробормотала в ответ и отключилась. Я перевёл взгляд на Янину.

— Согрелась? — спросил я.

— Да, спасибо.

— Хорошо.

Я встал, заложив руки за голову. Это всё так неожиданно и волнующе. Я так голоден по ней, что готов брать Янину прямо сейчас, здесь, не сходя с этого места.

Но она бледная и дрожащая, как огонёк свечи на сквозняке.

Я протянул Янине руку.

— Хочешь, я сварю нам глинтвейн?

Глава 25. Янина

— Хочу, — кивнула я, понимая, что Владимир медлит только из-за меня.

Голодный блеск в зелёных глазах выдаёт его с головой: он хочет меня.

Я чувствую, как по коже ползут мурашки. Потому что знаю, как неистов Владимир в постели.

Но мне не хватает смелости, чтобы перешагнуть через себя.

Я цепляюсь за руку Владимира и его предложение с глинтвейном. Надеюсь, мне удастся немного расслабиться и не думать о том, что я предаю светлую память погибшего мужа.

— Посмотрим, что у нас есть, а чего у нас нет? — Владимир потянул меня на кухню за собой, остановившись у холодильника.

— Владимир, если тебе сложно, то я просто выпью вина или...

— Янина-а-а... Давай не будем, а? Пожалуйста?

Он толкнул меня к подоконнику и одним махом усадил на него. Наши лица оказались на одном уровне. Он положил одну руку мне на талию, а вторую руку запустил в волосы.

— Проведём этот вечер, не думая ни о чём? Мы просто вместе. Ты и я. Без имён и прошлого. Есть только сейчас. Прошу. Просто попытайся в это поверить.

— Мне будет сложно, — честно сказала я, тем не менее понимая, что близость Владимира меня волнует.

— Можешь называть меня ласковым прозвищем, как ты называла своего мужа, если тебе так будет легче.

Владимир грустно усмехнулся. По выражению его глаз я поняла, что эти слова дались ему нелегко. Не только я потеряла, но и он. Своего брата-близнеца.

Владимир трепетно относится ко мне и терпит мои капризы, перепады настроения, хотя ему тоже несладко.

— Нет, — покачала я головой. — Не хочу обманывать и обманываться. Просто потом я предпочту не поднимать эту тему, хорошо?

— Как скажешь, — прошептал Владимир, приближаясь, и выдохнул в самые губы: — Но этот вечер — мой. И ты — моя. Не сопротивляешься и не перечишь мне.

— Хорошо, — сказала я едва слышно и больше ничего не успела, потому что Владимир прижался к моим губам.

Я судорожно вздохнула, ожидая, что поцелуй будет неистовым, жадным. Но вместо этого мужчина на мгновение прижался губами, отодвинулся, переводя дыхание. Он тяжело дышал, ему было нелегко удержаться.

Вместо того, чтобы жадно и грубо устанавливать права, Владимир прикоснулся к моим губам всего на несколько секунд.

Только хватка пальцев на талии усиливалась. Пальцы второй руки сильно сжимали пряди моих волос.

Это единственное, что показывало, насколько Владимиру приходится нелегко держать себя под контролем.

Я сидела, словно каменное изваяние, понимая, что нужно сделать хоть что-то, но пока не могла пошевелить и пальцем, просто принимая ласковые поцелуи.

— Не ответишь, да? — с надломом в голосе произнёс Владимир, перемещаясь губами к уху.

Он захватил губами мочку, подразнив её кончиком языка, и прикоснулся к нежной коже шеи. Его поцелуи отзывались внутри странным трепетом.

Я прислушивалась к своим ощущениям, понимая, что ещё не всё умерло внутри. Несмотря на скорбные события прошлых дней.

Есть в этом мужчине что-то, заставляющее меня отзываться на его близость.

И это что-то — не то, что нравилось мне в Ярославе.

Это другое, более резкое и грубое, бескомпромиссное. Это то, что есть во Владимире. То, что чувствовалось в нём всегда, с самого начала.

Его твёрдый и решительный характер, стальной стержень. Опора. Понимаю, что в нём есть всё то, чего мне иногда не хватало в Ярославе. Настойчивости и упорства.

Мои мысли кажутся мне кошунственным и за них нужно сжигать на медленном огне. Потому что я топчу мысленно память о Ярославе.

Но это мои мысли и чувства.

От них тяжело спрятаться. Некуда прятаться внутри себя.

Я отстранилась от Владимира, переводя дыхание. Я даже не заметила, когда начала дышать чаще.

— Володя... — позвала я.

— Да?

— Кажется, ты хотел сварить глинтвейн?

— Хотел, — немного хрипло отозвался Владимир, переместив руки мне на колени.

Он опустил голову, переводя дыхание. Владимир был напряжён. Я обхватила его лицо ладонями, потянув на себя, и поцеловала в губы.

Он застонал, резко подавшись вперёд, и уже перестал сдерживать себя. Его губы и язык были невыносимо жадными и быстрыми.

Я ощущала всюду их жалящие прикосновения и чувствовала, что меня начинает трясти от того, что напряжение вырывается из тела именно так. Всхлипами, дрожью, судорожным сжатием пальцев на рубашке Владимира.

— Ещё... — попросил он, когда я разорвала наш поцелуй.

— Жадный.

— Очень. Ты мне понравилась с первого же дня! Хотел тебя всё время и продолжаю хотеть сейчас. Ты невероятная для меня... — шептал Владимир, вновь завладев моим ртом.

Он облизывал и посасывал губы, дразнился языком. Успокоился только когда почувствовал, как я трюсь своим языком о его.

— А теперь посмотрим, что у нас есть.

Оказалось, нужно идти в магазин. Потому что у Владимира не было корня имбиря, бадьяна и кардамона.

Мы спустились и пошли в супермаркет, который был расположен неподалёку. На улице я держалась поодаль от Владимира.

Он ничего на это мне не сказал, разрешив вести себя так, как мне удобнее. Хотелось, чтобы нам не попался никто из знакомых.

Владимир расплатился на кассе за купленные продукты, и мы вернулись в квартиру.

Он старался избегать тем, связанных с Ярославом, и разговаривал так, словно ничего не происходило сверхъестественного.

Мы готовили глинтвейн вместе. Владимир нарезал корень имбиря кружочками, я натирала цедру лимона.

С удивлением заметила, как Владимир стащил один из кружков лимона и съел его, даже не поморщившись. Я вспомнила, что на

прошрое Рождество именно Владимир варил глинтвейн.

Я вспомнила и постаралась не думать о том, что тогда Ярослав был жив, и все мы вместе были в доме их родителей в Германии.

— Мама сильно расстроилась, что ты не приедешь?

— Мама должна понимать, что у взрослого мужчины иногда возникают неотложные дела, — спокойно ответил Владимир. — Прилечу к ним позднее, вот и всё.

Владимир поставил кастрюлю на маленький огонь, щедро сдобрив вино специями.

— Не многовато? — спросила я.

— В самый раз. Корица и мускатный орех дают очень приятный тёплый аромат. С остальными, надеюсь, не переборщил, — ответил Владимир.

Я наблюдала за движениями его рук и, как заморожённая, смотрела на тёмно-красную жидкость в кастрюле.

— Не хочешь принять ванну? — предложил Владимир. — Расслабишься немного. Глинтвейн скоро будет готов. Нужно будет дать ему настояться.

Глава 26. Янина

Я согласилась. Владимир и сейчас опередил меня. Он выкрутил барашки и налил в воду ароматного мыльного средства, извиняясь за нейтральный аромат.

— Ничего сладкого у меня нет.

— У тебя нет постоянной женщины? — спросила я и тут же прикусила язык, понимая, что это не тот вопрос, который мне следовало бы задавать Владимиру.

— Постоянной нет, — тем не менее, легко согласился он. — Постоянная в моей жизни только одна. Ты.

Я застыла на месте от его слов. Владимир стремительно вышел из ванной комнаты, вернувшись с большим полотенцем и просторной футболкой в руках. Он положил вещи на корзину для белья. Обнял меня со спины.

— Постоянная, желанная и недоступная. Не моя... — медленно произнёс он, двигая губами по шее. — Но сегодня — всё к чёрту.

Владимир разжал объятия и подтолкнул меня к ванне.

— Залезай. Я выйду. Вернусь через минут десять с вином. Не будешь от меня закрываться?

Я покосилась на огромную шапку пены, которая с каждым мгновением становилась всё больше и больше. Наверное, за ней меня и не будет видно. Согласно кивнула.

Через минуту Владимира уже не было в ванной, а я разделась и посмотрела на себя в зеркало. Он говорил, что я похудела. И это на самом деле было именно так.

Я провела рукой по выступающим рёбрам и острым, как никогда ранее, ключицам. Нахмурилась, понимая, что от моего прежнего лица остался только цвет глаз и брови на два тона темнее волос.

Всё остальное — как будто выцветшая на солнце одежда, взятая с чужого плеча. Я не узнавала себя в девушке из отражения.

Именно в этот момент поняла, что если буду продолжать так и дальше, то окончательно потеряю себя, стану тенью...

Я выбросила негативные мысли из головы и залезла в горячую

воду. Она сначала немного обожгла кожу, потом тело привыкло, и стало очень приятно находиться в ней.

Я вымыла голову и расслабилась, откинувшись головой на изголовье ванны.

Спокойно и тепло. Почему рядом с Владимиром мне становится чуточку легче? Это так неправильно!

Моя просьба. Боже, как я могла на это решиться?!

— Отдыхаешь?

Я открыла глаза, посмотрев на Владимира. Он держал в руках два бокала с глинтвейном. Терпкий тёплый аромат винного напитка поплыл по ванной комнате.

Я не переставала удивляться вниманию Владимира к деталям. Он даже сделал «снежный» ободок из сахара на бокалах, протягивая один из них мне.

Я села и не стала отказываться от тёплого ароматного вина. Алкоголь плюс горячая ванна? Так проще будет расслабиться и забыться.

— Спасибо.

— Не благодари. Я, как выяснилось, не столь бескорыстен, — усмехнулся Владимир, поедая меня взглядом.

Мы легонько стукнулись бокалами.

Первый бокал вина закончился чересчур быстро. Напиток просто испарился, неизвестно куда. Глинтвейн был непередаваемо хорош, хотелось пить его ещё и ещё.

Владимир не стал спрашивать, просто наполнил мой бокал ещё раз. Я понимала, что опьянею очень быстро, потому что бокалы намного больше обыкновенных, потому что пью вино на пустой желудок, сидя в горячей ванне.

Но мне это было нужно. Мы почти не разговаривали, только пили, смотря друг на друга, словно гадали, какие мысли тревожат нас.

Шапка пены уже начала оседать. А я едва заметила это, потому что тело было очень расслаблено и полно неги.

Владимир отставил свой бокал и неторопливо закатал рукава рубашки. Снял часы с запястья, положив их на тумбочку. Встал и наклонился над ванной, опершись о её борта руками так, что я не могла встать.

Мужское лицо оказалось очень близко от моего.

Оно чуть покачивалось. Но, наверное, это просто от выпитого вина. Меня словно начинает прибывать волнами к его берегу. Или это Володя приближается, и я чувствую на губах вкус глинтвейна.

Его пальцы запутались в моих мокрых волосах. Поцелуй становится обречённо страстным. Владимир тяжело дышит, постанывая. Его язык вытворяет у меня во рту что-то невероятно порочное. Как будто обволакивает меня тёмной, тягучей патокой с головы до треугольника между ног.

Там начинает пульсировать и биться горячий комок возбуждения. Оно приливает резко и нещадно, как будто давит на низ живота. Слишком долго подавляемое, сейчас оно стремится вырваться как можно быстрее.

Тихий всплеск...

Владимир опустил руку в воду и пробежался пальцами от пупка до лобка. Он настойчивым нажатием заставил меня развести бёдра в стороны и принялся ласкать клитор. Горящий и невероятно пульсирующий под его пальцами.

В воде... Первый раз меня так настойчиво дразнили и ласкали в воде.

Казалось бы, она должна остужать. Но происходит совершенно наоборот. Чудится, что вся вода становится горячее, когда Владимир начинает двигать пальцами ниже, толкаясь в лоно.

Резко и быстро...

Вода плещется. Приглушённые стоны отражаются от кафельных стен.

Меня скручивает неожиданным оргазмом. Тело начинает дрожать, выплёскивая удовольствие. Его так много, будто оно вот-вот перельётся через край ванны.

Владимир отстраняется, обводя меня горящим взглядом.

— Вставай. Я вытащу тебя из ванны.

Глава 27. Янина

Володя легко поднимает меня, заворачивая в полотенце. Он не стал брать с собой ту футболку, которую сам же принёс для меня.

Через минуту мы оказываемся в спальне. Я начинаю просушивать волосы полотенцем поменьше, собирая их в узел на затылке. Но капли воды всё равно стекают по шее и по груди.

Владимир нетерпеливо отбирает у меня полотенце и раздевается сам. Меньше минуты потребовалось ему на то, чтобы предстать передо мной полностью обнажённым. Его эрекция говорит сама за себя.

Владимир мгновенно забирается на кровать и нависает надо мной.

Его пальцы разводят бёдра в стороны.

— Шире. Ещё шире, Янина, чтобы я поместился между твоих ножек. Вот так.

Владимир удерживает вес своего тела на одной руке. Пальцами второй руки он гуляет по моему телу, выкручивая затвердевшие соски, поглаживая кожу впалого живота

Он движется ниже и начинает ласкать клитор, двигая пальцами по кругу. Одновременно с этим крупная головка его члена прикасается к моим влажным складкам.

— Ты даже не представляешь, как сильно я тебя хочу! — прерывисто шепчет он, толкаясь членом внутрь.

Лоно поддаётся напору его твёрдой, словно камень, плоти. Я сдавлено стону, когда он проникает внутрь. Его член растягивает меня под свой размер.

Владимир движется короткими, осторожными толчками, словно я девственница, и этот раз у меня первый.

— Узкая, как будто девочка...

Владимир замирает, переводя дыхание. Его крупное тело дрожит от нетерпения. Он застывает на несколько мгновений, но потом вновь раскачивает бёдрами, всаживая свой член.

— Не могу ждать, — извиняясь, шепчет он, обхватывая меня пальцами за попку.

Входит до предела и опускает взгляд. Начинает медленно выходить

из моего влажного лона и смотрит, как туго и тесно моя плоть обхватывает его член. При каждом движении с моих губ срываются непрошенные глубокие стоны. Они становятся ещё громче от порочного осознания того, что Владимир кайфует, глядя, как его член движется во мне.

— Нравится? — спрашивает он, опускаясь на локоть.

Его губы оказываются близко к моим.

— Мне нравится. Ты как будто нарочно сделана под меня, чтобы свести с ума своей узостью и горячностью. Мне нравится быть в тебе. Нравится, как ты дрожишь и стонешь. Нежная. Эротичная. Моя...

Мой язык немеет во рту. Я просто впитываю его слова, как губка. Они распалют меня ещё больше, заставляя пылать и распахивать бёдра ещё шире.

Я сама не поняла, в какой момент судорожно вцепилась пальцами в бугрящиеся мышцы мужских плеч. Когда оказалась распластанной и припиленной к кровати, а ноги приподнялись и схлестнулись за его поясницей?

Владимир удовлетворённо простонал, прямо мне в губы и ускорился. Каждым толчком он вколачивал меня в простыни, липнущие к влажному телу.

Глубоко и быстро, беспредельно.

Так же как его язык, порхающий у меня во рту. Быстро-быстро он дразнится о кончик моего языка, а потом мужчина прихватывает его губами и всасывает в свой рот.

Меня разрывает на части от похоти и жаркого желания, властвующего над моим телом.

Я уже не контролирую себя, просто рассыпаюсь на части, как бисер, от сильного оргазма.

Влажные шлепки наших тел гулом отдаются внутри головы, Владимир останавливается и ловко переворачивает меня на живот, заставив опереться на локти и прогнуться в спине.

Его пальцы фиксируют мои бёдра.

— Тебе же нравится, когда я беру тебя сзади?

Его горячий шёпот опять толкает меня в пропасть порочного безумия. Тело отвечает за меня протяжным стоном и дрожью, движением бёдер навстречу ему, толкающемуся резко и до упора...

Это самое настоящее сумасшествие.

Его продолжительность строго ограничена и оговорена мной самой с собой. Я совершила сделку со своей совестью.

Я как будто со стороны наблюдаю за своим телом, бьющемся в очередном оргазме. Понимаю, что так жарко и откровенно, так хорошо не было ещё ни разу ни с кем другим.

Только с ним.

Потом я буду стараться похоронить это знание в себе.

Но сейчас просто вбираю его член в себя, чувствуя, как он кончает, громко стонет и накрывает меня своим крепким телом.

Владимир тяжело и часто дышит. Он перекачивается на бок и целует меня в плечо, удерживая на месте. В полутьме его довольная улыбка сверкает, как вспышка молнии, когда он говорит:

— Эта ночь будет самой лучшей. И очень долгой...

Глава 28. Янина

Я не помню, во сколько мы уснули. Помню только, что, когда пошла в душ, вылезала из него на трясущихся ногах, и Владимир подхватил меня на руки.

Через мгновение после того, как рухнули на кровать обессиленные, мы уснули.

Сейчас у меня немного гудит голова от выпитого накануне вина. Я переворачиваюсь на бок, утыкаясь взглядом в спину Владимира.

Спит?.. Я вспоминаю всё вчерашнее. Тело предательски млеет и начинает ныть.

Низ живота тоже немного ноет. То, что произошло вчера, было на грани всего. Здравого смысла, чувств, приличий...

Я, сама того не замечая, начинаю дышать тяжелее и хочу как можно скорее выпутаться из плена одеяла.

Мужские пальцы смыкаются у меня на плече. Владимир вынуждает меня лечь обратно на кровать. Он перебирается через меня и тянет одеяло прочь.

— Володя... — прошу я.

Губы пересохли, и во рту тоже сухо. Хочется пить.

Но он не обращает внимания на мои просьбы и слабые попытки отбиться от него.

Владимир откинул одеяло прочь, жадно пробежавшись по моему телу взглядом. Я и сама прекрасно вижу это: следы ненасытного и жадного секса.

Кое-где виднеются засосы и следы укусов.

Владимир опускается ещё ниже и властно раздвигает мои ноги в стороны. Прежде, чем я понимаю, что он собирается сделать, он уже прижимается ртом к моей плоти. Его язык начинает порхать по клитору.

— Нет! Не надо. Отпусти. Прекрати!

В ответ он лишь ещё крепче прижимает меня к кровати, ускоряясь. Он не только лижет, но и целует, посасывая напряжённую плоть, дразнит языком и целует.

— Я не хочу-у-у... — пытаюсь сдержаться, но один вид его головы,

склонённой между ног, возбуждает.

Мои слова вырываются изо рта с постаныванием. Этот невольный и тихий стон как признак поражения.

Я царапаю ногтями кожу головы Владимира, злясь на то, что у него такие короткие волосы, и за них не ухватиться. Он стискивает бёдра, прижимая меня к кровати, и отстраняется на мгновение.

— Володя, пожалуйста! Не надо, прошу! Мы же договаривались... Это чересчур!

— Ты не можешь запретить мне вылизывать тебя так, как я этого хочу. Тебе нравится. Ты течёшь мне на язык. Очень сладко. Хотела потрахаться со мной только на пьяную голову, да?.. Чтобы не помнить ничего или списать всё на вино? А я хочу, чтобы ты запомнила меня таким. Запомнила, как тебе хорошо со мной...

Владимир улыбнулся и вновь прижался к моей плоти, глядя на меня в это же время. Словно привязывал меня к себе своим магнетическим взглядом. Наглыми, уверенными движениями языка он слизывал влагу.

Его язык быстро и точно ударял по клитору. Ритм этого пульса заставлял кровь нестись быстрее по венам. Владимир наслаждался процессом. Он задерживал порочные движения своих губ и языка только для того, чтобы вновь начать скользить ими.

Он словно пытался успокоить трепетание возбуждённой плоти. Но потом вновь усиливал натиск губ, посасывающих узелок плоти.

Он медленно скользил языком по влажной промежности, беспрерывно текущей и изнывающей. Толчок, толчок... Он уверенно толкался языком в лоно, настойчиво покручивая им.

Владимир постанывал сам, пуская в ход зубы. Он наслаждался моими покрикиваниями, когда удовольствие становилось чересчур сильным.

От него всё тело сжималось пружиной, и удержаться не было сил. Владимир умело подводил меня к оргазму и... останавливался. Он вынуждал меня стонать и метаться на кровати, прикусывать губы, чтобы не просить его продолжить.

— Ещё? — он отстранился, глядя мне прямо в глаза.

Лоно призывно сжималось и жаждало продолжения. И я... тоже. Я возненавидела в этот момент собственную чувственность и горячность, отзывчивость к мужской ласке.

Но так хотелось разрядки, что искусанные до крови губы вытолкнули против моей воли.

— Ещё...

Он не заставил себя долго ждать, усилив напор. А я бесстыдно тёрлась о его губы и язык. Из моего рта вырывались не стоны, а всхлипы и лёгкие вскрикивания, пока меня не накрыло жаркой волной оргазма.

Владимир будто нарочно продлевал его действие движениями языка.

Он поднялся. Его губы поблёскивали от моей смазки, когда он властным жестом закинул мои ноги к себе на плечи и склонился надо мной, пронизывая членом на всю длину. Меня ещё продолжало трясти от первого оргазма.

Владимир двигался жадно и быстро, на предельной скорости. Он всаживал свой член до упора. Дыхание сбилось. Оно стало рваным и частым.

Я задышалась, потрясённо вбирая неистовые глубокие толчки.

Я понимала, что Владимир поступает так нарочно. Он привязывает меня к себе. Нарочно превращает утро в секс-марафон, чтобы я не могла списать события прошлой на ночи на беспамятство после выпитого вина.

Он проникает в меня не только своим членом, но и овладевает моей памятью, овладевает мной, заставляя хорошенько запомнить и понять... Что я млею от его близости и вызывающей дерзости, брутальной сексуальности и властности, чувствующейся в каждом движении и толчке...

Я понимаю, что кончу под ним. Снова.

И возможно ещё не единожды, прежде чем он отпустит меня.

Одновременно с этим я даю себе зарок, что сбегу подальше от Владимира и буду стараться не вспоминать ничего из того, что было вчера и сегодня.

Глава 29. Янина

— Уходишь? — слышу вопрос, брошенный мне в спину Владимиром.

Он всё ещё лежит на кровати, разомлевший после бурного утреннего секса. Вся комната, кровать и воздух пропахли насквозь влажным ароматом наших тел.

Я молча киваю и выскальзываю из комнаты, торопясь в ванную, чтобы смыть с себя память о собственнических прикосновениях. Я тщательно умываюсь, а Владимир уже поджидает меня под дверью ванной комнаты.

— Посиди со мной ещё немного? — просит он, подталкивая меня в сторону кухни.

Вынуждает меня сесть на стул и наливает чашку чая.

— Янина...

Я перекаत्याю в ладонях керамическую кружку с горячим чаем, не осмеливаясь поднять глаза на мужчину. Я вообще плохо себе представляю, как буду с ним общаться после того, что было.

Владимир цепляет пальцами мой подбородок, вынуждая посмотреть на него.

— Ты не хочешь со мной разговаривать?

— Не хочу. Я бы хотела уйти. Если можно?

— Убегаешь?

Лицо Владимира полно разочарования. Не знаю, на что он надеялся. Может быть, думал, что совместно проведённая ночь изменит моё отношение к нему?.. Да, изменила.

Но я не хочу думать об этом, не хочу забивать свою голову осознанием того, как хорошо я чувствую себя рядом с ним.

Это неправильно и аморально.

У меня совсем недавно погиб муж. Я не должна наслаждаться запретной близостью его брата.

Взгляд у Владимира горит то ли раздражением, то ли злостью.

— Володя, — прошу я. — Мы же договорились? Я не хочу обсуждать то, что было.

— Хорошо. Не будем обсуждать наш секс. Но не делай вид, что меня не существует, идёт? Я не пустое место. И мне не плевать на тебя. Просто позволь мне быть рядом?

— Не могу. Так, как хочешь ты, не могу. Никогда не позволю. Это равносильно танцу на костях Славы. Этого не произойдёт.

— Хорошо, — сжал челюсти Владимир. — Я понял твоё нежелание и понимаю его причины. Я всего лишь прошу не бегать от меня. Я живой человек, Янина. Не каменное изваяние. У меня тоже есть чувства. Всё, чего я прошу, это просто хотя бы не бегать от меня, как от чумного. Неужели я этого не заслуживаю?..

Голос Владимира был полон затаённой боли и отчаяния.

— Заслуживаешь. Ты заслуживаешь гораздо большего, Володя, — говорю, немного помедлив, и несмело накрываю его скрещённые пальцы своей ладонью.

Легонько сжимаю, но не успеваю отнять руку. Владимир прижимается щекой к тыльной стороне ладони. Его жест пробивает брешь в моей обороне.

Мне не хотелось бы проникаться к Владимиру чувствами, но сейчас я понимаю, что капле чего-то удалось просочиться внутрь меня.

— Как минимум, я заслуживаю тебя, — говорит он и отстраняется.

— А может быть, наоборот, это я тебя недостойна? — отвечаю с нервным смехом. — Что ты во мне нашёл? Неужели вокруг тебя мало других женщин.

— Женщин много. Но ты — одна, — усмехается Владимир. — Вот так меня на тебе переклинило. Моя лунная...

Он освобождает руку и гладит подушечками пальцев заживающий шрам на моей щеке в виде полумесяца. Кожа под корочкой заживающей болячки начинает чесаться от этого невинного касания.

Мне хочется скорябить её, выскрести из нутра то небольшое, что откликается на этого мужчину.

— Володя, не надо. Думаю, что есть много тех, кто был бы рад оказаться с тобой.

— В постели? Моя постель не всегда пуста. Но это просто трение, снятие напряжения. Ничего похожего на то, что было между нами.

— Володя, не начинай. Прошу. Пожалуйста. Я не смогу так. Я буду постоянно корить себя и ненавидеть. Я хочу сделать вид, что не было

ничего. Так будет проще. Но если ты будешь постоянно напоминать, я сойду с ума.

— Не надо. Я понял тебя, Янина.

Владимир молчит и подливает мне ещё чая.

— Как будешь отмечать Новый Год? — меняет он тему разговора.

— Поеду к маме на новогодние праздники.

— Далеко, — хмурится Владимир. — Поездом будешь долго добираться. Полетишь на самолёте.

— Володя!..

— Не спорь. Хочешь, чтобы я от тебя отвязался? Не спорь!.. Полетишь на самолёте. От города до деревни наймёшь такси. Только автомобиль. Никаких автобусов юрского периода и газелей для самоубийц.

— Ты диктуешь мне условия?

— Я беспокоюсь о тебе, дурочка, — ласково говорит Владимир. — Этого ты у меня не отнимешь. Просто ты сейчас как будто в прострации. Я не хочу, чтобы ты навредила себе неосторожным поведением, только и всего.

— А ты?

— Я? Католическое рождество я уже просрал, — усмехается Владимир. — И ни капли об этом не жалею. Надолго ты к маме поедешь?

— Кажется, только что мы говорили о тебе и твоих планах!..

— Да. Но я не хочу болтаться просто так, изнывая от беспокойства. Давай договоримся? И после каникул увидимся, идёт? Только дружеская встреча... Без всего. Без намёков и приставаний.

Я осторожно киваю, поглядывая на Владимира.

— Не трясись, Янина. Я попытаюсь, правда. Найду себе самую отвязную и роскошную стерву, ни капли не похожую на тебя, и буду объезжать эту своенравную кобылу до потери пульса. Довольна?

Слова Владимира отзываются внутри меня внезапно едким раздражением. Но я упорно отмахиваюсь от собственных ощущений. Я предпочитаю думать, что мне просто неприятен тон голоса Володи, а не смысл его слов.

Глава 30. Янина

Я приехала к маме раньше, чем обещала. Просто я не могла себя заставить остаться в городе.

Мне нужно было поскорее избавиться от давящего постоянного присутствия Владимира, от его яркого желания обладать мной.

Пришлось пойти на уступки и сделать так, как попросил Владимир.

Лететь самолётом до областного центра, а оттуда до маминой деревни — полтора часа езды на машине. Таксист запросил немало, но деньги у меня теперь были. Поэтому я согласилась, не колеблясь.

Таксист в дороге много трепался, пытаясь завязать разговор, но поняв, что я не расположена к общению, замолчал. Он чертыхнулся, выругавшись, что дорога как колея, и никто не собирается расчищать её от заносов. Но всё же благополучно довёз меня, развернулся и укатил.

Навстречу мне вышла мама, накинув тёплый полущубок. Она привязала пса, безостановочно лаявшего на меня, и провела в жарко натопленный дом.

— Рано ты, — сказала она, принимая одежду. — Думала, попозже приедешь. Но и хорошо, что приехала. Пельменей как раз вместе налепим. Стасик в этом деле, сама понимаешь, не помощник, а жена его...

— Что? — удивилась я. — Стасик женился?

— Женился? Да ну, брось! Гражданская жена, тьфу! Не женился, а так, подженился, — отмахнулась мама. — Надо же мужику как-то жить! Вот он и нашёл себе фифу сибирскую. Говорит, она в салоне красоты работает, ногти всем красит! Себе так уж точно по десять раз в день перекрашивает!

— А как зовут жену Стаса?

— Алёной, — усмехнулась мама. — Только этой красотки сейчас нет, она пошла соседке моей марафет наводить.

— А Стас?

— Стас снег расчищает на заднем дворе. Скоро должен на обед зайти. Вот и увидите.

Я по привычке зашла в комнату, в которой всегда останавливалась,

когда приезжала, но увидела там женскую сумку, стоявшую на комоде, и вышла.

— Ой, наверное, придётся тебе в дальней маленькой спальне постелить. Стас-то большой мальчик уже, со своей кралеи спит! А ты одна, и на диване уместись.

Мама хлопотала по дому. Я разложила часть вещей на пустующую полку в шкафу, чтобы удобно было находить необходимое, и пошла за мамой на кухню.

Она уже накрыла стол, налив ароматного борща в глубокую тарелку, и подвинула керамическую миску с тушёной картошкой.

— Ешь, доченька! Чтобы всё съела, а то совсем отоцала!

Потом окинула меня взглядом, спросив:

— Чёрный платок не носишь уже?

Я провела рукой по волосам: чёрную повязку я надевала на похороны и на другие поминальные дни, но не носила траурную метку постоянно. Мне и без того было нелегко.

— Не ношу, мам.

— Неужто траур кончился? — покачала головой мама. — И полугодом не прошло, как...

Мама не договорила. Хлопнула входная дверь, и в дом вошёл мой старший брат, раскрасневшийся после пребывания на морозе.

— Янка!

Я вскочила и порывисто обняла брата, утонув в его медвежьих объятиях.

— Совсем тростиночкой стала, — ущипнул он меня за щеку. — Мам, ты что дочку не кормишь?

— И не говори, Стасик, Янка наша худющая стала, как синичка! Вот и собираюсь откармливать. Мой руки, садись за стол.

Стас выпустил меня и присоединился к трапезе через несколько минут. Кажется, с момента нашей последней встречи брат раздался в плечах ещё шире, отрастил бороду и стал похож на дровосека или лесника.

— Что смотришь на меня, мелкая? — усмехнулся он, уминая еду за обе щеки.

— Думаю, что ты стал ещё больше, — улыбнулась я, понимая, что брат вышел лицом и фигурой весь в отца.

Отец погиб при несчастном случае на заводе очень давно, я его

почти не помню. А я была похожа на маму: такая же миниатюрная и светлокожая, только глаза достались мне от отца, тёмно-серые.

— Мама говорит, что ты обзавёлся невестой?

— Да, пора бы уже. Тем более, младшая мне нос утёрла, создав семью раньше меня, — усмехнулся брат и тут же осёкся. — Извини.

— Ничего страшного.

Я не стала обижаться на брата, ведь он не хотел меня задеть, слова вырвались у него против воли.

Где-то вдалеке зазвонил мой сотовый телефон. Я оставила его на комод в зале. Я извинилась и встала из-за стола, чтобы ответить на телефонный звонок.

Звонил Владимир. Я помедлила немного, прежде чем ответить на входящий вызов.

— Янина? Как дела?

— Привет. Хорошо. Я уже у мамы, — ответила я, понимая, что не позвонила ему, хоть обещала.

— А позвонить сложно, да? — раздражённо спросил Владимир. — Я же просил тебя!

— Извини. Я только недавно приехала. Брат зашёл, я заговорила... — начала оправдываться я, злясь на то, что чувствую себя виноватой.

— Нормально добралась? — спросил Владимир немного спокойнее, но чувствовалось, что он всё ещё рассержен на меня.

— Без приключений. Таксист возмущался, что дороги нечищенные. Но автомобиль проехал без труда.

— Хорошо, — Владимир помолчал. — Держи меня в курсе.

— В курсе того, как проходят мои дни в деревенской глубинке?

— В курсе всего.

— Володя, мы же договаривались...

За моей спиной послышался шорох. В зал зашёл брат.

— Маман меня за ещё одной тарелкой отправила. Алёнка приехала. Знакомиться будешь? — спросил, выуживая посуду из шкафа.

— Да, конечно. Сейчас приду, Стас.

Я дождалась, пока брат выйдет, и спросила у Владимира:

— Слышал? Меня за столом ждут.

— Подождут ещё секунду, — отозвался Владимир. — Просто не игнорируй меня, хорошо? Я волнуюсь. Правда, волнуюсь. Меня дико

бесит, что ты так далеко, а я даже не знаю, что с тобой.

— Со мной всё хорошо, Володь. Эти каникулы мне нужны, чтобы я просто спокойно вздохнула.

— И от меня подальше, да? Нет-нет, я не наседаю. Просто говорю, как есть. Когда соберёшься обратно, предупреди, идёт?

— Я только приехала, Володя.

— Я знаю, — усмехнулся он. — Я сегодня к родителям вылетаю. В Германию. Но всё равно предупреди меня, когда будешь возвращаться. Я встречу тебя.

— Хорошо. Иди, собирайся и ничего не забудь.

— Не забуду, Янина. У меня все вещи упакованы ещё с того дня.

Я и без лишнего уточнения поняла, что Владимир имел в виду. Я немного неловко попрощалась с ним, чувствуя, как полыхают мои щёки. Так глупо было надеяться на то, что я сразу же забуду произошедшее.

Я постояла ещё несколько минут, собираясь с мыслями, прежде чем решила вернуться в кухню. В коридоре столкнулась с братом.

— А я уже пошёл тебя разыскивать! — пошутил он и наклонился, вглядываясь в моё лицо.

— Всё нормально?

— Да, Стас. Нормально.

— Да ну? А кажется, что не нормально.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ты сама не своя после нескольких минут разговора. С кем разговаривала?

Брат смотрел на меня таким проницательным взглядом, что соврать язык не поворачивался. За время нашей разлуки я уже забыла, каким прозорливым бывает мой брат.

— С братом мужа.

— С близнецом?

— Да, с Володей. Он спрашивал, как я добралась.

— Но судя по твоей реакции, тебе не очень нравится с ним общаться.

— Нет, не то чтобы не нравится... Но...

— Но сложно, да? Они же похожи, как две капли воды. Говорят, что близнецы и чувствуют друг друга. Конечно, может быть, врут. Кто знает?..

Брат приобнял меня.

— Ладно, пойдём, я познакомлю тебя со своей Алёнкой. Маме она не по душе пришлась, если честно. Прямо не говорит, но я же понимаю, что ей моя жена не нравится.

— А ты на самом деле собираешься жениться?

Брат почесал свою бороду.

— Хотелось бы. Но Алёнка говорит, что надо сначала своей квартирой обзавестись. Пока снимаем. Я собираю, но на покупку недвижимости немного не хватает. Если только в кредит запрячься, тогда можно будет купить квартиру.

Глава 31. Янина

С будущей женой брата я познакомилась. Не могу сказать, что мне очень сильно понравилась эта девушка. Она казалась мне немного ехидной и высокомерной, как будто делала одолжение, находясь в гостях в деревне у мамы будущего мужа.

Но не мне же предстояло жить с ней, а брату. Если его устраивает эта девушка, значит, так тому и быть.

Новогодние каникулы протекали быстро в ежедневной суете и рутине. В доме у мамы постоянно кто-то находился из гостей. Скучать не приходилось.

Я даже немного устала от обилия выслушиваемых соболезнований в мою сторону. Мама-то всем своим успела рассказать, что я осталась вдовой.

Слухи в деревне расходились очень быстро. Сказал одному — тот доложил ещё одному, и так по цепочке.

Я созванивалась с Владимиром. Он передавал привет от родителей и присылал яркие радужные фото из предновогодней Германии.

Я не могла похвастать такими же радужными фотографиями в ответ, но прислала всё-таки Владимиру фото, на котором было видно всю нашу семью.

Владимир перезвонил почти сразу же. Голос у него звучал немного иначе, более расслабленно и мягко. Чувствовалось, что Владимир выпил.

— Привет, Янина. Милое семейное фото.

— Спасибо, Володя. Как проводишь время?

— Мог бы сказать, что замечательно, но с тобой было бы гораздо лучше... Мужчина на фото — твой брат, да, насколько я помню?..

— Да, именно так.

— Вы не похожи. Ты сильно похожа на свою маму.

— Да. А брат пошёл весь в отца.

— Милое фото, — повторил Владимир. Послышался шум, как будто хлопнула дверь. Кажется, он вышел из комнаты. — А что насчёт одиночного фото от тебя?

— Что?

— Да-а-а-а. Скинь мне своё фото. Там, где ты одна. Без посторонних.

Я задохнулась от возмущения. В просьбе Владимира мне чудился скрытый подтекст.

— Я не прошу много, Янина. Не требую фото в стиле ню. Хотя, если захочешь, я не стану отказываться.

— Перестань меня провоцировать. Или я точно перестану с тобой разговаривать даже так.

— Какая ты злючка! — рассмеялся Владимир. — А мне не жалко фото для тебя. Я скину тебе своё фото!

— Не надо.

— Скину, — упрямо повторил Владимир и сменил тему. — У меня есть для тебя подарок на новый год. Хочется верить, что он тебе понравится. А ты?

Я прикусила губу: потому что не озадачивалась покупкой подарка для Владимира.

— Не тушуйся, Янина. В качестве подарка на Новый год я попрошу исполнить тебя всего одну мою маленькую просьбу. Идёт?

— Не хочу соглашаться неизвестно на что!

— Всего лишь одна. Маленькая. Просьба, — чётко произнёс Владимир. — Пожалуйста. Взамен проси всё, что хочешь.

— Абсолютно всё? — уточнила я, не заметив, как мой голос снизился до шёпота.

— Да. А если пошепчешься со мной ещё немного, я достану тебе луну с неба. Хотя мне больше нравится твоя луна. Та, что у тебя на щеке...

Владимир меня волновал, задевал какие-то струнки в глубине, от которых всё начинало звенеть и дрожать.

Я становилась сама не своя. Мне нужно было абстрагироваться от него, попытаться забыть, но не получалось.

Вместо этого в каждом слове Володи мне чудился скрытый подтекст. От него бросало в жар и становилось не по себе.

В новогоднюю ночь празднование протекало, как обычно, с семьёй. У нас в гостях собралось довольно много маминых родственников и друзей.

Стол ломился от угощений. Гости едва смогли разместиться в зале, пришлось даже занять два стула у соседей.

Было шумно и, наверное, по-своему весело.

Я едва дотерпела до положенных двенадцати ноль-ноль. Потом посидела ещё немного для приличия и извинилась перед гостями, отправившись спать.

Я устала за те два дня перед тридцать первым декабря, когда мы с мамой целый день проводили на кухне, лепили пельмени и нарезали салаты.

Я рухнула на кровать без сил и поставила телефон на беззвучный режим, чтобы мне не докучали звуки входящих сообщений и звонков.

Утро первого января выдалась необыкновенно тихим. Гости разбрелись по домам уже после рассвета.

Вставать не хотелось. На кухне меня ждала только огромная гора немытой посуды. Я лежала в кровати и просто прислушивалась к тишине, вспоминала годы, проведённые в стенах родного дома.

Эта комната раньше была моей детской. Я знала, что, если отодвинуть диван, там, снизу, на обоях ещё можно увидеть детские рисунки, сделанные моей рукой.

Мама не стала заклеивать этот кусок обоев новыми, оставила рисунки на память.

Я достала телефон из-под подушки и принялась отвечать на поздравления, которых было немало.

Дошла до сообщения о пропущенных звонках Владимира. Пальцы дрогнули...

Владимир звонил не один раз и писал. Я просмотрела все его сообщения и почувствовала себя неблагодарной. Он так много сделал для меня, а я даже не отправила ему сообщение с дежурными поздравлениями.

Я набрала текст сообщения, отправив ему поздравление с Новым Годом. Спустя несколько мгновений отправила ещё одно сообщение следом:

«Извини. Я вчера очень устала и практически сразу легла спать, поставив телефон на беззвучный режим».

Едва успела отложить телефон, как пришло ответное сообщение. От Владимира.

Я пыталась прикинуть, сколько часов разницы между моим городом и Германией. Кажется, не так уж много.

Сейчас зима, всего пару часов или около того. Но всё равно у Владимира сейчас очень раннее утро.

Владимир: *«Я уже хотел посадить местных операторов авиалиний, чтобы заказать билет в Россию. Рад, что ты объявилась».*

Я немного помедлила, но всё же ответила ему.

«Не хотела, чтобы ты волновался. Извини».

Владимир отвечал очень быстро, как будто только и ждал того, что я вот-вот объявлюсь.

Владимир: *«Не извиняйся. Или извинишься, но позднее. Идёт?.. Как встретили Новый Год?»*

Я: *«Обыкновенно. Поздравление президента, шампанское... Немного постреляли китайской пиротехникой».*

Владимир: *«Ты же не пьёшь шампанское...»*

Надо же! Владимир меня удивлял. Оказывается, он запомнил, что я не пью шампанское. Могу только пригубить, делая вид, что пью. Но я его не пью. Мне не нравится это газированное вино.

Я: *«Ты меня раскусил. Я просто сделала вид, что пью, подняв бокал за компанию. Как отметил ты?»*

Владимир: *«Скучно. Сидел и пытался дозвониться до тебя...»*

Я: *«Ещё очень рано. Ты не ложился спать?»*

Владимир: *«Нет. Тебе можно позвонить? Хочу услышать твой голос...»*

Я замялась. Мне не хотелось запутывать наши отношения ещё больше, чем есть сейчас. Но я чувствовала себя должной и обязанной Владимиру. Я тщательно думала только об этом, старательно отгораживая мысль о том, что Владимир заставляет меня волноваться.

Я: *«Не думаю, что это хорошая идея. У тебя ещё очень рано. Ложись, отдохни. Попозже созвонимся?»*

Владимир немного помедлил, но всё же прислал мне ответ.

Владимир: *«Я не устал. Опять отталкиваешь меня, вредная? Или ты написала «извини» просто для того, чтобы я от тебя отстал, да? Ничего не стоит за этим словом?»*

Кажется, я даже через пиксели на экране чувствовала, насколько

Володя сейчас заведён. Даже воздух в комнате казался напряжённым и вибрировал от нетерпения.

Глава 32. Янина

Я всё ещё медлила, думая, как ответить Владимиру, а пальцы уже сами проворно нажимали на сенсорную клавиатуру.

Я: *«Володя, не злись, пожалуйста... Я не отталкиваю тебя. Я стараюсь держать необходимую дистанцию!»*

Владимир: *«Хорошо. Но как насчёт моего новогоднего подарка?»*

Поневоле я улыбнулась: напору Владимира можно было позавидовать. Он был безудержным и настаивал на своём несмотря ни на что.

Я: *«Не помню, чтобы обещала тебе что-то...»*

Владимир: *«Зато я помню. Сейчас утро. Ты ещё в постели?»*

Моё сердце пропустило один удар, а потом понеслось вскачь.

Я: *«Ещё рано и не хочется вставать!»*

Владимир: *«Хороший способ уйти от прямого ответа. Ты в кровати. В доме после празднования Нового года ничего, кроме грязной посуды и неубранного стола. Если, конечно, у вас нет прислуги, которая прибирала бы ранним утром. Поэтому ты лежишь в кровати и оттягиваешь момент полного пробуждения!»*

Я: *«Ты очень проницателен».*

Владимир: *«Да. И я хочу свой подарок. Хочу твоё фото. Одна. Без лишних лиц и натянутых улыбок. Сфотографируй себя сейчас...»*

Я: *«Это чересчур!»*

Владимир: *«Я не просил тебя сфотографироваться голой. Но если хочешь, можешь меня порадовать».*

Я: *«Ты неисправим!.. Ты не оставишь меня в покое?!»*

Владимир: *«Оставляю. После твоего фото. Разве я много прошу?»*

Я колебалась. Я понимала, что наша переписка выходит за рамки, что за ней кроется фривольное заигрывание и наглое преследование.

Пока я держала телефон трясущимися пальцами, Владимир прислал ещё одно сообщение.

Владимир: *«Я оставляю тебя в покое, если ты подаришь мне своё фото и поболтаешь со мной несколько минут!»*

Я: *«Ты уже говорил, что оставишь меня в покое, но я не вижу, что*

ты пытаешься...»

Владимир: *«Перечитай предыдущее сообщение. Я твёрдо намерен избавиться от твоего присутствия в своей голове. Но я хочу свой подарок... Единственный, который будет мне интересен. Всего один. Побудь моим желанным подарком? Пожалуйста. Авансом обещаю вести себя хорошо».*

Я вытянула руку вперёд и, не раздумывая долго, сфотографировала себя. Отправила мгновенно, пока не передумала.

Потом уже посмотрела отправленное фото. Пусть разглядывает меня, заспанную, в ворохе одеял. Эстетика у фото нулевая, так что пыл Владимира должен остудиться.

Как бы не так! Спустя минуту телефон начал равномерно вибрировать. На дисплее высветилось имя Владимира.

Я ответила на звонок.

— Доброе утро, сонная, — послышался низкий голос.

— С Новым годом, Володя, — тихо ответила я, потому что не хотелось будить домочадцев своей болтовнёй.

— И тебя. Хочешь узнать, что я тебе приготовил в качестве подарка на Новый Год?

— Нет. Пусть это будет сюрпризом, — улыбнувшись, ответила я.

Кажется, я напрасно волновалась. Это просто ни к чему не обязывающая беседа, и только.

— Любишь сюрпризы? Знал бы, радовал тебя чаще. Как тебе в гостях у мамы?

— Тихо, спокойно. Вспоминаю детские годы. А тебе?

— Отдыхаешь? Это хорошо. Не могу сказать того же. У родителей не праздники, а сплошные смотрины и соревнование, кто кого. Родители, похоже, решили переплюнуть всех соседей по части иллюминации. Их дом наверняка виден и из космоса...

Владимир начал рассказывать о своей семье, развлекая меня. Его низкий голос баюкал. Я и сама не заметила, как прикрыла глаза, просто прислушиваясь к приятному тембру.

— Так что это не отдых, Янина. Немного завидую тебе. Хотел бы и я отдохнуть душой. А ещё лучше, оказаться рядом с тобой. В этом ворохе одеял...

Последние слова Владимир произнёс немного севшим голосом. Его лёгкая хрипотца пронеслась обжигающей волной по моему телу. Щёки

загорелись огнём.

— Ты же одна, да? Никого нет в комнате, кроме тебя? — продолжал держать выбранный курс Владимир. — Мне понравилось твоё фото.

— Очень смешно, — смех получился совсем невесёлым

Я внезапно жутко занервничала и не знала, как себя вести. Мне хотелось сбросить вызов, чтобы не слышать звука этого голоса, от которого всё внутри начинало дребезжать и сходить с привычных мест.

Но словно приворожённая, не могла это сделать. Владимир держал меня на противоестественном поводке, соскочить с которого я не могла.

— Я не шучу, Янина. Ты по какой-то причине считаешь себя обыкновенной, едва ли не дурнушкой. Особенно сейчас. Неужели тебе никто не говорил, что ты по-особенному красива? Славка не говорил тебе этого? Нет? Ты красивая.

— Володя, прекрати, — дрогнувшим голосом попросила я.

— Не могу. Ты кра-си-ва-я. Особенно на фото. Тёплая, разомлевшая после сна... Трогательная и наверняка очень мягкая и нежная сейчас, да?.. Мне нравится. Особенно лямка, соскользнувшая с твоего плеча. Нравится. И поэтому говорю, что хотел бы оказаться с тобой под одним одеялом именно сейчас. Возможно, ты бы даже не стала отбиваться от меня.

— Ты в этом так уверен?

— Если бы ты отбросила в сторону прошлое, то не стала бы. Нам очень хорошо вместе. Было ли тебе так же хорошо со Славкой?

Глава 33. Янина

Владимир опять начал вести себя бескомпромиссно и провокационно.

Меня злила собственная реакция на него и его близость. Злило то, что он был прав. Со Славой я не испытывала и десятой доли тех взрывных эмоций, что ощущала рядом с Володей.

Рядом с ним я кипела, словно вулкан. Даже сейчас он на другом конце связи, в тысячах километрах от меня.

Володя просто говорит, а меня даже на огромном расстоянии начинает лихорадить от его наглой провокации.

Но я ни за что не признаюсь вслух, что если бы начала сравнивать Славку и Володю сейчас, то Славка, несомненно, проиграл бы. Во всём. По всем фронтам.

Эта внезапная мысль просто шокирует меня, пронизывая насквозь.

А в ушах стоит голос Володи, продолжающего плести свою соблазнительную, но гибельную паутину слов.

— Я понимаю, что сейчас ты не скажешь этого вслух. Но ты чувствуешь то же, что и я. Нереальное возбуждение, желание, от которого сводит всё тело, вплоть до кончиков пальцев. Ты знаешь, что во время оргазма ты поджимаешь свои крохотные пальчики на ногах? Спина выгибается дугой. Ты словно стремишься быть ещё ближе в этот момент. Ещё откровеннее. Меня просто уносит, когда ты подо мной...

Володя делает паузу, переводя участившееся дыхание.

— Даже сейчас. Я слышал не так много. Всего лишь несколько фраз твоим голосом. Но в моём воображении ты не разговариваешь, а стонешь, покрикиваешь и умоляешь брать тебя ещё жёстче и быстрее. Глубже. В тебя.

Володя уже постанывал, и я прекрасно представляла, как он выглядит сейчас, лёжа в постели.

Лежит и двигает пальцами по напряжённому члену, держа телефон пальцами другой руки...

Я уже и сама начинаю дышать так же тяжело, проклиная возбуждение, скользящее по телу так, словно горячие мужские ладони

оглаживают его. Всюду.

Становится нереально сложно удержаться.

Особенно томительно и одиноко там, внизу, между ног, где горячей влагой скапливается волна, вот-вот грозящая свести меня с ума своей порочностью.

— Я тебя слышу. Слышу, как ты дышишь. И ты не сможешь остаться в стороне. Только не сейчас. Когда нет ничего. Даже тебя рядом нет, но я слышу твоё дыхание. Как если бы ты лежала рядом со мной и так же прерывисто вздыхала, маскируя собственное возбуждение.

— Прекрати-и-и, — попросила я своего мучителя, едва ли не простонав это слово.

Пальцы левой руки стискивали телефон изо всех сил, а пальцы правой безостановочно комкали светло-серый пододеяльник.

Я боялась выпустить ткань из пальцев. Я цеплялась за этот кусок ткани, чтобы не поддаться соблазну и не начать ласкать себя.

— Не могу. Пожалуйста. Забудь обо всём. Ты и я. Больше ничего и никого во всём мире. Только мы. Ни прошлого, ни будущего, ни даже настоящего. Это просто горячее дыхание и влажное желание.

— Ты меня соблазняешь и склоняешь не к тому, чего хотелось бы.

— Всего один раз. Подари мне эти минуты. Неужели я так много прошу? — простонал Владимир и продолжил: — Отпусти себя и опусти ручку вниз. Прошу. Потрогай пальчиками трусики. Надави немного и потрогай, какие они мокренькие. Они уже влажные насквозь, да?

Глава 34. Янина

Я стараюсь удержаться от соблазна и думать трезво, но низкий хрипловатый голос Володи с откровенным постаныванием лишает меня остатков здравого смысла и стеснения.

Я прикусываю губу, чтобы не стонать слишком громко.

Потому что, даже не дотрагиваясь до себя, понимаю, что завелась очень сильно. Я настолько мокрая, что придётся менять трусики.

Я всё ещё пытаюсь разложить своё состояние на понятные логике составляющие и как-то объяснить самой себе творящееся безумие.

Но правда в том, что меня нереально сильно возбуждает этот мужчина, патологически заикленный на мне.

Это нужно принять как данность, хотя бы сейчас. Потому что игнорировать сильное, почти до болезненной рези, возбуждение, просто нереально.

Я надавливаю пальцами на тонкую ткань трусиков. Влажных, как он и говорил. Сдавленно мычу, погашая стоны.

— Умница! — выдыхает Владимир. — Не думай ни о чём, не останавливайся. Просто подразни себя сначала так.

— Сначала? — переспрашиваю я, пока мои пальцы сами надавливают на вход через ткань, пробегаются по кругу и вновь возвращаются в исходное положение, словно ставя точку.

— Конечно. Это начало, моя лунная...

Не поняла. Кажется, мне послышалось. Переспрашиваю, безостановочно двигая пальцами по влажной ткани, дразня себя.

Возбуждение накачивает мою кровь противоестественно сильным желанием и похотью.

Я уже распахиваю ноги пошире, чтобы ещё сильнее и больше почувствовать это невероятное ощущение. Как будто волны приливают и приливают без конца. Ещё немного, и меня точно смоем за грань логики и здравого смысла.

— Лу-у-унная, — тянет Владимир. — Только недавно это понял. Такая же притягательная и недоступная для меня. Всегда. Но только не сейчас. Сейчас это не твои пальчики дразнят твою влажную киску, а я...

Представь меня сверху. Хочется?.. Тебе понравилось, как я тебя трахал. Хотелось бы ещё?

Я вздыхаю и сжимаю трясущиеся губы, чтобы не простонать гортанное «да».

Не-е-е-ет...

Но каждое движение пальцев и непроизвольная дрожь утверждают обратное.

— Сними свои трусики. Они нам совершенно ни к чему. Снимай этот бесполезный кусочек ткани. Хочу, чтобы почувствовала меня полностью. Как будто я рядом...

Ткань проворно соскальзывает с тела, как будто только и ждала прямого приказа. Оголённая кожа скользит по простыне. Мои складки скользкие и мокрые от смазки.

Я, не дожидаясь слов Владимира, опускаю пальцы, покручивая клитор. Он, разгорячённый и увеличившийся, дрожит под моими пальцами, пульсирует.

— Ты уже без трусиков? Порадуешь меня положительным ответом?

— Да...

— Не расслышал тебя. Да или нет?

— Да... — сдавленно шепчу я, пытаюсь не стонать слишком громко.

— Не своди меня с ума, ответь... — он как будто не слышит меня.

И я чуть громче отвечаю:

— Да!..

Тихий мужской смех проносится по коже, словно волна мурашек, заставляя все волоски приподняться.

— Не кричи, лунная девочка. Мне нравится, когда ты кричишь и стонешь подо мной. Но сейчас тебе нужно сдерживать себя немного. От этого хочется ещё сильнее, не так ли?..

Мне жарко под одеялом, оно уже сбилось в кучу где-то у щиколоток. И если бы я открыла глаза, то увидела бы, как собственные пальцы порхают со скоростью колибри между разведённых ног.

Но под закрытыми веками — спасительная темнота с редкими яркими всполохами. Воображение причудливо превращает их в мужскую мускулистую фигуру.

И я совершенно точно знаю, что это Владимир. И никто иной.

— Согни ножки в коленях и разведи в стороны, красавица. Ещё шире... Ещё...

Голос Владимира вибрирует во мне дрожью натянутой до предела струны, которую гитарист заставил звенеть прихотливым щипком. Я послушно исполняю его приказы, тихо постанывая.

Звуки сами вырываются из моего рта. Я жадно хватаю обжигающе горячий воздух ртом и трогаю пальцами себя, влажную и возбуждённую до предела. Желание ярко полыхает под кожей.

Кажется, что хватит всего нескольких прикосновений, и меня накроет оргазмом.

— Ты раздвинула ножки недостаточно широко, — низким голосом выдыхает Владимир.

По его голосу понятно, что он, как и я, уже едва сдерживается, чтобы не сорваться.

— Раздвинь их так широко, чтобы я поместился между них. Ещё. Это не твои пальчики сейчас ныряют в горячую влажную дырочку, а мои. Чувствуешь меня? Скажи?.. Ещё глубже и быстрее. Добавь ещё один пальчик. Подвигай им, не стесняйся. Чувствуешь меня?..

— Да...

Меня безостановочно трясёт, а лоно сжимается вокруг пальцев. Сейчас всё происходит по сценарию, написанному Владимиром. Именно так, как хочет он. И ни шага в сторону.

Поэтому я двигаю пальцами предельно быстро, задыхаюсь и приподнимаю бёдра, чтобы прикосновения стали ещё острее и чувствительнее.

— Умница. Моя умница. Вот так. Постони немного для меня. Не стесняйся. Твои стоны для меня — как музыка. Ещё, родная.

Его последнее слово звучит невероятно нежно и интимно, чувственно. Мне срывает напрочь планки здравого смысла.

Проникновенно и эротично... Очень возбуждающе.

От горячего шёпота Владимира и его стонов на моей коже выделяются бисеринки пота, и становится невозможно удержаться. Пока он шепчет о том, что это не мои пальцы скользят во влажной глубине, но его член, меня трясёт.

Как будто он в самом деле нависает надо мной и быстрыми толчками заполняет меня собой.

Я больше не могу сдерживаться и протяжно стону, выгибая спину

дугой и поджимая пальцы на ногах, как он и говорил. Володя рвано стонет в унисон, тяжело дыша.

Мы становимся невероятно близки сейчас, несмотря на тысячи километров между нами...

Глава 35. Янина

Володя что-то шепчет горячо и быстро, как безумный.

«*Девочка моя ненаглядная...*» — звучит в моей голове его голосом.

Я неловко и торопливо прощаюсь с ним, зарываясь от стыда под одеяло с головой.

Господи, что я творю?

Я говорю себе о том, что Володя мне не нравится, но сама послушно следую его порочной указке и растворяюсь в нём без остатка.

«Это безумие надо прекращать!» — думаю я и засыпаю.

Я просыпаюсь только когда слышу, как по дому ходят и гремят кастрюлями.

В дверь комнаты стучат. Я сажусь и едва не встаю, но потом вспоминаю, что так и не надела трусики, поэтому только подтягиваю одеяло повыше.

— Войдите.

В комнату просовывает голову Стас.

— Первый день Нового Года, соня! Первый обед. Ты как, за стол садиться будешь?

— Обед?

— Да, мелкая. Уже третий час дня.

— Ого!

— Да-а-а!.. — смеётся брат. — Алёнка к тебе в спальню часов в одиннадцать стучала. Но ты, наверное, чересчур крепко спала.

— Сейчас встану, Стас. Маме, наверное, помочь надо.

— Да ну, брось! Уже всё помыли. Давай вставай, соня... Торт на столе ждёт.

— Иди! — отсылаю я брата. — Переоденусь и приду.

Вся семья уже в сборе за столом. Стас переговаривается в полголоса со своей будущей женой, мама хлопочет, собирая на стол.

— А когда поедем? — спрашивает Алёна у моего брата.

Из обрывков их разговора я понимаю, что Алёне не нравится деревенская спокойная жизнь, поэтому она рвётся обратно в город.

— Подожди немного, — остужает её пыл брат. — Дай хотя бы

новогодние праздники закончатся?..

Алёна кивает, но напоминает, что на рождество они со Стасом собирались в гости к её родителям. Меня немного раздражает её высокий капризный голос. Мне кажется, что она выест Стасу мозг чайной ложечкой.

* * *

Я оказалась права. Уже утром четвёртого января брат, поддавшись на уговоры Алёны, начал собираться обратно.

— Как? Уже уезжаешь? — спрашиваю я, обнимая брата.

— Женщины! — вздыхает брат, кивая головой в сторону Алёны. — Ты как, мелкая?

Я понимаю, что за эти несколько дней так и не удалось поговорить с братом по душам. Рядом постоянно кто-то крутился из гостей. Или сама Алёна сидела рядом, выжидаясь глядя на Стаса. Как будто боялась, что младшая родная сестра отберёт слишком много времени.

— Нормально, Стас.

— Я вижу, как нормально. Что делать собираешься?

— А что, так заметно? — прячу глаза, но Стас цепляет пальцами мой подбородок.

— Не дури только, хорошо? И не сиди одна в четырёх стенах. Займи себя чем-нибудь, чтобы не убиваться, идёт?.. И ещё в гости ко мне приезжай.

— Стас, нас уже машина ждёт! — зовёт брата Алёна.

Стас договорился с кем-то из местных, чтобы их довезли до города.

— Иду! — бросает брат и вновь поворачивается ко мне. — Если нахлынет, приезжай. Поменьше думай о плохом, идёт?

— Стараюсь, Стас.

Алёна нетерпеливо дёргает моего брата за рукав.

— Садись в машину, не морозь свои щёчки! — Стас отправляет невесту в салон и закрывает за ней дверь.

Потом он сдавливая меня так, что становится трудно дышать. Я всхлипываю. Не хочется отпускать Стаса. С ним в доме мамы хотя бы было весело и шумно. Но стоит ему уехать, мама переключит всё своё внимание на меня. А мне так не хочется обсуждать некоторые темы...

— Не реви, мелкая. Тяжело тебе, но всё образуется. Со временем, Ян. Не сразу... Это ужасно глупо звучит, но тебе полегчает только спустя некоторое время.

Стас гладит меня по голове, поправляет на мне шарф.

— Береги себя. И не разводи сырость, а то я скоро сам носом хлюпать начну, — шутит брат, но глаза у него уже покрасневшие.

— Ну, Ста-а-ас!.. — выглядывает из машины его невеста.

— Сказал же, иду! — беззлобно отвечает брат и вновь обращается ко мне.

— Я тебе одну вещь скажу. Только не обижайся, идёт? Не накуролесь от тоски. И поменьше общайся с этим братом мужа. Ни к чему тебе сейчас видеть живую копию погибшего.

— Стас, я... — начинаю и тут же прикусываю губу, смущаясь.

— Ты после разговоров с ним сама не своя.

— Володя поддерживает меня, — говорю я.

— Я ничего плохого не имел в виду. Просто ты по своему мужу-красавцу сохла сильно, а этот как две капли воды на него похож. Не натвори сгоряча того, о чём потом будешь жалеть.

Стас целует меня в обе щеки.

— Не обижайся на мои резкие слова, мелкая. И поменьше мамкины заунывные речи слушай. Она у нас славная, но иногда своими разговорами «как надо» кому угодно мозг выест.

— Да уж! — смеюсь я. — Скорее всего, я недолго здесь задержусь.

— Правильно. Зачем тебе в деревне киснуть? Развейся в городе...

— Стас! — слышится требовательный голос с капризными нотками.

— Держи нос повыше, не унывай. И никому не позволяй себя обижать или управлять тобой. А если этот... брат тебя обидит, я его красивую рожу на жопу натяну и узлом завяжу. Так и передай.

Я улыбаюсь сквозь слёзы. Стас выглядит как медведь, и сил у него ровно столько же.

— Не обидит, — говорю я, почему-то веря, что Володя не станет обижать меня. По крайней мере, не сейчас.

— Я буду по тебе скучать, Стас! Позвонишь, как доберётесь до дома?

— Конечно! Всё, мелкая. Я поеду, а то меня с потрохами съедят!

Стас крепко обнимает меня напоследок, прощается с мамой и

машет рукой:

— Если что, звони! Встретим!

Стас садится в автомобиль, и через мгновение машина трогается с места, увозя брата и его невесту в город.

Глава 36. Янина

С отъездом брата и его невесты в доме мамы стало очень тихо. Конечно, всегда было чем заняться.

Но на меня начала давить обстановка маминого дома. В особенности, её проскальзывающие замечания. Сама она до сих пор держала траур по папе, неся память о нём впереди себя.

Мама не понимала, почему я не ношу чёрный платок или как я могу улыбаться на фривольные шутки телевизионных комиков. По мнению мамы мне как минимум год нужно было просидеть, едва подавая признаки жизни.

А я только дома у мамы поняла, что не хочу ничего из этого.

Собственная мысль казалась мне кощунственной, но я хотела жить дальше. Я очень сильно хотела не тонуть в трясине меланхолии и унылого настроения.

Я радовалась каждой минуте, когда мелочи или рутина отвлекали меня от скорбных мыслей.

Для меня — глоток воздуха, а для мамы — кощунство.

Поэтому я едва досидела до Рождества и собралась уезжать.

Стасик уже был у себя в городе и прислал мне фото в парке у наряженной ёлки, приписав, чтобы я тоже выбиралась из деревни в цивилизацию.

Помня о том, что Владимир просил сообщить ему, когда соберусь уезжать, я набрала его номер.

— С Наступающим Рождеством, Володя!

— И тебя... Подожди. Очень шумно. Плохо тебя слышу, — едва разобрала я его голос на фоне громкого гула толпы.

Через несколько мгновений стало немного тише.

— Так хорошо меня слышишь? — переспросил он.

— Да... — ответила я и замерла, не зная, что ему сказать дальше.

Потом стряхнула оцепенение.

— Я решила вернуться. Стас уже укатил к себе в Сибирь. И я...

— И ты не хочешь куковать наедине с мамой? — улыбаясь, подсказал Владимир. — Когда уезжаешь?

— Я попросила соседа, дядю Колю, чтобы завтра отвёз меня в город, — призналась я. — Оттуда долечу самолётом. У меня вечерний рейс.

— Дождёшься меня? — спросил Владимир с надеждой.

— Не поняла.

— Дождись меня в городе, идёт? Обратно полетим вместе, — спокойно объяснил брат покойного мужа.

— Но ты же в Германии?

— Уже нет! — усмехнулся Владимир. — Я оттуда удрал со всех ног, когда мамочка начала сватать мне дочерей своих приятельниц из России.

Я улыбнулась, проигнорировав какое-то непонятное чувство, всколыхнувшееся внутри. То ли радость, то ли тревога, то ли что-то ещё?..

— Так что я уже в аэропорту Москвы. Вовремя включил свой телефон...

— Не стоит, Володя. Я доберусь сама...

— Я всё равно прилечу! — заявил Владимир.

— Ты даже не знаешь, есть ли билеты на самолёт...

— Есть, но только на вечерний рейс. Я уже смотрел. Осталось только купить. Просто я прилечу, скорее всего, на час-полтора позже тебя. Дождёшься?

Я затаила дыхание.

— Я должна это делать?

— Нет, конечно! — резко ответил Владимир. — Можешь не делать ничего, можешь дальше отгонять и...

— Я подожду тебя, — перебила я его.

* * *

Следующий день был удивительно тихим и снежным, как в детских сказках. У меня почему-то было светлое настроение, а вот сосед дядя Коля моей радости не разделял. Хотя я ему и обещала хорошо заплатить, он с недовольным видом счищал снег со своего внедорожника.

— Как бы не задуло! — процедил он сквозь зубы и затанулся

сигаретой. — Может, на потом отложишь, а, красotka?

— Нет. Я сегодня хочу уехать. Меня должны встретить в аэропорту... — покачала я головой. — Я смотрела прогноз погоды. Обещали лёгкий снег и безветренную погоду.

— Кто это тебя должен встретить? — встрепелась мама, услышав обрывок разговора.

— Обещали они! — недовольно цыкнул сосед. — Эти бестолочи обещают всегда, а потом шлют штормовое предупреждение, когда уже света белого не видно!..

Дядя Коля разворчался очень сильно, и мама переключилась на соседа, упрекая его.

— Не каркай, Коля!.. У тебя не язык, а средство для слеза!

Мама с дядей Колей поперекорались ещё немного, а потом мы пошли в дом. Мама испекла пирог с вишней к чаю.

— А ведь Колька в чём-то прав... Ну, что тебе не сидится? — упрекнула меня мама.

— У меня в городе дел полно. Я с домом ещё не полностью вопрос решила, — ответила я, не обмолвившись ранее ни словом о том, что дом уже продан мной.

— Вот как всегда! Стоит только всей семье собраться, как всем уже не терпится уехать! — покачала головой мама.

— Мне в деревне делать нечего! Лучше бы ты приехала ко мне в гости как-нибудь, — предложила я.

— Приеду, конечно. Но ненадолго! — согласилась мама.

— Вот видишь, а ты спрашиваешь, почему я у тебя недолго погостила!

Мама повздыхала, но всё-таки отпустила меня, пожелав счастливого пути.

— Ну, с богом! — перекрестился сосед, заводя мотор.

Стоило нам проехать середину пути, как на трассе начало мести.

— Накаркал! — мрачно заявил сосед. — Вот всегда так... Чуйка у меня работает... Отлично! Как знал, что не стоит ехать!

— Может быть, успеем? — осторожно поинтересовалась я.

— Успеем! Я тебя, милая, отвезти в город успею, а вот обратно сам уже не сунусь!.. Трассу перекроют! — сказал сосед и выматерился.

Так и получилось. Буран налетел словно из ниоткуда и только усиливался. Последние километры автомобиль соседа полз со

скоростью улитки. Видимость была почти нулевая. До аэропорта дядя Коля меня отвёз и хмуро попрощался, потому что не надеялся вернуться домой в этот же день.

До Володи я не могла дозвониться. Наверное, он был в самолёте и отключил телефон.

Диспетчер сообщил, что рейс из Москвы задерживается.

Я села в зале ожидания, приготовившись ждать.

Мне пришлось сидеть долго в зале ожидания, набитом до отказа. Все рейсы отложили из-за погодных условий. А тот самолёт, на котором вылетел Владимир, сейчас не мог приземлиться из-за плохой видимости.

Я остановилась у огромного окна, вглядываясь в тёмное небо. Мне вдруг стало страшно. Воображение само нарисовало жуткую картину, в котором самолёт безостановочно кружит над аэропортом, а потом падает из-за того, что кончилось топливо.

В воображении щёлкали картинки с обломками самолёта. Тающий снег... Дым и копоть...

«Это всё дурные мысли», — пыталась успокоить я себя.

Но меня уже накрыло плотным колпаком страха и такой безысходностью, какой я не чувствовала даже после смерти Славки.

Я не могла заставить себя разжать пальцы и отойти от холодного стекла, в которое я упёрлась лбом, чтобы немного остудить пылающую кожу и успокоить мысли.

А они, как назло, были одни и те же.

Дым и копоть. Огонь. Тающий снег на крыльях бумажного журавля. Бумага, мокрым комком падающая вниз.

Некоторым птицам после одного падения больше не суждено летать.

Глава 37. Янина

Вечер плавно перетёк в ночь. Мне казалось: тягучему ожиданию не будет конца.

Но буран немного улёгся. Самолёт всё-таки приземлился. Помещение аэропорта словно всколыхнулось от толпы, начавшей двигаться как по мановению волшебной палочки.

Снова сразу стало шумно, гулко и очень тесно.

Я словно очнулась, стараясь разглядеть Владимира среди прибывших.

Я заметила его ещё издалека. Он остановился, доставая телефон. Сосредоточен и спокоен, как всегда.

Володя даже не стал смотреть по сторонам, сразу начал звонить. Мой телефон завибрировал в кармане зимней куртки. Я торопливо пошла к Володе, чувствуя, что ноги вот-вот ослабеют.

Казалось, что я не дойду до него, и идти к нему точно не стоит.

Сердце громыхало, как молот по наковальне. Толпа и всё кругом казались размытыми. А в фокусе был только Володя, нахмурившийся и сурово поджавший губы.

Я остановилась сбоку от него. Но не смогла ничего сказать, только дёрнула за рукав пальто.

Володя раздражённо обернулся. При виде меня его лицо мгновенно изменило своё выражение. Он торопливо сунул телефон в карман и застыл, не зная, как поступить.

Кто-то из проходящих задел меня локтем, подтолкнув вперёд.

Оставшееся расстояние между нами я преодолела быстро и легко.

Так естественно, будто это единственно правильное из всего, что есть. Шагать навстречу, утыкаться лицом в широкую грудь и запускать руки под полы мягкого пальто, чтобы согреть замёрзшие пальцы. Сразу окутывает приятным и пряным теплом, гулками ударами быстро бьющегося сердца.

Снаружи гомон толпы баюкает белым шумом.

Я замерла, прижавшись всем телом.

Владимир опешил на мгновение, но потом опустил руки, обнимая

меня за плечи.

— Опоздал. Не люблю опаздывать. Долго ждала?

— Очень. Мне казалось, что самолёт разобьётся... — выдавила я из себя. — И ты вместе с ним тоже.

Последние слова я произнесла так тихо, что еле услышала их сама. Но Володя услышал. Он смахнул слезинки со щёк, усмехнувшись.

— Как оказалось, я неубиваемая зараза. Несмотря на все пожелания мне сдохнуть.

Я тут же проглотила свои слёзы, а лицо обожгло краской стыда. С моей стороны было очень некрасиво говорить ему такие слова в прошлом. Сейчас мне хотелось откусить язык самой себе за это.

Я отстранилась от Володи, понимая, что, должно быть, выгляжу очень глупо.

— Не обижайся, Янина. На правду нельзя обижаться. К тому же я не только тебя имел в виду. Ну, улыбнись хотя бы немного? — пожурил меня Владимир, приобняв за плечи. — Ты налегке?

Я поискала рукой ремешок. Сумка с документами и деньгами была при мне. А вот небольшой чемодан я оставила... Я принялась искать его, пытаюсь вспомнить, где видела в последний раз.

— Чемодан потеряла...

Владимир оживился.

— Есть что-нибудь ценное?

— Нет. Деньги и документы при мне. Там только вещи и мелочи всякие! — от досады я прикусила губу, понимая, что оставила чемодан у ряда сидений, а потом долго стояла у окна, забыв обо всём на свете.

— Давно оставила? В зале должны быть камеры видеонаблюдения. Если хочешь, давай обратимся в службу аэропорта? — предложил Володя.

— Нет. Не надо, наверное. Это займёт много времени.

— Ты права. Если ничего ценного и памятного нет, лучше не тратить время.

Володя посмотрел на циферблат часов и сверился с таблоидом с обновлённой информацией по вылету самолётов.

— Я купил билеты на тот же рейс, что и у тебя. Судя по всему, у нас в запасе есть ещё два с половиной часа...

Володя улыбнулся мне, заставляя сердце биться чаще, и огорошил вопросом:

— Чем займёмся?

Я постаралась отделаться от мысли, что это фривольный намёк. Но я тут же строго одёрнула себя: никакого намёка здесь нет. Кажется, мне будет сложно не вспоминать о Рождестве и Новомоднем утре.

— Если ты не против, предлагаю заглянуть в какое-нибудь кафе. И надеюсь, что там вполне сносно кормят.

— Давай, — согласилась я, понимая, что Володя ведёт себя прилично. По-дружески или по-родственному.

Не переступая за грань, как мы и договаривались. Разве не этого я хотела?

Получить призрачную возможность завести ребёнка и навсегда стереть из памяти то, каким образом это случилось?

Глава 38. Янина

Володя заказал такси и попросил таксиста отвезти нас в приятное и тихое место.

Таксист без лишних разговоров привёз нас в небольшой ресторанчик, обставленный, будто зал в доме у кого-то из друзей.

Низкие мягкие диваны с тканевой обивкой, повсюду торшеры с тканевыми абажурами. На полках много круглых пластинок и старых бумажных книг.

— Нео-винтаж? — оглянулся Владимир. — Неплохо!

— Довольно уютно.

— Что будешь заказывать? — он бросил быстрый взгляд на меня и углубился в изучение меню.

— Особо ничего не хочется. Меня мама раскормила так, что хватит на полгода вперёд!

— Нужно сказать ей спасибо за твои щёчки и блестящий взгляд! — отозвался Владимир как ни в чём не бывало.

Официант принёс наш заказ через несколько минут. Я выбрала себе только десерт: шоколадный торт и горячий чай. Владимир заказал себе то же самое, но ни к чему не притронулся.

— Меня мама тоже раскормила, — усмехнулся он. — Рождественским гусем и ванильным пудингами. Скоро пиджак на спине треснет.

Володя не давал скучать за столом, развлекая беседой и показывая фотографии семейного торжества.

Поневоле я вспомнила, что на прошлое Рождество мы летали в Германию все вместе. С родителями Славы и Володи у меня были отстранённые отношения.

Мы виделись всего несколько раз: один раз до свадьбы, потом на свадьбе и на прошлое Рождество.

«Это ещё не всё!» — поправляю я себя, добавляя похороны и сорок дней...

Я возвращаюсь в действительность, заставляя себя не смотреть так часто на лицо Владимира и не задерживаться взглядом на его пальцах.

Умелых и очень сильных.

В лицо бросается жар.

Но вовремя пришедшая мысль о Славе проносится по спине холодком, отрезвляя меня.

— У меня есть для тебя подарок.

Володя тянется в карман пальто и достаёт коробочку, затянутую в золотистую обёрточную бумагу. Коробочка достаточно большая, размером с мужскую ладонь.

Владимир протянул её мне, зажав руку между своих ладоней.

— С Новым годом. Пусть всё прошлое останется в прошлом. Я бы очень этого хотел.

— Спасибо.

Я погладила пальцем обёрточную бумагу с тиснёнными золотыми звёздами, но не решилась открыть подарок, прямо спросив:

— Что там?

— Надежда? — вопросом на вопрос ответил Владимир.

— Володя... — я прикусила губу, понимая, что рассудок начинает плавиться.

Вновь всё трогается с места. Я осторожно поставила коробочку на стол, гадая, что там. Достаточно тяжёлая.

Володя покачал головой:

— Там нет ничего плохого, правда. Но открывай не сейчас, идёт? Откроешь дома, когда будешь одна.

Я улыбнулась, побарабанив пальцами по поверхности подарочной упаковки:

— Мне хотелось бы узнать, что там внутри. И... не хотелось бы. Похоже, мне вообще не стоит её открывать. Так дольше сохранится ощущение праздника.

— Решать тебе, — усмехнулся Владимир. — Но мне кажется, что я обязательно узнаю, когда ты решишься заглянуть внутрь.

У Владимира зазвонил телефон.

— Извини, я отвечу?

Брат мужа поднялся из-за стола, отвечая на звонок, и неторопливо пошёл прочь.

— Да, Тамара. Нет. Ещё не в городе. Но скоро вернусь. А в чём дело?.. Ужин? Перенеси его, будь так добра.

Поневоле я прислушалась к его разговору. Но Владимир отошёл на

приличное расстояние. Ничего не было слышно.

Я повернула голову в его сторону, разглядывая мужской профиль и улыбку, изгибающую губы. Потом поспешно отвела взгляд, чувствуя себя воришкой, когда Владимир повернулся в мою сторону.

— Так что ты решила? — невозмутимо спросил он, вернувшись за столик.

— Насчёт чего?

— Да насчёт всего. Я же предлагал тебе работу. Вдруг передумала?

— Нет, не передумала. Я и так обязана тебе очень многим. И Славка...

Владимир махнул рукой.

— Нет, подожди! — сказала я, внезапно для себя накрыв его руку своей. — Я на самом деле благодарна тебе за всё, что ты сделал для нашей семьи.

Владимир накрыл мою руку, похлопав по ней:

— Слишком много спасибо для одного вечера, Янина.

Он перевёл взгляд на часы. Сейчас они были у него другие. Не те, что он носил обычно.

— Время пролетело незаметно. Можем возвращаться в аэропорт. Если не хотим задержаться здесь надолго.

— Да, конечно.

Я поспешно встала и оделась. Владимир же не торопился, расплачиваясь по счёту.

— Не суетись. Успеет. Я всегда отсчитываю время с запасом.

Он окинул меня горящим взглядом.

— Не люблю опаздывать. Каждый раз как ножом по сердцу.

Глава 39. Янина

Я безумно волновалась, поднимаясь по трапу самолёта.

Но присутствие Владимира успокаивало. И в то же время его близость влияла на меня так, словно горячее мужское дыхание щекочет сзади кожу шеи.

Места нам с Владимиром достались не рядом. Но может быть, это было и к лучшему. Мне нужно было немного привести мысли в порядок. Потому что я путалась и в своих эмоциях, и в поведении Владимира.

Он то вёл себя так, словно ничего не было, и мы просто родственники, то вдруг случайно брошенное им слово или взгляд обжигали кожу, заставляя мысли бежать не в том направлении.

Но за всё время полёта я так ни к чему и не пришла. Ясно было только одно: наши сложные отношения запутываются тем больше, чем дольше мы находимся рядом.

Я считала, что возненавидела Володю всей душой за ту ночь, когда он прикинулся Славкой. Он как будто протащил меня по грязной, липкой похоти — так мне казалось тогда.

Но прошло уже довольно много времени. На него наслоились события всех последующих дней.

Я кощунственно часто вспоминаю о том, как хорошо нам было вместе на Рождество.

Мне становится жутко стыдно за тот первый раз. Даже не за измену. А за те чувства, что я испытывала и продолжаю испытывать.

Мне совестно за горячее Рождество, за каждый стон, вздох и жадный поцелуй.

Ситуация ужасно неправильная. После смерти мужа прошло очень мало времени, а его родной брат своим голосом способен свести меня с ума и заставляет бурно кончать даже на расстоянии.

Каждый раз, когда Володя помогает мне, он делает это не из чувства гуманности, но надеется на ответные чувства.

Но самое страшное, что этот ядовитый плющ уже разрастается внутри меня.

Мы прилетели в город уже ночью, но спать мне не хотелось совершенно. Я была странно взвинчена и взбудоражена, хоть и смертельно устала от переживаний за прошедшие сутки.

— Заглянешь ко мне? — предложил Володя. — Родители передали тебе подарок.

— Сейчас?

— Да, извини. Уже поздно. Если хочешь спать, я провожу тебя. Просто у меня будет очень загруженная неделя, мне не хотелось бы держать у себя твой подарок. Вдруг он будет очень важным для тебя?

Я поколебалась всего мгновение. Но Володя держался отстранённо сейчас. Поэтому я согласилась прийти к нему, стараясь не думать о том, что видели и слышали эти стены.

Брат мужа держался спокойно и уверенно, распаковывая чемодан и шутя. Но у меня то и дело начинали гореть щёки. Неуместные воспоминания лезли в голову. Я боялась подойти к Володе ближе, чем на метр.

Я боялась случайной вспышки. Не с его стороны, но теперь уже со своей. Потому что в аэропорту мне стало так хорошо и тепло рядом с ним, что не хотелось даже разжимать объятий.

Получив заветный подарок, я даже не стала открывать его. Мне хотелось уйти поскорее на свежий воздух и немного остыть.

— Я пойду, наверное.

— Хорошо, я тебя провожу.

— До дома идти недалеко и...

— И я всё равно тебя провожу, — терпеливо возразил Володя. — Ты уже потеряла свой чемодан. Вдруг потеряешь ещё что-то?

Володя опять был прав. Мы оделись и вышли на улицу. В нашем городе тоже начал идти лёгкий снежок.

Я шла, медленно растягивая шаги. На улице было светло и морозно. Снег приятно поскрипывал под ногами.

— Хочешь прогуляться? Янина?

— Уже поздно. Проводи меня до подъезда.

— Я не спрашиваю, поздно или рано, — перебил меня Володя. — Я спрашиваю, хочешь ли ты прогуляться? У тебя вид ребёнка, которого гонят домой родители против его воли.

— У тебя будет загруженная неделя, сам же сказал. Тебе надо выспаться.

— Коза упрямая! — выругался Володя, подцепив меня под локоть.

Я замерла рядом на мгновение, но потом он потянул меня в сторону. Мне пришлось подстроиться под его шаг, чтобы не семенить рядом с ним.

Володя немного замедлил ход, улыбнулся, поглядев на меня.

— Наконец-то. Оттаиваешь, Янин.

Я проглотила ком в горле: какое-то ощущение мимолётной радости, как в детстве.

Когда делаешь то, что хочешь, не задумываясь о последствиях.

Так и сейчас: мы бездумно топчем свежавыпавший снег, оставляя цепочки следов. А когда мы повернём назад, нового снега навалит столько, что не будет видно, откуда мы пришли.

— О чём-то хочешь попросить? — спросил Володя.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Выражение лица у тебя меняется, вот и всё.

— И да, и нет. Мне ужасно неловко. Я чувствую себя так, словно я к тебе на шею забралась и ножки свесила, — честно призналась я. — Ты не должен...

— Я не делаю и половины из того, что обязан делать. И намного приятнее делать именно то, что не должен. Понимаешь? — спросил Володя.

Мы уже дошли до небольшой парковой зоны. Я стряхнула снежинки со скамейки. Володя сел рядом, но не стал прижиматься: между нами было достаточно свободного места.

— Это касается бизнеса Славки, так?

— Я расплатилась по долгам. Но фирма осталась. С ней надо что-то делать. Я...

Я перевела дыхание, признавшись:

— Я прекрасно понимаю, как это выглядит со стороны. Я просто сижу, хожу, ем и сплю. Кто-то скажет, что я не делаю ничего и не предпринимаю ни одной попытки жить самостоятельно. Кто-то назовёт меня эгоисткой. Я всё это понимаю. Но я так себя чувствую сейчас. Я ничего не могу с этим поделать. Я рада за тех, кто может перемахнуть через пропасть одним прыжком. У меня не получается. Я иду понемногу. Я перейду через всё это. Но не сразу. Понимаешь?

Я посмотрела на Володю. Мне хотелось, чтобы он понял: мои слова в большей степени относятся к нему и к нашей ситуации. Может, слегка

запутанно, но я просила его подождать.

Я не могу переключиться на Володю так быстро, как ему того хочется. Мне не позволит это сделать ни совесть, ни горе, всё ещё воющее внутри, ни проклятое воспитание.

Володя кивнул и сказал совершенно другое. Он расценил мои слова по-своему:

— Фирма Славки? Давай по-честному? Ты не способна сейчас управиться с ней. Да, ты махнула пальчиком, и деньги перегнали кредиторам. Но что касается всего остального, у тебя нет ни опыта, ни сил, ни деловой хватки, чтобы вытащить фирму из задницы. Я говорю это не в укор тебе. Это факты, Ян.

— Ты прав, — усмехнулась я, поняв, что Володя думает сейчас точно не обо мне.

— Переформи фирму на меня? — предложил Володя.

— Ты просишь добавить тебе ещё одну головную боль?

— Это для тебя головная боль. Для меня — перспективы и очередной вызов. Самому интересно, что получится в итоге. Я уже думал об этом. Но остерегался предложить тебе. Вдруг бы ты решила, что я отбираю у тебя всё?

— Нет. Я о таком даже не думала. Я буду тебе благодарна, если ты возьмёшься за фирму.

— Возьмусь! — решительно ответил Володя, вставая. — Я пошевелю своих юристов. Они оформят всё в кратчайшие сроки. Сложностей быть не должно. У меня полно знакомых, способных протащить целый Камаз через игольное ушко. Было бы желание.

— Да. Я согласна.

Я последовала за ним. Тоже поднялась с лавочки и медленно побрела по тропинке. Володя закатал рукав пальто, посмотрев на циферблат часов.

— У тебя другие часы?

— Да. Удивлён, что заметила.

— Заметила, — улыбнулась я. — Те часы тебе невероятно шли.

Я смутилась: не самый подходящий момент расточать комплименты. По лицу Володи проскользнуло непонятное выражение. Он подался вперёд, но в самый последний момент передумал и просто пошёл рядом.

— Давай прогуляемся ещё немного? Потом отведу тебя домой.

Скоро рассветёт, надо поспать хотя немного.

— Уже так поздно? — удивилась я. — Извини, что вытянула тебя.

— Нет, не поздно. Сегодня — ещё слишком рано, — ответил Володя.

Глава 40. Янина

Я распаковала подарок родителей Володи на следующий день.

Внутри коробки была фигурка снежного ангела. Очень красивая. Сразу видно, что работа тонкая и дорогая.

Я поставила фигурку подальше, чтобы ненароком не разбить.

У меня с родителями мужа были не самые тёплые отношения. Я видела их всего несколько раз. Один раз до свадьбы.

Причём в тот раз я успела предстать перед ними запачканной в земле, потной и растрёпанной, когда возилась в саду, сажая георгины.

Славка предупреждал, что прилетают его родители из Германии, но не уточнил у них, когда именно. Вот они и прилетели для меня внезапно. Пожилая, состоятельная семейная чета.

Я мало того, что предстала первый раз перед родителями мужа замарашкой, так ещё дома не было ни крошки к обеду, и кое-где валялись наши вещи. Я не рассчитала время и чересчур увлеклась работой в саду.

Славка всегда появлялся дома к вечеру. К тому времени я успевала сделать всё, что надо. Но у родителей мужа обо мне сложилось не самое благоприятное впечатление.

Они посчитали, что я слишком молода, легкомысленна и неопытна для того, чтобы стать женой для их сына.

К тому же моя семья не могла похвастаться большим состоянием.

Славка не ругался с родителями по этому поводу. Он сам пересказал мне их слова, довольно весёлым тоном, как всегда. Он не воспринимал всерьёз недовольство родителей.

— Мама сказала, что ты — очередная Золушка, — улыбнулся Славка.

Меня немного покоробили эти слова. Но Слава продолжил:

— На этот раз она права. Ты — моя маленькая Золушка!

Славка не позволил заикливаться на словах родителей и отмахнулся:

— Мы их будем видеть не чаще двух раз в год. Не всё ли равно, что они думают? Жить ты будешь со мной.

Именно сейчас, спустя время, я вспомнила этот разговор и внезапно поняла, почему Слава занимал деньги на свадьбу у своего брата.

Потому что его родители просто не одобрили выбор своего сына. На похоронах и на «сорока днях» родители Славы держались отчуждённо, мы едва обменялись с ними несколькими дежурными фразами.

Они постоянно находились рядом с Володей и вполголоса разговаривали с ним на немецком языке. Я не знала немецкого языка, поэтому не понимала, о чём они беседуют.

Внезапно я на секунду представила, что я и Володя вместе, как ему хотелось. Тотчас же мне стало дурно.

Я словно ощутила ту неприязнь и грязь, которой, несомненно, обольют меня. Скажут, что я — охотница за деньгами или переходящее знамя от одного мужчины к другому.

Я обругала себя за неуместные мысли. Последний разговор с Володей был мирным и как никогда ранее непритязательным. Ни к чему.

Володя быстро взялся за дело. Он не любил тратить время впустую. Я переписала фирму на брата мужа, пришлось потратить довольно много времени.

Но если бы не связи Володи, уверена, я не смогла бы повернуть это в одиночку.

Как он и сказал, неделя выдалась загруженной. Мы часто виделись и много времени проводили вместе, когда оформляли документы.

Но потом Володя с головой окунулся в текущую работу. А я впервые поняла, что мне начинает не хватать его присутствия.

Мне очень нравилось быть с ним, когда он не давил на меня, не требовал ничего и не смотрел голодным взглядом.

В такие моменты я отдыхала душой рядом с Володей, чувствуя, что сама начинаю притягиваться к нему понемногу.

Позвонил Стас поинтересоваться, как у меня дела.

— Как собираешься отмечать старый Новый год?

— Даже не думала об этом, — призналась я. — А вы?

— Я ещё успеваю выгулять Алёнку.

— Я думала, что тебе уже пора уезжать на вахту?

Брат замялся:

— Да. Но пока не поеду. У нас вроде как намечается колоссальное сокращение и повышение. Ждём решения начальства. Как вывесят списки, так станет известно: озолотился или пинка под зад дадут. Может, приедешь к нам погостить, пока я дома бока отлёживаю?

— Я подумаю, Стас. Ничего не обещаю. Но подумаю.

— Ладно, дело твоё. Только не унывай, хорошо? Приготовь что-нибудь на праздник, ты у нас рукодельница же.

Я улыбнулась словам брата. Сидеть без дела не хотелось. Я отправилась в супермаркет и неожиданно для себя решила последовать совету брата. Я уже давно ничего не готовила, как следует. Ела однообразную и очень простую пищу.

Честно говоря, не понимала, кого я собираюсь звать в гости, и не думала об этом вообще. Нужно было начать делать хоть что-то.

В супермаркете я наткнулась на Володю. Сначала я смутилась, но потом поняла, что ничего сверхъестественного в нашей встрече нет.

Просто теперь мы жили в одном районе и ходили в один и тот же супермаркет. Володя разговаривал с кем-то по телефону, но приветственно мне улыбнулся и попрощался с собеседником.

Володя заглянул в мою корзинку с продуктами.

— Ждёшь гостей на праздник?

— Не знаю ещё. Только собиралась позвонить кому-нибудь. Может быть, кто-то из приятельниц захочет заглянуть ко мне.

— Правильно. Тебе это пойдёт на пользу!

Я переложила корзинку из одной руки в другую, спросив:

— Какие у тебя планы?

— Собирался попроситься к тебе в гости на пять минут, если ты пригостишь курицу, — кивнул Володя. — Но сейчас не уверен, что стоит: если ты позвала своих гостей.

— Я ещё никого не позвала. Только собиралась с мыслями, чтобы это сделать.

Я чувствовала себя неловко.

— Позови для начала одного-двух человек. Дальше-больше... — посоветовал Володя. — Я постараюсь заглянуть к тебе ненадолго вечером. Идёт?

— Да, конечно. Я буду дома.

— Ты почти всегда там, домашняя девочка! — усмехнулся Володя. Его телефон опять зазвонил, он извинился и отошёл.

В итоге на старый Новый год ко мне заглянули две знакомые, с которыми я ещё изредка общалась. Но надолго они не задержались: у всех были свои планы, встретить праздник в кругу семьи или с любимым человеком.

Наверное, они забежали ко мне в гости из вежливости, но это было одним небольшим шагом к возвращению в общество.

Я проводила подруг, выйдя с ними из дома. Мы немного поболтали, стоя у подъезда. Потом подруги попрощались и ушли. Я ещё немного подышала морозным воздухом и развернулась, чтобы зайти обратно. Но вдруг услышала голос Володи:

— Постой!

Я не могла бы даже себе признаться в этот момент, что мгновением ранее разглядывала окна дома напротив, где была его квартира, гадая, придёт брат мужа в гости или нет.

Глава 41. Янина

Володя вылез из припаркованного внедорожника, махнув мне рукой.

— Спасибо, что подождала меня. Со старым Новым годом! — поприветствовал он меня.

— И тебя тоже.

— Как отметила?

— Подруги приходили. А ты?

— Я к тебе проездом, извини. Меня ждут. Но на пять минут загляну. Если ты не против.

— Конечно.

Я только спохватилась, что мы до сих пор стоим на крыльце подъезда.

Мы поднялись наверх, Володя протянул мне картонный пакет.

— Там шоколадный торт из кофейни. Ты же любишь.

— Спасибо! Я приготовила ужин, но о торте даже не подумала, — смутилась я. — Сейчас уберу лишнее со стола...

Я начала собирать грязную посуду. Владимир спокойно рассказывал новости. Потом зазвонил его телефон.

— Извини. Надо ответить.

Володя вышел в коридор. Но его голос был хорошо слышен даже через шум льющейся воды в раковине.

— Алло? Нет. Я не в дороге. Я заехал к родственникам, чтобы поздравить их. Ты уже собралась? Подожди меня ещё немного, идёт? Нет... Столик уже заказан. Я скоро буду. Это не займёт много времени.

Я прикусила губу, поняв, что Владимира ждёт женщина. Он договорился с ней встретиться и вместо того, чтобы радоваться её близости, опять уделяет внимание безутешной вдове.

Я вдруг почувствовала себя жуткой, никому не нужной эгоисткой. Настроение разом погасло, как перегоревшая гирлянда.

Праздничный стол показался мне вычурным и лишним. Я вытерла руки и сняла кухонный фартук, ощутив, что надетое мной платье — явно лишнее и не к месту праздничное.

Это платье я купила ещё при жизни Славы, но так и не успела его никуда надеть. Зачем надела именно сегодня?

— Извини. Отвлекли.

— Ничего страшного, у тебя хватает своих дел. Если ты торопишься, я тебя не держу.

Володя улыбнулся.

— Родители передавали тебе привет. Я созванивался с ними сегодня.

— Я отправляла сообщение с поздравлениями. Не уверена, что они его прочитали, — честно ответила я.

— Старики не привыкли пользоваться гаджетами так часто, как мы, — уклончиво ответил Володя.

Хотя, наверное, он знал, что родители Славы не были рады мне даже при жизни сына, а сейчас я стала для них ещё более чужой, чем раньше.

На столе осталась стоять только бутылка вина, фрукты и шоколадный торт.

— Давай выпьем за старый Новый год? — предложил Володя.

— Ты не за рулём?

— За рулём, но позволю себе сейчас один бокал. Потом оставлю машину на стоянке.

Наверное, Володя собрался неплохо провести этот вечер. Я в очередной раз подавила вспышку грусти, достав два чистых бокала для вина.

Володя разлил вино, мы чокнулись, произнеся стандартный тост, и выпили. Володин телефон опять начал тренькать в отдалении.

— Похоже, тебя ждут с нетерпением.

— Нет. Это уже стандартные поздравления посыпались, как из мешка, — прислушался к звуку уведомлений Володя. — Ерунда. Ничего важного. Кстати, ты выбрала неплохое вино.

— Сначала оно показалось мне чересчур терпким, но потом я распробовала его.

— Хорошее вино не должно быть сладким. Ты не открывала мой подарок?

— Нет. Извини. Я надеюсь, там нет ничего портящегося? — спросила я, почему-то рассмеявшись собственной глупости. Или выпитое вино начало действовать на меня?

— Надеюсь, что не испортится со временем, — усмехнулся Володя, поднявшись. — Пожалуй, я пойду. Меня ждут.

Володя вышел. Я, немного помедлив, пошла следом. Надо же было проводить его, как проводят гостей хорошие хозяйки.

— Лёгкого пути, Володя. Береги себя. Ещё раз со старым Новым годом тебя! — произнесла я стандартную фразу, пока Володя обувался.

— Спасибо. И тебя тоже!

Владимир легко поцеловал меня в щеку на прощанье и вышел.

Я вернулась в кухонную зону. Торт казался мне раньше вкусным. Но сейчас я с трудом его ела, едва проглатывая крошечные кусочки.

Я долгих полчаса мусолила небольшой оставшийся кусочек торта, понимая, что глаза немилосердно жгут слёзы. Вот-вот разревусь. Опять.

Я вздрогнула, услышав звонок в дверь. Кроме подруг и Володи я никого не ждала сегодня в гости. Немного помедлив, я подошла к двери.

— Ян. Это я... — услышала я приглушённый голос брата мужа.

Я проглотила ком в горле. Володя? Что он здесь делает вновь? Где-то в комнате опять затренькал его телефон. Я открыла дверь, отходя вовнутрь.

— Прости. Я забыл у тебя свой телефон, — улыбнулся Владимир. — Поищешь его?

Я застыла на месте, разглядывая снежинки на коротком ёжике мужских волос. От Володи пахло зимней свежестью и совсем немного табаком, как будто он долго курил, стоя на улице.

Я заставила себя встряхнуться, надеясь только на то, что брат мужа не успел заметить, как покраснели мои глаза.

— Да. Кажется, ты оставил его в комнате. Сейчас принесу...

Телефон на самом деле лежит на столе, между подарками от подруг. Надо вернуть этот телефон его владельцу и поскорее закрыть дверь.

Пальцы дрожат.

Я резко сжимаю пальцы и выпрямляю их, чтобы немного унять дрожь. Только потом, глубоко вздохнув, прохожу обратно в коридор.

— Нашла. Держи, Володя. Желаю... Желаю приятно провести вечер! — ровным голосом говорю, радуясь, что голос даже не дрожит.

— Спасибо.

Володя крутит телефон между пальцев, а потом внезапно шагает ко мне. Я застываю на месте, но потом дёргаюсь в сторону. Но момент уже

упущен. Володя обхватил меня за запястье и толкнул спиной к стене.

— Плакала? — усмехнулся он, пристально глядя на меня.

— Да. Нахлынуло всё... — не оправдываюсь, говорю, как есть.

Надеюсь, что сочтёт такой ответ правильным и выпустит из плена.

— Неужели?

Володя наклоняется к моему уху и тихо, но отдельно произносит:

— Я думаю, что ты врёшь. Не мне. Но самой себе. Нагло врёшь.

Глава 42. Янина

— Володя?

Он не отвечает. Его пальцы гладят скулы, а губы передвигаются чуть левее и находят шрам на щеке, целуя его. Едва ощутимо и нежно.

Я судорожно вздохнула, упёршись кулаками в его грудь.

— Володя! Кажется, у тебя были планы на вечер.

— Были, — подтверждает он. — Были и есть. Меня до сих пор ждут. А ещё есть ты, роняющая слёзки так горько, что мне становится тошно. Я готов на всё, чтобы ты перестала плакать в одиночестве. Помочь тебе?

— Нет! — внезапно пересохшими губами отвечаю я. — Не надо. Это пройдёт. Прошло так мало времени и...

Палец Владимира не даёт мне закончить. Лёгким нажатием пальцы на губы Владимир заставляет меня замолчать.

— Тише. Давай сыграем в одну игру?

— Отпусти.

— Сыграем? — продолжает Володя. — Игра называется «Три минуты».

— Что? — не понимаю я.

— Да-а-а... — тихо смеётся Володя. — Именно так. Три минуты. Это разница во времени рождения между мной и Славкой. Три минуты.

Володя демонстрирует мне экран телефона и откладывает его на тумбочку.

— Я поцелую тебя. Дашь мне всего три минуты на поцелуй. Честный поцелуй. Я даже не буду трогать тебя руками.

Володя поднимает руки, опираясь ладонями на стену по обе стороны моего тела.

— Три минуты на поцелуй. Если тебе не понравится, я от тебя отстану.

— Ты уже говорил мне это... — возражаю я, пытаюсь уйти в сторону.

— Всего три минуты, трусиха! Потом я отпущу тебя. Или...

Владимир смотрит на экран телефона. Он гаснет, но перед этим

минута перескакивает на следующую цифру.

— Время пошло... — произносит Владимир и прижимается к моим губам своими.

Меня пронизывает током от ощущения горячих, умелых губ, ласкающих об мои. Быстро и жадно. Безжалостно. Он сминает малейшее сопротивление с моей стороны, резко и грубо раздвигая губы языком.

Владимир не держит меня руками, не прикасается ими, как он и обещал, но вместо этого его крепкое тело прижимается к моему. Пока он целует меня, лихорадочная дрожь сотрясает его тело.

Он прижимается теснее и ближе. Ещё немного, и точно расплющит. Его язык в это время таранит мой рот то быстро и жадно, то нарочно медленно ласкается о мой.

Володя меня не держал. Но мне и самой не хотелось уходить. Быть распластанной им вот так оказывалось приятнее и приятнее с каждой секундой.

Я комкала пальцами ткань платья, чтобы не вцепиться в полы пальто, стягивая их по широким плечам. Потому что больше всего хотелось именно этого: быть ближе.

Горло испускало мягкие, протяжные стоны, быстро и жадно поглощаемые его ртом. Остаться равнодушной не получалось.

Возбуждение вспыхивало яркими пятнами на моей коже и плавило волю. Оно резко и удушливо накрывало меня жаркой волной.

Ещё немного — и утопит с головой.

Я понимала, что сама пьяно и развязно отвечаю на его поцелуй. От каждого столкновения языков и губ бездна под ногами становится всё ближе и ближе...

Володя оторвался от моих губ и потянулся куда-то в сторону.

— Две минуты, Янина. Мне хватило всего двух минут, чтобы ты поплыла и была готова...

— Нет! — прошептала я, чувствуя, что губы горят.

— Игра ещё не окончена. Проверим? — дерзко усмехается Владимир.

Его рука проворно задрала подол платья и втиснулась между бёдер. Я свела их плотнее, но Володя настойчиво двинулся дальше.

Мысли резко исчезли. Чувствовалось только яркое удовольствие, ожидание чего-то прекрасного и влажное желание.

Горячая ладонь коснулась клитора через ткань трусиков. Пальцы скользнули дальше, надавливая на вход.

— Сказать тебе это вслух? Или нет? — постанывая, спросил Владимир.

— Не-е-е-ет...

Вторая ладонь зафиксировала мой подбородок. Владимир опять начал меня целовать. Пальцы руки резко сдвинули в сторону мокрую полоску трусиков и сразу же нырнули в горячую глубину.

Я застонала и дёрнулась от наслаждения. Владимир ввёл сразу два пальца и двигал ими резко и быстро, покусывая мои губы.

Моё тело насквозь прошивало разрядами наслаждения.

Володя оторвался от моих губ.

— Какая ты мокрая... До ужаса... Нет?..

— Тебя ждут, Воло-о-о-одя-а-а-а...

— Ждут, конечно, — соглашается он. — Но ты ждёшь меня ещё больше. Податливая, влажная, горячая...

Его пальцы двигаются во мне с предельной скоростью. Я ёрзаю, пытаюсь избавиться от него, но получается ещё хуже. Бёдра сами подмахивают, нанизываясь на мужские пальцы.

— Подвигайся немного. Сжимаешь меня так узко и сладко, — шепчет Владимир.

Его горячий шёпот с постанываниями то обжигает ухо, то касается губ, словно знойный ветер.

Краем сознания понимаю, что Владимир спускает пальто с правого плеча, всё ещё растягивая меня пальцами и всаживая их до упора. Потом этой же рукой расстёгивает ремень. Звяканье его пряжки немного отрезвляет меня.

Пальцы выскользывают из моих трусиков.

Пальто летит на пол, Владимир отпустил меня только для того, чтобы спустить брюки с бельём.

Через мгновение его пальцы крепко обхватывают мою ногу. Он забрасывает её себе бедро, отводя в сторону. Трусики сминаются и немного больно натягивают кожу, когда Владимир отодвигает их в сторону.

За считанные мгновения он преодолевает последние сантиметры между нашими телами и мучительно медленно начинает толкаться в меня членом.

— Янина-а-а-а... Как же сладко ты по мне скучаешь! — стонет он, замирая на мгновение.

Но потом резко двигает бёдрами вперёд, всаживая член до упора. Оргазм неожиданной жаркой волной скользит к низу моего живота. Он приливает быстрыми толчками и вот-вот безжалостно разорвёт меня.

— Скучаешь, маленькая. Скучаешь по мне. Скажи мне. Скажи «да»!

Как мне не хочется чувствовать ничего из того, что есть!

Я не хочу бездумно вскрикивать, царапая его плечи, потому что давно уже цепляюсь за него.

Не хочу хватать воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Не хочу рвано и пьяно дышать запахом его парфюма...

Не хочу задышаться и трястись от самых ярких оргазмов, которые пронизывают тело насквозь.

Владимир опять это делает: резко и властно вскрывает меня, словно раковину в поисках желанного жемчуга. И будто назло, находит его снова и снова...

Он трогает, гладит, умело трахает, слизывает вздохи и похищает поцелуи.

Меня разрывает на кусочки от сильного экстаза.

— Да. Да-а-а! — выкрикиваю в его рот, распахнутый от громкого стоны.

Я так сильно ненавижу себя за эти чувства, что нарочно со стоном произношу вслух всего одно слово.

Одно слово. Оно гарантированно заставит Володю возненавидеть меня.

— Сла-а-а-ава...

Глава 43. Янина

Володя дёргается от моих слов, как ужаленный, отодвигается и ошарашенно смотрит на моё лицо. Его член всё ещё находится во мне.

Нас обоих потряхивает от жидкой похоти, струящейся по венам вместе с кровью.

— Слава? — переспрашивает Володя и резко опускает мою ногу, выходя из меня. — Слава... — повторяет он растерянно.

Я тяжело дышу, понимая, что сама запутала всё ещё больше. Но я не могу вот так сейчас.

Я начинаю себя ненавидеть и презирать себя за постыдную слабость перед чувствами к брату погибшего мужа.

Володя качает головой недоверчиво и резко смеётся.

— Слава! А знаешь, мне похрен!

Володя внезапно разворачивает меня лицом к стене и сдавливает шею сильными пальцами. Пальцы второй руки подбирают платье и спускают трусики.

— Слава так Слава. Пусть тебя выебет призрак погибшего мужа. Если ты так сильно этого хочешь.

— Отпусти-и-и-и... — хриплю я, чувствуя, как он толкается вперёд членом и жёстко фиксирует мои бедра.

Володя не слышит или просто не хочет слышать. Пальцы то сжимают шею, до чёрных пятен перед глазами, то нежно поглаживают её перед тем, как вновь сжать. Быстрые и безжалостные толчки заставляют задыхаться. Ноги слабеют. Я едва ли не падаю.

Но Володя не позволяет мне этого сделать. Не позволяет ничего: ни единого лишнего слова или вздоха, ни единого движения в сторону. Можно только стоять у этой проклятой стены и позорно течь, как голодная сука, пока он трахает меня на предельной скорости.

Владимир ждёт отзывчивости — и получает её.

В сексуальном плане мы идеально совместимые половинки. Хватает короткого поцелуя или нескольких движений пальцами, чтобы разгорелось пламя.

Оргазм жадно и остро смыкает пасть, перемалывая всё в крошево

удовольствия. Жаркое красное марево качает на волнах экстаза. Володя тяжело дышит.

Горячее влажное дыхание опалает затылок. Брат мужа целует волосы, отпуская пальцы с моей шеи, гладит плечо и обнимает за талию.

— Не хочу отпускать. Ты же знаешь, чего я жду? Я жду момента, когда ты признаешься, что тебе со мной охуительно хорошо... — горячо шепчет он. — Не только секс, маленькая. Я хочу заботиться о тебе.

— Ты не даёшь мне даже вздохнуть! — тихо отвечаю я, понимаю, что не могу говорить громче. — Это не забота. Это принуждение. Ты снова берёшь то, что хочется тебе!

Пытаюсь вырваться из кольца рук, но Володя только крепче прижимает меня к себе.

— Я пытаюсь быть заботливым и внимательным, пытаюсь держать себя в руках и не давить на тебя. Но ты отталкиваешь меня. Ты меня убиваешь, Янина. Нарочно делаешь так, что у меня окончательно слетают тормоза. Тебе нравится вот так, на грани, маленькая?

— Нет... — говорю я машинально, окончательно запутываясь во всём. — Отпусти меня. Просто дай мне немного времени пожить спокойно. Вдали от тебя.

Володя отстраняется, поправляя на мне одежду. Мог бы не стараться. Платье сильно измято, трусики мокрые насквозь. Ещё одно свидетельство правдивости его слов.

— Ты нужна мне. Я уйду сейчас, потому что это кажется тебе правильным. Ты считаешь, что мне нужно держаться от тебя подальше. Но я этого не хочу. Просто открой мой подарок, идёт? Я говорил про то, что открыть его нужно будет, когда ты сама этого захочешь? Забудь! Хочу, чтобы ты открыла его сегодня. Я буду ждать ответа, Янина. Я чокнутый, потому что лелею безумную надежду на положительный ответ. Но я его жду.

— Володя. Уходи. С каждым разом ты делаешь только хуже!

— Потому что ты привязываешься ко мне? Потому что чувствуешь меня так же хорошо, как я тебя? Ты специально позвала меня по имени брата. Сыпешь соль на рану. Мне и себе... Растравливаешь, пытаешься заставить ненавидеть за эти слова.

Я едва не задохнулась: Володя был прав абсолютно во всём. Это пугало меня. Мне казалось, сделай я шаг ему навстречу, как от меня

самой вообще ничего не останется.

— Тебя ждут. Володя. Уходи.

— Ха... Тебе понравится, если я проведу этот вечер с другой женщиной? Вечер, плавно перетекающий в ночь? — Владимир стиснул меня за плечи, смотря прямо мне в глаза. — Понравится думать о том, что я буду трахать другую так же, как тебя?

— Нет.

Володя улыбнулся, но его улыбка тут же померкла, едва он услышал продолжение моей фразы.

— Нет. Так же, как со мной, не будет. Потому что там тебе дадут добровольно. А ты хочешь того, что тебе недоступно. Ты воруешь и берёшь это силой...

Володя опустил руки.

— Не всегда силой, Янина! Не всегда. Вспомни.

— Я не хочу! — выкрикнула я, толкнув его ладонями в грудь. — Не хочу об этом думать и вспоминать! Я просто хочу, чтобы у меня появился смысл жизни! Чтобы у меня был ребёнок, которого я потеряла! Я влюбилась сначала в Славу, не в тебя. Каждый раз, когда ты целуешь или трогаешь меня, за твоими плечами стоит его тень. Я ищу в тебе его черты. Ищу и не нахожу. Ты делаешь только хуже!

Я отперла дверь, обняв себя за плечи.

— Уходи. Тебя ждёт долгая ночь и женщина, готовая согреть твою постель.

Глава 44. Янина

Владимир всё-таки ушёл. Я прибрала на кухне, допив остатки вина. Мельком оглядела себя в зеркале, понимая, что сама дала повод Володе вести себя именно так.

Платье выше колена ярко-персикового цвета. Открытые плечи и треугольный вырез, обнажающий грудь. Кокетливое кружево на верхней части лифа платья.

Я уложила волосы и подкрасила глаза перед ужином. Ко мне заглядывали мои подруги, и мне не хотелось выглядеть бледной мышью, оправдывалась я. Но я же знала, что заглянет и Владимир.

Я выглядела так, словно собралась понравиться мужчине из всех сил. И у меня это хорошо получилось. Даже чересчур хорошо...

Я зло стукнула по своему отражению, умылась и открыла все окна в квартире, закутавшись в плед. Хотелось выстудить себя изнутри, чтобы не быть чувствительной и отзывчивой к ласке Владимира. Я не хотела давать Володе повод преследовать меня, но получается совсем наоборот. Стоит ему поманить меня пальцем — последние силы тают, сопротивление оказывается бесполезным.

Володя пытается заставить меня ревновать. А я чувствую себя собакой на сене. Ни себе, ни ему. Я не смогу ничего дать ему сейчас, кроме секса, а после него — неприязнь и чувство стыда, окатывающего с головой.

Мне нужно время немного забыться. Но Володя не способен ждать и держаться вдалеке. Его терпения хватает ненадолго.

Я кружу по квартире, снятой им для меня. Понимаю, что скоро простыну, если продолжу сидеть в комнате, по которой гуляет ветер, заноса внутрь снежинки.

Слова о подарке не выходят у меня из головы. Проклиная про себя действие Володи на меня даже на расстоянии, всё же распаковываю подарок.

Увесистая коробочка. Радует, что это не коробка с кольцом...

Но открывая её, понимаю, что рано радовалась. Коробка в коробке. Внутри — квадратная крохотная коробочка. Ожидаемо, в ней лежит

обручальное кольцо с одним бриллиантом. Трогаю кольцо лишь подушечкой пальца, не желая примерять на себя образ невесты Володи.

Этому не бывать.

Но почему тогда становится труднее дышать?

Прочь, подальше с глаз. Я поспешно откладываю коробочку с кольцом, видя, что внутри первой коробки лежат массивные мужские часы.

Я сразу узнаю их. Володя постоянно носил их на левом запястье. Последний раз я видела эти часы на Рождество, а потом он сменил их. Время на часах застыло, стрелки не тикают.

И под часами сложенный вчетверо листок бумаги. На обратной стороне видны продавленные силуэты букв. Володя во всём именно такой: резкий, brutальный. Даже почерк у него тяжёлый, как характер.

Медлю, прежде чем развернуть лист, гадая, о чём мог написать Володя. Если не захотел сказать вслух. Глажу бумагу, чувствуя себя неопытным чтецом книг, написанным шрифтом Брайля.

«Говорить тебе вслух бесполезно, ты всегда лезешь в свою раковину и запечатываешь вход. Может, хотя бы прочитаешь?»

В коробке лежат мои часы. Я остановил на них время на наше Рождество.

Для меня это был лучший вечер. Для тебя? Не знаю. Очень хотелось бы верить, что тоже так. Но с тобой не угадаешь. То послушная и податливая, нежная до умопомрачения, то первостатейная из всех жестоких сук.

Не разгадать. Но я хочу попробовать. Ты сама прекрасно понимаешь, зачем в коробке лежит кольцо. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Мы уедем, если тебе так будет проще. Просто скажи «да». Я сделаю всё для тебя. Всё что угодно. Даже луну с неба, только попроси.

Я увяз в наших убийственных отношениях. Для меня время будто остановилось. Но я хочу, чтобы стрелки часов снова тикали, отмеряя время, проведённое вместе с тобой.

Пожалуйста.

Дай нам шанс. Мне невыносимо пусто и тихо без тебя».

Письмо Володи расставило всё на свои места.

Он не сможет отпустить меня сам. Володя будет пытаться держаться в стороне, но в итоге сорвётся — заход на новый виток

спирали.

Я не смогу выдержать его давление. Я боюсь, что по-настоящему возненавижу его за то, что он не оставляет меня в покое, за то, что не даёт спокойно отгоревать по Славе и отпустить нашего с ним ребёнка.

Владимир хочет быть со мной, но своими же ботинками вытаптывает ростки привязанности к нему.

Ещё слишком рано, Володя...

Он смотрит на застывшие стрелки и нетерпеливо ждёт момента, когда часики вновь весело затикают.

А мне, наоборот, хочется заставить их замолчать и побыть в тишине, разобраться. Без влияния на меня извне.

Володя не сможет хотя бы на время оборвать нашу болезненную связь. Значит, это придётся сделать мне.

Глава 45. Янина

Эта мысль уже приходила мне раньше в голову. Нужно лишь довести её до ума и воплотить в жизнь.

Немного страшно. Но лучше так, с головой в неизвестность, чем тонуть в вязком болоте.

В тот вечер Володя уехал. Не знаю, провёл он вечер с другой женщиной или в одиночестве. Мне одинаково не хотелось для него ни того, ни другого. Я не могла отпустить себя к нему сейчас, пусть он этого и ждал.

Собаться было проще простого.

На новую квартиру мы перевезли не так много. Я сложила все вещи аккуратными стопками, чтобы потом было легко избавиться от них.

В нужный час войдут чужие люди и выкинут лишний хлам. Я сняла со счёта деньги, что заплатил мне Володя за дом. Но большую часть оставила в съёмной квартире. Мне не хотелось пользоваться щедростью Володи сверх меры.

С собой я взяла только половину от рыночной стоимости нашего дома: этого вполне должно было хватить на покупку однокомнатной квартиры в провинциальном городке. Останется ещё и на жизнь на первое время.

Из вещей я положила в рюкзак только бельё, вещи первой необходимости и альбом с фотографиями.

Я взяла билет на ближайший рейс до города, где живёт Стас. Выпал вечерний рейс.

Я всё проверила ещё раз, торопливо написала на бумаге ответ Владимиру. Сложнее всего было заставить себя позвонить ему и попросить о встрече.

Володя ответил мне, как всегда, очень быстро. Создалось ощущение, что он гипнотизировал взглядом телефон в ожидании моего звонка.

— Володя?

— Да. Привет, Янина, — извиняющимся тоном произнёс Владимир. — Я...

— Подожди! — перебила я его. — Дай мне сказать, хорошо?

— Хорошо, — удивился он. — Я тебя слушаю.

— Я хочу с тобой увидеться.

Повисла тишина.

— Мне приехать к тебе? — осторожно спросил Володя.

— Нет-нет. Не сейчас. Давай встретимся сегодня вечером. В кафе...

Мы отмечали в нём мой день Рождения последний раз.

— Хорошо. Я буду там. За тобой заехать?

— Нет! Я приеду на такси. Просто хочу купить кое-что.

Я говорила быстро-быстро, едва не задыхаясь.

— Успокойся, Янина. Всё нормально. Выдохни и потом говори, идёт?

Голос Володи был полон заботы. Я прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Несмотря на всё, мне было стыдно обманывать его. Но он не хотел оставлять мне свободного пространства. Володя желал занять его собой полностью.

— Я просто волнуюсь до ужаса, — сказала я и не соврала.

— Всё будет хорошо! — голос Володи потеплел. — Во сколько встретимся?

— Я могу опоздать. Дождёшься меня? — попросила я.

— Конечно! — легко согласился Володя. — Может быть, за тобой всё-таки заехать?

Голос Володи был полон воодушевления и надежды.

— Нет, не переживай. Я буду в городе. Мне удобнее будет добраться самой...

Соврать оказалось тяжелее, чем я могла себе представить. Я плохо спала. Я до самого последнего момента тряслась от мысли, что настырный Володя захочет поступить по-своему. Я боялась, что он приедет гораздо раньше и будет дежурить около дома, тогда весь мой план пошёл бы насмарку.

Но Володи не было видно. Я заранее приехала в кафе и заплатила официанту, чтобы тот передал Володе конверт, когда он появится.

Мой самолёт вылетает на час раньше времени, которое я назвала Володе. Пока он будет ждать меня, я уже улечу.

Самолёт оттолкнулся от земли. Только тогда я вздохнула с облегчением, натянула на глаза маску для сна.

Я чувствовала себя обманщицей и трусихой, сбежавшей без

оглядки. Но мне нужно было отвоевать время для себя и решить, как жить дальше.

Глава 46. Владимир

Я сидел в кафе, беспокойно поглядывая на время. Янина запаздывала. Мне приходилось бить себя по пальцам, чтобы не названивать ей без конца.

Чудо, что она вообще решила встретиться и поговорить со мной после вчерашнего. Отметил Старый Новый Год, называется!

Мне не хватает выдержки рядом с ней. Чем дольше я пытаюсь сдержаться, тем яростнее потом набрасываюсь на неё, зная, что между нами нет никого. Никого, кроме тени брата.

Во рту собирается странный привкус, как будто я до сих пор трахаю её у стены, вдыхая и ртом, и носом сладкий запах волос, немного влажных у самых корней. Пальцы покручивают салфетку, складывая из неё странные угловатые фигуры.

Но в мыслях — плавные изгибы желанного тела, горячая испарина у виска и судорожные сжатия после оргазма. Это как наваждение или наркотический дым: хочется вдыхать ещё и ещё, не выпуская изо рта сладковато-горькие сизые клубы отравы.

— Вы Владимир? — раздался голос официанта.

Я кивнул. Немногим ранее официант уже принял заказ, поставив передо мной кофе. К напитку я не притронулся. С трудом понял, что хочет от меня официант, пока он не положил передо мной на стол конверт.

— Девушка просила вам передать этот конверт.

Я ещё не притронулся к конверту из плотной крафтовой бумаги, но интуиция уже вопит, что для меня нет ничего хорошего внутри.

Я поспешно вскочил.

Янина... Чёрт! Сучка, обвела меня вокруг пальца!

Я швырнул на стол купюры, не глядя схватил конверт и понёсся к её квартире. Окна не светились. Барабанил по двери, зовя Янину по имени. Но в глубине души понимал, что за дверью её нет.

Вынул из кармана конверт и небрежно надорвал его. Ключ от квартиры, как я и думал.

Я отпер дверь и вошёл, включив свет во всех комнатах.

В квартире царил порядок. Вещи Янины аккуратными стопками лежали на видном месте. Их без труда можно вынести прямо сейчас и не останется ни единого свидетельства о том, что она здесь жила. Воздух свежий и прохладный. Она хотела выветрить из квартиры даже собственный запах.

Я усмехнулся, хлопнув дверцей холодильника. Пусто. Избавилась от всего. Я покружил бессильно среди мебели, пустых стен и опустился на диван.

Я на мгновение прикрыл глаза, представив, как Янина сразу же после моего ухода начинает складывать вещи и избавляется от лишнего.

Каждый шаг и жест только для того, чтобы стереть себя из моей жизни. Или меня из своей?

Хрен поймёшь.

Ясно одно — последняя наша встреча стала решающей каплей. Янина сбежала.

Я достал лист бумаги. Неровные строчки, наспех набросанные.

«Извини. Но я не могу остаться с тобой. Мне нужно время, чтобы вновь начать жить. Ты не даёшь мне этого сделать. Я задыхаюсь в твоём присутствии. Я благодарна тебе за всё, что ты делал для Славки и... для меня. Но сейчас мне необходимо побыть одной. Пожалуйста, не надо бросаться вдогонку. Очень-очень тебя прошу!»

Снизу приписка о том, в какой ящик Янина положила деньги и кольцо. Я выдвинул ящик стола: всё на месте, там, где она и оставила.

Янина вернула деньги и кольцо, но забрала мои часы.

Я резко поднялся, решив поначалу броситься к одному знакомому, чтобы узнал, куда Янина могла полететь или поехать. Но потом рухнул обратно, громко смеясь. До слёз из глаз и колик в груди.

Янина вернула мне всё, но забрала мои часы. Два с лишним года безумного желания обладать... Она отказалась дать мне шанс, но забрала с собой мою тоску и болезненную любовь к ней.

Янина забрала моё время. Уверен, попроси вернуть — не отдаст. Потому что именно такие у нас отношения... Неправильные во всех смыслах.

Я не знаю, есть ли на свете сила, способная спаять нас в единое целое без уродливых швов и шрамов на сердце.

Глава 47. Янина

— Мелкая моя! Прилетела всё-таки! — радостно протрубил Стас, сдавливая меня в объятиях.

Рядом с братом стояла Алёна, его гражданская жена. Она тоже обняла меня, но сдержанно.

Стас привёз меня к себе домой. Он пока снимал квартиру, но надеялся вскоре купить собственную. Я не планировала стеснять брата надолго. Я хотела просто немного передохнуть у родного человека, а потом начать обустраивать свою жизнь. Заново.

Алёна, как мне показалось, была недовольна моим приездом. Но я её не винила. Просто она жуткая собственница и боится, что я сяду своему брату на шею.

Поздние посиделки на кухне закончились тем, что Алёна, зевая, отправилась в спальню.

— Стас, милый, я пойду спать. Мне завтра на работу! — поцеловала она Стаса. — Одеяло и подушка на диване в зале, — обратилась уже ко мне. — Заранее спокойной ночи!

Алёна плотно притворила дверь кухни, чтобы ей не мешали спать даже приглушённые голоса.

— Мамка говорит, что я с ней намучаюсь, — усмехнулся Стас.

— Твоя жизнь — тебе решать. Главное, чтобы она тебе нравилась, — ответила я брату.

Стас приоткрыл форточку, чтобы покурить, и бросил мне на колени пуховый платок.

— Накинь и ноги подбери, чтобы не простыть.

Я послушалась. Брат курил, изредка поглядывая в мою сторону. Он казался мне сейчас не просто старшим братом, но едва ли не отцом. Даже усмехается так же перед тем, как сказать что-то.

— А теперь рассказывай, беглянка, что стряслось? — брат докурил и захлопнул форточку.

— Почти ничего.

— Угу. Верю. Особенно увидев твой рюкзак, верю. Ты как будто из осаждённого города бежала, — пристально посмотрел на меня Стас. —

С чего вдруг такая спешка?

— Давай не будем, а?

Брат развернул табуретку вместе со мной к себе лицом и обхватил за плечи ладонями.

— Нет. Давай будем. Я должен знать. Ты приехала ко мне.

— Это временно, не переживай. Я задержусь буквально на пару дней. Потом сниму квартиру и буду искать постоянное жильё.

— Цыц! — оборвал меня Стас. — Я не про то. Понимаешь, что я теперь за тебя в ответе? И если кто-то придёт и спросит, где Янина, дайте мне поговорить с Яниной... Я должен знать, послать или ответить, где ты.

Я покраснела. Откуда брат обо всём догадался? Как он мог за несколько часов понять всё?

— Ну, свёкла ты настоящая! — добродушно пошутил брат, ущипнув меня за щёку. — Всё-таки накуролесили, да? — он покачал головой. — Предупреждал я тебя, Янка. Но разве ты меня послушала?

— Поздно было прислушиваться к советам. Это всё давно началось, ещё до смерти Славки.

Брови Стаса удивлённо полезли вверх.

— Не смотри на меня так! — попросила я. — Всё сложно!

— Типичная женская отмазка...

— Нет. Просто...

— Просто ты не только Славику понравилась, но и его брату. И пудрила мозги обоим?

— Эй! — возмутилась я. — Я ничего никому не пудрила. Славка — мой муж. Во...

Мне было сложно даже назвать Володю по имени вслух и открыться вот так, перед посторонним.

— Ну, я всё понял.

— Ничего ты не понял. Просто Володя всегда был рядом, намекал, кружил. Я знала, что он помогал Славке. Но только после смерти мужа увидела все его дела и поняла, что Славка не просто изредка просил о помощи. Славка жил за счёт своего брата. Без Володи вся наша жизнь развалилась бы в два счёта.

Стас усмехнулся.

— Надо же, как благородно! Сохнуть и помогать строить крепкий брак сопернику. Мда-а-а-а... — Стас помолчал. — Но сейчас брата нет.

— Да, Славка покинул нас.

— Можно не изображать спасителя. Можно забрать себе, так?

Я кивнула, почувствовав облегчение на душе. Конечно, брату известно не всё. Но хотя бы часть правды.

— Угу. А теперь вернёмся к тому, что ты сейчас находишься здесь, в Сибири. Не хочешь ничего?

Я рассмеялась.

— Чёрт, Стас. Ты прямой, как палка.

— А зачем усложнять-то? — хлопнул в ладоши Стас.

— Неужели ты не понимаешь, что это непросто?

— Я понимаю, что первыми в тебя плюнут родители Славки и Володи, — заявил Стас. — Они точно не обрадуются такому раскладу.

— Я о них в последнюю очередь подумала. Мне на душе тяжело. У нас с Ярославом должен был родиться ребёнок...

Второй раз говорить о выкидыше вслух было всё равно ещё очень больно, но уже легче.

— Ни хрена себе. Я не знал! — потрясённо выдохнул Стас.

— Никто не знал. Я хотела Славе сюрприз сделать. Но не успела.

— Хм. А этот... знает?

— Знает.

— И всё равно давит на тебя? А ты сама чего хочешь?

Я промолчала.

— Что молчишь, мелкая?

— Стас, вот сейчас ты на меня давишь! — возмутилась я. — Я не знаю, ясно? Я понимаю, что они разные, как день и ночь. Но у меня Славка ещё в мыслях сидит и в сердце. Меня совесть сжирает, что я могу на другого посмотреть вот так быстро. Володя же мне места не оставляет! Даже для себя, понимаешь? Он хочет быть всюду: в быту, в жизни, на работе. Я начинаю задыхаться. Он не понимает. Он хочет помочь, но сейчас он для меня — как соль на рану.

Стас почесал бороду.

— Ты ему говорила?

— Говорила. Но Володя долго ждал, и сейчас ему тормоза срывает. Он как будто останавливается, но потом всё только хуже становится. Ни одного свободного вздоха. Я себя ненавижу начинаю. И его — тоже. А я не хочу ненавидеть... — Я выдохнула и махнула рукой. — Это тяжело — потерять так много сразу. Мне нужно время, чтобы внутри перестало

болеть, — я сглотнула слёзы. — Ты не понимаешь, наверное, считаешь, что это просто мои капризы.

— Почему же не понимаю? — усмехнулся брат.

Он обнял меня за плечо и поцеловал в голову.

— Я-то понимаю. Боюсь, этому твердолобому твою позицию будет тяжело объяснить. А я тебя понимаю! Когда папку нашего на заводе током прибило, ты ещё совсем мелкая была. Ничего толком не помнишь.

Я смахнула слёзы:

— Я мало чего помню, но сейчас ты — вылитый папа.

— Да, мелкая. Наверное, так и есть. Тебе, можно сказать, повезло ещё. Ты можешь себе позволить вот так сорваться и попытаться все свои потери как-то пережить по-другому. Смена обстановки пойдёт на пользу, или что там ещё психологи советуют.

Брат задумался, вспоминая что-то. Потом он пристально на меня посмотрел.

— Всё-таки хорошо, что ты ничего не помнишь. Когда папки не стало, нас тогда у мамы уже двое было. Руки нельзя опускать, надо домом, детьми заниматься. Ты — мелкая, дрыхнешь ночью, а я слышу, как мамка воет, когда думает, что мы оба видим десятый сон. Тихо так воет, не переставая. А утром встаёт и начинает жить заново. За скотиной посмотрит, на работу сходит. К вечеру дома всё убрано и пожарить приготовлено. Потом она садится за стол, на отцовское место и молчит. Подойдёшь, спросишь что-то, она в ответ тебя молча по голове гладит. А ты рук её не чувствуешь. Она словно сама мёртвая, и глаза у неё пустые-пустые. Жуть...

Стас замолчал, потянулся за ещё одной сигаретой.

— Мамка горе в себе схоронила и за правилами спряталась. Она до сих пор в трауре. Я не хочу, чтобы ты такой же стала. Если нужно время, чтобы отболело, пусть отболит. Потом решишь, чего ты хочешь.

Стас покрутил сигарету в руках, но не стал раскуривать, раздавил её в пепельнице целой, веско добавив:

— Давить на тебя не позволю. Ты погорюешь столько, сколько нужно, а через некоторое время снова начнёшь улыбаться жизни. Я не дам превратить тебя в запуганную тень.

Глава 48. Янина

Я с опаской поглядывала на телефон. Думала, что Володя начнёт названивать и заранее приготовилась к тому, чтобы поставить телефон на беззвучный режим или купить новую сим-карту.

Но вопреки моим ожиданиям Володя не звонил.

Прошло несколько дней, а телефон молчал. Я чувствовала себя странно: мне было намного легче, когда голова была полна всем, чем угодно, но только не пустотой. Но стоило признаться себе: втайне я ждала звонка Владимира.

Я чувствовала себя неловко, и мне было стыдно за мой побег. Мне хотелось, чтобы Володя понял меня, а не просто решил, что это прихоть и женские капризы.

Стас вызвался помочь мне с поисками квартиры. Он ездил со мной, не отпуская меня одну. Алёна была не очень довольна, что я свалилась к ним как снег на голову. Поэтому я хотела как можно быстрее съехать от брата.

Через неделю мне удалось найти квартиру, которую я начала снимать. Нужно было налаживать быт заново.

А я убежала с одним небольшим рюкзаком, поэтому приходилось целыми дня заниматься хлопотами. Я не оставляла себе времени думать и сомневаться о чём-то.

Тем более я не хотела думать о начавшихся выделениях, коричневатых-красных. Это означало только то, что моя отчаянная и сумасбродная попытка завести ребёнка провалилась с треском.

Может быть, оно и к лучшему. Ребёнок бы ещё больше запутал наши отношения с Владимиром и стал бы поводом для того, чтобы он привязал меня к себе ещё сильнее. Я просто постаралась не думать об этом.

Не сейчас. Не время для ребёнка. Хотя мне очень сильно хотелось его...

На новом месте жизнь закрутилась вихрем. Я едва успевала подумать о чём-то, как надо было уже делать.

Когда я более-менее устроилась на новом месте, я позвала к себе в

гости брата с его женой.

Алёна обмолвилась за ужином, что одна из её постоянных клиенток ищет подменного бухгалтера, который выходил бы на работу два-три раза в неделю.

— Не хочешь пойти? Ты же вроде на экономическом училась? — предложила она.

— Да, училась. Я была бы не против.

— Позвонить? Замолвлю за тебя словечко. Конечно, всё будет зависеть от того, как ты покажешь себя. Но думаю, тебе будет это по силам. К тому же, обретёшь независимость...

Последнее предложение было из разряда «тонких намёков». Алёна так сильно беспокоилась, что младшая сестрёнка усядется на шею своему старшему брату, что расхвалила меня, как высококлассного специалиста.

Мне было даже боязно идти на собеседование. Я подрабатывала, конечно, но большого опыта работы у меня не было.

Но вопреки опасениям, собеседование прошло гладко, а объём работы был небольшой. Я могла с ним справиться. Конечно, и заработная плата соответствовала. Но это был мой шанс зацепиться на новом месте и как-то зарекомендовать себя.

Поэтому я не стала воротить свой нос, а согласилась работать.

От Володи так и не было вестей. Я решила, что он смирился. Оказалось, он просто затаился на время, чтобы потом приехать без предупреждения.

В тот день я забежала к Стасу, мне было по пути. От работы до дома Стаса было всего несколько минут ходьбы. Я провела брата и его жену, а потом собралась обратно.

Но, не дойдя до остановки, поняла, что забыла в квартире у брата перчатки. Мороз был кусачий, и пальцы мёрзли даже в карманах зимней куртки. Мне пришлось возвращаться.

Я постучала в дверь:

— Стас, это я. Перчатки у тебя дома оставила...

Дверь распахнулась сразу же. На пороге стоял Владимир. Он резко повернулся, глядя мне прямо в глаза.

Меня словно прошило током насквозь от его пронзительного взгляда. Володя немного осунулся. Глаза лихорадочно блестели.

Мне стало не по себе от его взбудораженного вида. Он как будто не

спал или был пьян. Судя по запаху алкоголя, последнее оказалось верным. Володя сильно выпил.

Сердце забилося в бешеном ритме.

Я не понимала, чего во мне больше: радости, потому что я каким-то невероятным образом соскучилась по Володе, или страха, что всё опять начнётся сначала.

А я только начала засыпать спокойно, не мучаясь по полночи тягостными мыслями.

Володя усмехнулся и шагнул в моём направлении.

— Привет. Беглянка.

Поневоле я отступила назад, чувствуя, как воздуха вокруг становится меньше...

Глава 49. Владимир

Поначалу я не хотел бросаться вдогонку за Яниной.

Я хотел быть терпеливым. В глубине души понимал, что нужно дать ей время. Понимал, но не мог его дать. Чем сильнее она меня отталкивала, тем быстрее перегорали провода моего терпения.

Я и без того ждал очень долго. Два с лишним года. Они казались мне вечностью.

Сейчас я хотел получить всё. Потому что раскусил, какая Янина отзывчивая и безграничная в ласке. Это был самый настоящий подарок небес и одновременно самое ужасное проклятье.

Я гипнотизировал телефон взглядом.

Может, хотя бы догадается сообщить мне, что с ней всё в порядке?

Но по мнению Янины я, наверное, был недостоин даже этого. Недостоин ничего знать о ней.

Её побег больно ударил по мне. Я не хотел валяться у её ног и вымаливать, выклянчивать. Разве я мало просил или недостаточно сделал? Разве я мало говорил?..

Но я предполагал одно, а потом всё-таки разузнал, в какой город она улетела. В том городе жил её старший брат. Потребовалось несколько звонков, чтобы выяснить адрес Станислава, старшего брата Янины.

Просто так, чтобы знать, убеждал я себя.

Но реальность гнусно ухмыльнулась мне в лицо дверным глазком закрытой двери. Да, я всё-таки прилетел, абсолютно не понимая, почему вновь с широко открытыми глазами упорно иду в направлении известных мне граблей.

В голове шумело и грохотало: сказывались бессонные ночи и выпитый алкоголь.

Дверь мне открыла девушка, смерила взглядом с ног до головы и позвала:

— Стас! Тут мужчина пришёл. Поговори?

Она мгновенно отошла в сторону, прикрыв дверь. В коридоре раздался звук тяжёлых мужских шагов. Брат Янины, кажется, ничуть

мне не удивился. Они с Яниной были совсем не похожи внешне. Только глазами. Такие же тёмно-серые, пытливые и сердитые.

— Мне нужно поговорить с Яниной.

— И тебе здравствуй.

Брат Янины отступил, впуская меня. Я прикрыл за собой дверь, но не стал запирать её на замок.

— Всё-таки приехал. А ты не думал, что она не хочет с тобой разговаривать?

— Мне нужно поговорить с Яниной, — упрямо ответил я, начиная злиться на этого амбала.

По какому праву он встаёт между ней и мной? Знает ли он хотя бы что-то? И даже если знает, ему этого не понять! Это касается только меня и её.

— Повторяю. Она не хочет с тобой разговаривать. И если ты, брат, не понимаешь намёков, то говорю прямо: она от тебя сбежала, как чёрт от ладана. Значит, оставь её в покое.

— Ты будешь решать за неё? — зло спросил я.

— Это её решение, — спокойно ответил Стас. — А я свою мелкую люблю и поддерживаю во всём. Тем более, сейчас. Тем более, после двойной трагедии.

По сердцу будто полоснули ножом. Значит, знает! Но всё ли? Я усмехнулся:

— Будешь держать её вдали, запирать? Мне нужно её увидеть! Янина!

Стас нахмурился и сжал моё плечо.

— Не ори. Её здесь нет. Янина налаживает свою жизнь. Если она сбежала от тебя с одним рюкзаком в руках, значит, для тебя сейчас нет места в её жизни.

Я стряхнул его руку, процедив сквозь зубы:

— Не лезь не в своё дело, брат.

Стас нахмурился и резко шагнул вперёд.

— Я думал, что в чём-то Янина преувеличивает. Думал, что это всё из-за сложного периода и тяжёлого состояния на душе. Но сейчас, посмотрев на тебя, понимаю её страх и нежелание находиться рядом с тобой.

— Не читай мне нотации. Это касается только меня и Янины. наших отношений.

— Это не отношения. А головная боль...

— Она — моя головная боль, ясно?

Стас усмехнулся:

— Не твоя. Как бы тебе этого ни хотелось, сейчас не твоя. И никогда ею не станет, если ты будешь бросаться по её следу, как бешеная псина. Посмотри на себя со стороны. Ты прилетел бухой и невменяемый. Думаешь, я подпущу тебя к своей сестре? Да ни за что! Разворачивайся. Янины здесь нет. Я ни за что не назову тебе её адрес. Будет лучше, если она вообще не узнает, что ты за ней рванул...

Стас стоял словно стена. За его широкими плечами Янина спряталась даже не от меня, но в большей степени от себя.

Трусливая сучка! Стыдно признаться, что она по мне такая же больная и зависимая, как я по ней? Так трудно посмотреть правде в глаза и сказать себе, что она от меня голову теряет?!

Мне хотелось получить ответы. Не короткую записку на бумажке. Но вслух. Глаза в глаза. Мне необходимо было знать, получила ли она то, что хотела?

Получила? Получила или нет?

Почему я не могу узнать хотя бы этого? Почему перед моим носом постоянно захлопывается дверь?

Стас молчал, сверля меня тяжёлым взглядом. Мои мысли бултыхались внутри головы, оглушая своим рёвом. Внутри меня всё клокотало, я не мог связать хотя бы двух слов, опасаясь, что меня просто порвёт на клочки от ярости.

Внезапно я услышал её голос. Спокойный и будничный, сладкий. Как будто по лицу нежно провели кончики пальцев, а потом этими же пальцами стиснули рукоять лезвия и полоснули по глотке.

Я давно не слышал её — такой.

— Стас, это я. Перчатки у тебя дома оставила...

Глава 50. Владимир

Я резко открыл дверь, жадно вглядываясь в любимое лицо.

Невозможно красивое, с чуть покрасневшими щеками. При виде меня с лица Янины схлынула краска, а пятна на щеках заалели ещё сильнее.

— Привет. Беглянка.

Я шагнул вперёд, к ней, чувствуя, как зрение подводит меня. Просто мир закручивается, смывая ориентиры и очертания предметов. В фокусе только её лицо и страх в глазах.

Янина отступила. На плечо мне легла тяжёлая рука её брата.

— Оставь Янину в покое. Она не рада тебя видеть.

Злость резко взяла своё. Я развернулся, намереваясь ударить его.

Но я был пьян, а брат Янины оказался быстрее, впечатав кулак мне в лицо и мгновенно прижав к стене.

— Ни шагу в её сторону. Я же предупреждал.

Я не чувствовал боли. Просто что-то лопнуло, и по губам поползла горячая струя.

— Стас! Стас! Ты что? Отпусти Володю! — словно очнулась Янина, повиснув на своём брате-великане.

— Отпущу и спущу. С лестницы вниз... — процедил Стас.

— Прекрати! — потребовала Янина, пытаясь отпихнуть брата.

Тёмно-серые глаза беспокойно пробежались по моему лицу. Мне стало смешно.

— Надо покалечиться, чтобы ты переживала обо мне? Или лучше сразу сдохнуть? По кому убиваться больше будешь? По мужу или по мне?

Янина отшатнулась от моих слов.

Низко ударил, знаю. Просто у рыцаря запачкались в грязи сверкающие доспехи, и совершенно не хочется их оттирать.

— Отпусти! — рявкнул я, отпихивая Стаса. — Отпусти, ну, долбоёб! Не буду я её трогать. Как ты сказал, она бежит от меня, как чёрт от ладана?

Стас медленно разжал руку. Я вытер кровь с разбитой губы

рукавом дорогого пальто.

— Кажется, у нас наоборот. Я в роли чёрта, которому нужен сраный святой ладан!

— Тебе нужно помочь. У тебя кровь... — едва слышно сказала Янина.

— Мне от тебя не помощь медсестры нужна, а кое-что другое.

— Стас, пусти в дом. Нужно помочь. Зачем ты руки распустил? — недовольно сверкнула глазами Янина.

— Напросился сам, — ответил Стас, не двигаясь с места.

— Ха... Поговорить сможешь, Ян, или это тоже выше твоих сил? — спросил я.

Проклятая кровь не желала останавливаться.

— Пару слов, не больше. Я уже понял, что ты меня не желаешь ни видеть, ни слышать...

Я прошёл к лестнице, спускаясь по ступенькам. Оглянулся.

— Я немного прошу. Пусть твой громила-охранник рядом постоит, если ему так хочется.

Я вышел на улицу, остановившись у подъезда. Янина почти сразу же вышла следом, а брат встал в дверях. Даже не оделся. Вышел на улицу в мороз в той же домашней футболке и шортах.

Янина раскрыла сумочку и достала сухие салфетки, протягивая мне.

— Вытри кровь, Володя...

Я отмахнулся. Сейчас мне её забота была как кость поперёк горла. Я скатал снежный ком, прикладывая к разбитой губе.

— Вернёшься? — спросил я, не желая ходить вокруг да около.

Задолбало. Я не футбольный мячик, чтобы меня пинали без перерыва.

— Нет, — покачала головой Янина и спустилась, отойдя подальше от подъезда, чтобы брат не услышал нашего разговора.

Я немного помедлил, но подошёл к ней, катая холодный, подтаявший снежный ком по губе.

— Володя... Я хочу пожить сама. Мне это надо. Ты наверняка слышишь только моё «я»...

— Да, так и есть. Ты — эгоистка. А ты не подумала, как херово я себя чувствую, беспокоясь за тебя, думая, что ты можешь носить моего ребёнка?

Янина покачала головой.

— Нет никакого ребёнка. У меня месячные точно в срок. У нас ничего не вышло. И может быть, так даже лучше. Нельзя было просить тебя об этом...

— Но ты попросила. Я согласился, надеюсь, сама знаешь, на что.

— Прости меня, пожалуйста, — голос Янины дрожал. — Но я не могу оправдать твоих надежд.

Янина смахнула слезинку. Её пальцы покраснели от мороза. Я автоматически потянулся к рукам Янины, согревая их между своих ладоней. Наклонился, обдавая горячим дыханием.

— Не сейчас... — услышал я.

Я посмотрел ей в глаза: не ослышался ли я?

— Я не могу сейчас. Я не стану врать тебе. Я не могу остаться равнодушной к тебе, ты меня волнуешь, заставляешь чувствовать себя не в своей тарелке, — Янина перевела дыхание, решительно продолжив: — Я знаю, что ты — это ты, не твой брат. Вы сильно отличаетесь, но я, как одержимая, ищу сходство. Я не понимаю, нравишься ли ты мне из-за того, что вы со Славой на одно лицо, или из-за другого. Я запуталась.

— Мы идеально совместимы, дурочка.

Янина усмехнулась.

— Это может оказаться просто тоской по любимому, подменой, самообманом. Я хочу разобраться. Я прошу тебя. Дай мне время...

Я рассмеялся. Опять пришлось катать снежный шар, чтобы приложить его к губе.

— Время? Сколько? Что я буду делать со своим временем? Сидеть, как попрошайка, ожидая, пока ты копаешься в себе?

— Пожалуйста...

— Хочу, чтобы ты была моей! — резко перебил я её. — Заебался бегать вокруг тебя, боясь подышать в твою сторону слишком шумно или резко. Давай не сходя с этого места решим?

Я отчаянно и безумно надеялся на положительный ответ. Несмотря ни на что.

— Да или нет? — с напором спросил я.

— Не сейчас, Володя! — побледнев, ответила Янина. — Неужели ты меня не слышишь?

— Какая же ты коварная и жестокая дрянь! — в сердцах выплюнул я. — Хочешь на двух стульях усидеть? Спокойно, в стороне, но чтобы

пёс ручной был готов кинуться к тебе по первому зову? А я не пёс, ясно? Я мужчина. Если не сейчас, то значит, никогда.

Янина прикусила губу, часто моргая. Её глаза казались озёрами в половодье. Слёзы текли без перерыва. Больше всего на свете мне хотелось осушить её слёзы, но она делает один и тот же выбор снова и снова: прочь от меня.

«С этим нужно научиться жить...» — внезапно понял я.

Так некоторые люди живут с болезненной опухолью на протяжении всей своей жизни и умирают от несчастного случая.

Чувство, выгрызающее меня изнутри, никуда не денется. Но надо смириться с ним и понять, что эта дорога не приведёт никуда.

— Нет значит нет. Я тебя слышал. Желаю счастливо прижиться на новом месте, — я заставил себя улыбнуться. — И не думать обо мне тоже желаю. Ты всё равно остаёшься частью моей семьи, моим родным и близким человеком, несмотря ни на что. Если у тебя что-то случится, ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью. Но лучше, чтобы этого не произошло. Потому что я не уверен, что не попрошу за помощь слишком высокую цену. Для тебя.

Я заставил себя сделать несколько шагов прочь от Янины, застывшей, как фигурка в ледовом городке. Такая же хрупкая и холодная.

— Мои часы остались у тебя? — внезапно спросил я, развернувшись.

Янина молча кивнула.

— Продай их. Они дорого стоят. Не смей хранить моё время, потраченное впустую.

Я ушёл.

Потом наступило молчание.

Мне казалось, тишина никогда не закончится.

Но Янина, моя персональная мучительница, снова вклинилась в мою жизнь поздней осенью.

Хватило одного сообщения, чтобы мне захотелось вырвать память о ней из себя с корнем.

Одно короткое сообщение. Минимум слов, гораздо больше цифр.

«53 см, 3270 граммов»

Глава 51. Янина

Конец сентября

«53 см, 3270 граммов»

Это было первое сообщение, отправленное мной Владимиру. Первые слова, обращённые к нему почти за целый год молчания.

Последний раз мы разговаривали в конце января.

Владимир уехал тогда. Больше я его не видела и не слышала.

У всего есть предел. В тот день Володя достиг своего предела терпения.

Оглядываясь назад, я понимаю, как чудовищно жестоко и несправедливо я себя вела по отношению к Володе.

Мои чувства были ослеплены. Я видела только себя и персональное горе. Больше ничего.

Мы всегда эгоистичны в горе. Моя ситуация осложнялась тем, что рядом появился мужчина, отчаянно желающий прибрать меня к своим рукам. Мужчина, желавший меня на протяжении более двух лет.

Володя заставлял меня чувствовать и выводил на предельный уровень эмоций. Мне было и отраднo, и страшно рядом с ним.

Я боялась, что чувства, которые он во мне будил, это лишь отголоски привязанности к погибшему мужу. Они были разные, но на тот момент я ещё не полностью отпустила Славку и боялась утонуть в Володе.

Получив желаемую свободу от него, я впервые поняла, как много места он занимал в моей жизни. Он всегда незримо присутствовал рядом раньше.

После нашего болезненного разрыва у меня появилось ощущение, что рядом со мной всегда гуляет прохладный ветер. Мне нужно было научиться жить самой. Я прикипела к своему месту работы и вскоре на те деньги, что взяла с собой, купила однокомнатную квартиру. Новоселье мы отпраздновали втроём: я, Стас и Алёна, значительно подобревшая ко мне с тех пор, как поняла, что я не представляю угрозу их семье, только становящейся на ноги.

Втроём?

Нет, вчетвером.

На следующее утро после новоселья у меня началась тошнота, донимавшая меня по утрам. Я с недоумением смотрела на побледневшее отражение в зеркале. Я же не могу быть беременной? У меня были месячные! Или... могла?

Тесты на беременность уверенно показали две полоски. Я не поверила своим глазам, сделала повторный тест позднее. Результат не изменился.

Я записалась на приём в поликлинику. Беременность подтвердилась. А выделения были лишь признаком небольшого воспаления.

Доктор прописал мне курс лечения и поставил на учёт. Я ошарашенно повторяла про себя слова: «Я беременна...»

Повторяла и не могла верить в них. Я так сильно этого хотела! Моё желание сбылось. Одновременная радость и тревога затмили все остальные чувства.

Когда первые всплески эйфории пошли на спад, я хотела позвонить Владимиру. Но вовремя одумалась. Беременность — это ещё не гарант того, что я рожу. После первого выкидыша я стала жутко мнительной. Я не хотела рассказывать о беременности раньше необходимого времени. После выкидыша не все беременности заканчиваются удачно. Мне не хотелось опять вешать на Владимира свои проблемы. Поэтому я не стала ему ничего говорить.

Стас выругался крепким матом.

— Тогда какого хрена ты от мужика убежала, мелкая? — рявкнул он.

— Я ещё не знала тогда, что беременна. И не уверена была, что получится.

— Получилось. Отца не хочешь в известность поставить?

— Я сообщу ему. Но только после того, как рожу.

Стас покрутил пальцем у виска.

— Ян, честно, ты ведёшь себя неадекватно!

— Что, если я снова потеряю ребёнка? — воскликнула я. — Не хочу опять вешать на Владимира свои проблемы! Я просто не смогу пережить второй выкидыш так же, как первый. И я не уверена, что Владимир захочет меня слышать. Он...

— Дурочка. У тебя будет ребёнок от него!

— Будет. Я очень сильно на это надеюсь, что будет, — ответила я. Стас ещё долго бурчал на меня.

— Не вздумай говорить ему! Я сама скажу... — попросила я брата.

— Говорить ему? Я вам что, переговорное устройство? — возмутился Стас. — Сами свои проблемы решайте, не маленькие уже! Хочешь — живи, не хочешь — не живи!

— В том и дело, что хочу. Не кричи на меня. Мне нельзя нервничать, — попросила я Стаса.

Я полностью сосредоточилась на беременности. Мне очень сильно хотелось выносить здорового малыша или малышку.

Стас поворчал немного, но потом махнул рукой. У него своих забот хватало: Алёна тоже оказалась беременной. Но ей ставили срок на конец июля, мне предстояло рожать в конце сентября.

Я боялась осложнений во время беременности, но за всё время только один раз прошла курс лечения в самом начале и немного простыла весной. Эти два случая стали исключением. Беременность протекала нормально, без особых потрясений.

Я словно окружила себя плотным коконом, чтобы ничто не могло поколебать моего спокойствия извне. И чем больше становился мой живот, тем реже я задумывалась о прошлом и грустила по утерянному мужу и ребёнку.

Многие беременные жалуются на упадок сил и нервозность, а во мне, наоборот, как будто прибывало всё: вкус к жизни, радость и умиротворение.

Я всё чаще задумывалась о Володе, понимая, что скучаю по нему очень сильно. Гораздо сильнее, чем могла себе представить. Мысли о нём отвоёвывали всё больше и больше места во мне.

Я наконец-то смогла понять и оценить всё то, что он для меня делал, ужаснувшись собственной неблагодарности. Но тогда я не могла ответить ему взаимностью, а наломала бы ещё больше дров. Хотя, куда уж больше, да?..

На работу я ходила до самого последнего месяца. Два-три раза в неделю по несколько часов — это не так уж много и совсем не тяжело.

Я пока плохо представляла, как буду жить дальше, после родов. У меня ещё оставались деньги, но я понимала, что первый год навряд ли смогу полноценно работать.

Мама приезжала к нам в гости теперь гораздо чаще. Она по

умолчанию решила, что я беременна ребёнком Славы. На первое время я не стала разубеждать её.

Конечно, когда настанет срок рожать, обманется только дурак, не могу же я переносить ребёнка настолько...

Но меня мало волновало мнение кого-то по этому поводу. Главное, чтобы малыш родился здоровым. Врачи в поликлинике сказали, что у меня будет мальчик...

Роды были тяжёлыми для меня. Я рожала больше суток. Когда наконец-то это произошло, и в родильном зале раздался первый крик моего сына, я расплакалась и никак не могла остановиться.

А потом мне на грудь положили этот краснощёкий комочек с серьёзным выражением лица, и меня затопило волной нежности к крошечному человечку.

— Привет, Илюша... — едва слышно сказала я.

Я с облегчением выдохнула только с рождением сына, поняв, что это событие затмило собой всё недовольство, обиды и недоразумения, которые были в прошлом.

Крошечный Илья с серьёзным выражением лица так сильно напоминал Владимира, что я всё-таки решилась написать ему.

«53 см, 3270 граммов»

Короткое сообщение. Всего шесть цифр и семь букв.

Но это сообщение я писала очень долго. Ещё дольше я отправляла его адресату, трясаясь от страха, пока рядом на кровати спал Илюша.

Я даже не знала, изменился ли номер Володи за этот год. У меня не хватило духу позвонить предварительно и выяснить это.

Я просто отправила сообщение, как мне казалось, в пустоту.

Глава 52. Янина

Я держала телефон в руках несколько минут, прежде чем решилась отложить его в сторону.

Но тут он начал звонить. Владимир...

Я жадно хватала воздух ртом, чувствуя, что падаю в пропасть. Я даже схватилась пальцами за край кровати, чтобы убедиться, что это не так. Едва смогла вытолкнуть из себя простое:

— Алло?

— Привет.

От звука голоса Владимира внутри начался самый настоящий шторм. Я очень давно не слышала голос Володи. Хотелось, чтобы он сказал мне ещё что-нибудь. Но Володя пока молчал. Потом он раздражённым голосом спросил:

— Так и будешь молчать?

— Ты позвонил. И... — я прикусила губу, чтобы не разреветься от разом нахлынувших чувств.

Володя — отец моего ребёнка.

Я слышу его голос, понимая, что мне его не хватает. Мне нужно ещё и ещё, жизненно необходимо заполнить пугающие пустоты внутри себя — им, его голосом, уверенностью и напором.

Я так соскучилась, что немо размыкаю губы и тут же смыкаю их, не в силах сказать ни слова.

— Если тебе больше нечего сказать, то давай ты не будешь занимать линию, идёт? — голос Володи звучит немного развязно, как будто он выпивший. На заднем фоне играет приглушённая музыка. — Спрашиваю ещё раз. Зачем звонишь? Тебе нужна помощь?

Володя усмехается, гремит стеклом: так звякает бутылка о край бокала.

— Ты пьёшь? — наконец, спрашиваю я.

— Да. У меня вечеринка. Так что тебе надо? Помнится, я говорил, что ты можешь обратиться за помощью. Слушаю. Сколько денег тебе надо?

— Мне не нужны деньги! — отвечаю я.

Холодный, пренебрежительный тон Володи неприятно задел меня по-живому.

Но я напомнила себе, как я раньше разговаривала с ним и постаралась не обращать внимания.

— Тогда я не понимаю причин того, что ты дала о себе знать, Янина. Просто так? Скучаешь? Не с кем потрепаться языком, обсудить важные новости, и ты решила, что деверь — лучший собеседник?

Вдох-выдох.

Володя просто немного пьян. По тону голоса становится понятно, что я обидела его очень сильно. Обида разрослась в нём, как дремучие заросли колючего терновника.

— Нет. Если я тебя отвлекла, то извини. Не буду мешать тебе отдыхать...

— Да. Не мешай, Янина! — согласился Владимир. Он выпил и усмехнулся. — Я не тупой, Янина. Ты написала мне сообщение длиной в одну строчку. У тебя язык не поворачивается сказать это вслух. Ну, так что? Поздравляю тебя. С рождением ребёнка. Именно это ты хотела услышать, мои сердечные поздравления?

Владимир коротко и зло рассмеялся.

— Цифры, блядь. Хорошо, ограничимся только ими. Не хочу слышать больше ни-че-го: ни пола, ни имени... А скоро предпочту забыть и эти цифры. Потому что мне не нужны твои подачки.

— Володя, я...

— Кста-а-ати. Ты же говорила, что не беременна! — усмехнулся Владимир.

— На тот момент я сама не знала, что беременна. У меня были привычные женские дни, но как оказалось, из-за простуды.

Володя помолчал, потом опять подлил себе спиртного.

— Поздравляю, Янина. Поздравляю тебя с рождением твоего, — он сделал упор на последнем слове, — ребёнка! Ты наконец-то получила всё, что хотела. Надеюсь, теперь ты всем довольна и абсолютно счастлива.

— А ты? — внезапно спросила я.

— Я? Разумеется. Я — невероятный счастливчик, Янина. У меня всё идёт как по маслу: бизнес идёт в гору...

Володя отодвинул телефон в сторону, резко сказав кому-то:

— Пошла вон! Понадобисься — позову...

Он сказал это женщине, причём не близкой. Навряд ли своей девушке приказывают таким тоном. Почему-то мне показалось, что Володя сейчас сидит где-то в клубе. Вокруг снуют девицы. Я постаралась отогнать эти мысли, слушая его низкий голос.

— Кстати, можешь и ты поздравить меня! — усмехнулся Владимир. — Эта вечеринка, можно сказать, последняя в холостяцком статусе.

— Ты женишься? — спросила я неожиданно спокойно.

— Официально делаю предложение. Там и свадьба не за горами, думаю, что через полгода буду женатым мужчиной. Не поздравить меня?

— Поздравляю. Искренне желаю крепкого брака и хороших отношений.

Володя опять рассмеялся, как будто его жутко веселил наш разговор. Мне было неприятно разговаривать с ним таким.

Я вдруг поняла всю безнадёжность своих тайных мыслей.

Чёрт.

Я идиотка. Как после всего, что было, Володя обрадовался бы мне и моему обществу? Да никак.

Вот он — простой ответ, лежащий на поверхности.

Володя был нужен мне. Но я остро и болезненно осознала это только сейчас, когда уже потеряла его. Навсегда.

— Извини, что побеспокоила тебя. Этого больше не повторится, — заставила я себя сказать.

— Не зарекайся! — резко оборвал мои слова Владимир. — Но, если уж ты позвонила, сделай для меня кое-что?

— Что?

— Сама не догадываешься? Я сидел в клубе, отдыхал после трудной недели. Во время нашего разговора пришлось прогнать шлюху. Хотя я сам её заказал, чтобы развлечься. Но ты же хочешь поговорить? Поговори со мной так, Янина?

Моё лицо полыхнуло.

— Извини. Всего...

— Нет уж, подожди! — перебил меня Владимир. — Почему бы и нет? Голосок у тебя такой же сладкий, как раньше. Я буду рад заняться хотя бы сексом по телефону. Пошепчешь мне немного

непристойностей?

— Похоже, ты меня с кем-то перепутал, Владимир.

— Не-е-ет... Я ни с кем тебя не перепутал. Ты уже делала это. Очень сладко и возбуждающе. Давай прямо сейчас? Как в тот раз? Почему бы тебе не сделать мне приятное в ответ?

— Лучше верни шлюху или навести будущую жену. Желаю тебе счастья, Владимир. Извини, что побеспокоила.

— Не хочешь? — цыкнул Владимир. — Жа-а-аль. И я тебе в свою очередь желаю счастья.

— Такого же, как у тебя?

— Нет, Янина. Будь счастливее меня. Теперь у тебя есть всё для этого...

Глава 53. Янина

Тот разговор был единственным.

Больше мне не хотелось ни звонить, ни писать Владимиру.

Вернее, хотелось. Но Володя дал понять, что больше не заинтересован ни во мне, ни, тем более, в моём ребёнке.

Крохотный Илюша стал только моим. Как я того и хотела. Володя сдержал своё слово, но хлётко ударил им меня по лицу.

Хотела? Держи!

Из роддома меня встречали всё те же мои родные: Стас и Алёна с маленькой дочкой Ниной. На некоторое время приехала моя мама.

Мама ничего не сказала мне о ребёнке. Хотя я почему-то думала, что она непременно сделает мне замечание: ребёнок не мог быть от Славки. Сроки не совпадали. Все это прекрасно понимали.

Но мама лишь улыбнулась крохотному комочку, взяв его на руки. Я была ей благодарна за это. Первые две недели мама жила с нами, потом ей пришлось уехать к себе: за домом и хозяйством она просила приглядеть соседа. Но не навечно же.

Так мы и начали жить вдвоём: я и сынишка.

Семья брата частенько бывала в гостях. Когда мне надо было оставить сына, я отдавала его Алёне. Наши дети различались возрастом всего на пару месяцев, а жена брата всё равно сидела с дочкой дома.

Первый год я не работала, жила на крохотное пособие и пользовалась теми деньгами, что ещё остались после покупки квартиры. Иногда удавалось немного подзаработать на удалённой работе.

Казалось, денег на карточке очень много. Но они таяли, как вода.

Когда Илье исполнилось год и три месяца, мне пришлось искать работу. Кое-как я смогла устроиться приходящим бухгалтером, сына оставляла то у Алёны, то приходилось нанимать няню.

Мама старалась приезжать так часто, как только позволяли ей дела по хозяйству. Она звала нас к себе, но мне в деревне нечего было делать. А ей — в городе. Мама приезжала только на несколько дней.

Мне хотелось каждую свободную минутку проводить со своим мальчиком. Он рос забавным курносый крепышом. С неожиданно

громким, командным басом и серьёзным выражением лица.

Маленький мужичок. Миниатюрная копия Владимира. Илюша даже брови хмурил так же, как Владимир, когда старательно собирал огромную башню из конструктора или выстраивал игрушечные машинки в длинный ряд.

Я так и не сошлась ни с кем из мужчин. Честно говоря, даже не пыталась.

Я знала, что вновь выгляжу привлекательно в глазах мужчин: от серой тени, которой я стала после похорон и выкидыша, не осталось и следа. Но меня не интересовали мужчины.

Точнее, меня интересовал всего один мужчина, предложивший подработать шлюхой по телефону в день рождения его сына.

Я нарочно не интересовалась жизнью Володи даже издалека: женился или нет, завёл детей или до сих пор бездетным. Я запретила себе это делать.

Когда Володя рвался ко мне, я его оттолкнула. Когда я, в свою очередь, поняла, что он нужен и дорог мне, стало уже слишком поздно.

Владимир — молодой, привлекательный и состоятельный мужчина, добивающийся успеха во всём. Уверена, что у него всё сложилось наилучшим образом...

Я думала, что смогу справиться со всем сама.

Я старалась ради Илюши, рядом всегда были мои родные, поддерживавшие в сложные моменты.

Я бы справилась со всем, если бы однажды в мой дом не пришла слишком большая беда.

Справиться с ней я бы не смогла.

Несчастье приключилось с Илюшей, когда я была на работе. На тот момент ему уже исполнилось два года.

Календарь перескочил на ноябрь, в тот день в гостях у нас была мама.

Я почти закончила всю работу, мысленно собираясь домой, как вдруг зазвонил мой телефон. Мама, рыдая, еле смогла выдавить из себя, что Илюша обварился кипятком.

Я рухнула на стул без сил, а потом сразу же вскочила и понеслась домой. Я второпях извинилась перед начальницей. Мне нужно было как можно скорее оказаться рядом с сыночком.

Маму с сыном уже увезли на машине скорой помощи в больницу.

Там Илюшу положили в травматологическое отделение. Меня к нему не пустили. Сказали, сильные ожоги. Маме тоже досталось: у неё была перебинтована икра.

Но она взрослый человек! А там мой сыночек...

Я слушала сбивчивый рассказ мамы и её извинения, понимая только то, что нам вскоре придётся очень несладко.

Мама вскипятила воду в ведре и собиралась убрать его, а Илюша крутился рядом и умудрился опрокинуть кипяток. Он не удержался на ногах и упал прямиком туда. Его привезли в больницу. По словам медсестры, местами кожа слезла лохмотьями.

Мне резко подурнело от слов медицинского персонала. В голове творился крошечный ад.

Я, до этого ни разу не молившаяся, лихорадочно перебирала в голове обрывки молитв. Неважно, кому, лишь бы спасти жизнь своему сыну.

В больнице меня заверили, что сделают всё возможное. Но сразу же выкатили список необходимых медикаментов.

Бесплатная медицина оказывается условно бесплатной. Когда дело касается серьёзных вопросов, приносить приходится очень многое.

— Ожоги серьёзные. На восстановление потребуется много сил и финансов, — сразу же предупредил врач, наблюдавший за состоянием Илюши.

— Его переведут в областной ожоговый центр?

— Пока в этом нет необходимости. У нас хорошие специалисты, они сделают всё возможное. Но и вам придётся приложить немало усилий. И сейчас, потому что сами понимаете, — развёл руками врач. — И потом. На восстановление уйдёт не один месяц.

— Какие шансы у Ильи?

— Надеемся на лучшее. Но если у вас есть возможность лечить мальчика в хорошей частной клинике, лучше сделать это. Пока мы будем лечить и наблюдать мальчика здесь...

Глава 54. Янина

Врач успокоил меня, но в реанимационное отделение меня так и не пустили.

Мама сидела бледная и заплаканная, с глазами огромными, как плоски. Она просила прощения за то, что не уследила за Илюшей.

Я приехала домой поздно. Меня едва не вывернуло наизнанку, когда я убирала остывшие лужи воды на полу кухни. В этом кипятке едва не сварился мой малыш!

Хотелось упасть на пол и безостановочно выть от ужаса и отчаяния, но нужно было действовать.

Сбережений у меня почти не осталось. На последние деньги я обновила мебель: купила новый диван. Сейчас я смотрела на этот предмет мебели, проклиная себя: зачем мне нужен был новый диван?!

Я обзванивала немногих знакомых с просьбой занять денег. Кто-то пообещал, что поможет. Кто-то тактично намекнул на помощь от государства и частных фондов.

Стас в это время был на вахте, он пообещал приехать пораньше, но ничего конкретного не мог гарантировать. Их семья тоже не могла выручить меня большой суммой денег: они недавно купили машину и жили так же, как и я: от зарплаты до зарплаты.

Это были сумасшедшие дни: бесконечное дежурство в коридорах больницы, беготня в попытках собрать денег на операцию.

Меня не пускали к Илюше, только просили то одно, то другое. Говорили, что состояние стабильно тяжёлое, но в областной ожоговый центр не спешили переводить, говоря, что в этом нет необходимости.

Я едва не сорвала голос, крича, но есть стены, которые можно подвинуть только финансами и связями.

У меня не было ни того, ни другого. Моих собственных денег навряд ли бы хватило на операцию в частной клинике.

Тогда я решилась позвонить Владимиру.

Я не думала, что после того разговора когда-нибудь наберу его номер. Но сейчас жизнь сына для меня была на первом месте, важнее всех прошлых обид и чувств, которые крепко засели внутри меня.

Я набрала номер Владимира. Он не записан у меня в телефонной книжке, но я знаю его наизусть. В трудные моменты мои пальцы сами набирали его номер и стирали раз за разом, пока странная слабость не исчезала.

«Володя — это крайний случай!» — говорила я себе.

И похоже, крайний случай настал. Потому что я сама не справляюсь.

Он ответил не сразу. Первый звонок остался без ответа. Я хотела отбросить телефон подальше, но речь шла теперь не о моих чувствах или гордости. На кону стояла жизнь Илюши.

Так что я была готова унижаться и просить Володю о помощи.

Он ответил только с третьего раза. Я замялась, слушая дыхание на том конце связи. Но всё же смогла сказать.

— Володя? Это я. Янина. Мне нужна твоя помощь...

Пожалуйста...

Моё сердце билось, как сумасшедшее, в ожидании его ответа. Но вместо мужского голоса я услышала высокий женский голос.

— Да? А больше тебе ничего не надо?

Я едва не поперхнулась. Телефон начал казаться змеей, готовой ужалить в любой момент. Но я всё же не отбросила его.

— Извините. Возможно, я ошиблась номером. Я... я ищу Владимира Русакова.

— Ха... — рассмеялась неизвестная женщина. — Ты позвонила именно ему, милочка. Но ты ошиблась, думая, что он станет говорить с тобой.

— Извините. А вы... кто?

— Совсем охренела? — ядовито выплюнула говорящая. — Я его законная жена. Я не потерплю звонков от наглых шалав. Ясно?

— Извините, но вы меня не так поняли! — попыталась я облагородить взбесившуюся ревнивицу. — Я... родственница. Я жена покойного брата Володи. Меня зовут Янина. Передайте, пожалуйста, Владимиру, что я звонила.

— Послушай, родственница! — хмыкнула женщина. — Вас таких, голодных и обездоленных, половина России наберётся. И все каким-то боком родственники. Здесь тебе не Красный Крест! Нужна помощь? Обратись в специальные социальные службы. Владимир не станет говорить ни с тобой, ни с любой другой нищей рваньё! Звонить

бесполезно.

— Позвольте мне услышать Владимира? — попросила я. — Мне очень нужна его помощь. Это касается ребёнка!

— Бог поможет. Всем детям, а также сирым, убогим и юродивым. Всего хорошего. Можешь не звонить. Этот номер теперь принадлежит мне! — заявила женщина и сбросила вызов.

А я застыла на месте. Меня как будто окатили помоями с ног до головы. Я отёрла слёзы, сбегавшие по щекам. У Владимира своя сеть АЗС... Должен быть номер телефона его офиса.

Я позвонила в офис и попала в приёмную. Секретарь вежливо поздоровалась.

— Владимир Георгиевич отсутствует на рабочем месте, — проворковала секретарша.

— Он скоро вернётся?

— Я не могу сообщить вам такую информацию.

— Хорошо. Вы знаете номер его телефона?

— Я не могу сообщить вам такую информацию, — ответила секретарша, словно попугай.

Она наотрез отказалась говорить хотя бы что-то. Я едва не взвыла от отчаяния.

— Хорошо. Если вы не хотите давать мне его номер телефона, позвоните ему, пожалуйста, сами. Передайте ему, что звонила Янина Русакова. Это очень важно! Пожалуйста!

— Хорошо. Я передам! — ответила секретарша предельно вежливым, но таким холодным тоном, что стало понятно: не передаст. Она забудет моё имя сразу же, как только положит трубку.

Последняя надежда растаяла в звуке равнодушных гудков...

Глава 55. Алина (жена Владимира)

Алина сбросила вызов и удалила его из журнала звонков. Она всем нутром чувствовала, что звонок неизвестной девушки — не просто крик о помощи. Дрожащий голосок блеющей овцы неприятно царапнул слух Алины.

А ещё это имя и фамилия...

Просто родственница? О, нет, пытайся обмануть кого-нибудь другого!

Но Алина за полтора года брака успела кое-что узнать и неплохо изучить своего супруга. И по поводу так называемой родственницы она была в курсе.

В доме Русаковых были фотографии погибшего брата-близнеца, Ярослава и его жены Янины.

Фотографии как фотографии. Алина бы значения им особого не придавала, если бы как-то не решила сделать перестановку и убрать это фото с видного места в гостиной. Вместо него она повесила большой портрет с собственной свадьбы.

Владимир всегда много работал.

Иногда Алине казалось, что он женат на работе. Интуиция подсказывала, что он просто ищет повода не приходить домой раньше.

Но самолюбие упорно отрицало эту мысль.

В тот день Владимир так же, как и всегда, приехал поздно.

Алина была в спальне, но она знала, что сейчас Владимир направляется к бару, распуская на ходу галстук. Наливает себе спиртного. Осушает два бокала виски.

Только потом он скажет что-то вроде: «Как прошёл день?» или «Добрый вечер, Лина!» Скупно поцелует подставленные губы и отправится в душ.

— Алина! — крикнул Владимир.

Алина в этот момент прихорашивалась возле зеркала. Она собиралась поехать с подругой в кафе.

— Алина! — нетерпеливо крикнул супруг. Громче и злее.

Злитесь? Алина торопливо вышла и наткнулась на взгляд мужа,

полный негодования.

— Где фото, Алина?

— Какое фото, милый? — проворковала она и обняла мужа.

Он резко отцепил её руки от себя и сжал запястья, словно железными тисками.

— Где. Блядь. Фото? И не изображай из себя идиотку. Верни фото на место. Немедленно!

Владимир расцепил хватку и оттолкнул её от себя. Сев в кресло, он неотрывно наблюдал за суетливыми движениями жены.

Разумеется, Алина тут же принесла фотографию. Владимир вырвал у неё из рук фоторамку. Сам снял свадебный портрет и на его место повесил вот это фото, со свадьбы своего брата.

Владимир небрежно швырнул на диван их свадебный портрет.

— Хочешь любоваться на себя? Повесь в спальне на свою мемориальную стену, — презрительно скривил он губы, имея в виду стену, где Алина развешивала свои фотографии.

Алина оскорбилась, решив, что сегодня придёт гораздо позже. Или вообще не придёт, останется ночевать у подруги! Пусть муж немного поревнует!

Но правда в том, что муж не будет ревновать. Он сделает ей замечание. Таким тоном собаке указывает, где ей следует сесть. Но ревности в его недовольстве не будет ни капли.

— Ты что-то хотела? — спросил он, чувствуя её взгляд.

— Нет. Я с подругой...

— Валяй.

Даже не выслушал.

— И не трогай это фото. Ясно? Ещё раз уберёшь его, вылетишь из дома. С тем, с чем пришла сюда.

Алине пришлось поджать губы и проглотить обиду. Но вместе с проглоченной обидой она затаила и злобу. Она сразу поняла, что дело не в том, что на фото изображён погибший брат-близнец. Она много раз убирала другие фотографии с братом и меняла местами. Но то были другие...

А вот эта — табу. Нельзя трогать. Дело было не в погибшем Ярославе, а в его хорошенькой жене.

Сравнивая другие фотографии, Алина поняла, что Янина, жена Ярослава, на этом фото вышла лучше всего. Красивая, счастливая и

такая трогательная, что кажется не девушкой, а сказочной феей, случайно попавшей в нашу реальность.

Алина возненавидела это фото, а заодно и девушку на нём. Уж слишком часто ловила она взгляд мужа, направленный на это фото. Вот на свою жену он так никогда не смотрел.

Хотя Алина была, несомненно, эффектнее этой девушки, выглядевшей почти как ребёнок. Доверчивые круглые глаза на кукольной мордашке. Словно вот-вот разревётся, даже несмотря на улыбку на лице.

Но Владимиру она нравилась. Очень нравилась. Он почти не говорил о брате, не упоминал его жену. Но Алина чувствовала, что не ошибается в своих предположениях.

Чего стоит только одна угроза: *«Не трогай фото или вылетишь из дома с тем, с чем пришла»*.

Вылетать из благоустроенного дома и сытой хорошей жизни ей не хотелось.

Алина познакомилась с Владимиром на одном из корпоративов. В крупном ресторане гуляли новогодние корпоративы сразу несколько компаний. Владимира она заметила сразу. Невозможно было не обратить на него внимание.

Ухоженный, самодостаточный, красивый, но не слащавый. И почти не улыбается. Даже когда все полупьяные сотрудники едва не рыдали от смеха во время типичных глупых конкурсов, Владимир едва приподнимал уголки губ. Как будто делал одолжение.

Их столкнул один из таких конкурсов, куда владельца сети АЗС вытащили едва ли не силой. Сидеть на коленях у этого мужчины оказалось приятно. Ещё приятнее было чувствовать тепло и крепость мужского тела. А потом Алина, осмелев, пригласила мужчину потанцевать.

Владимир, прежде чем согласиться, смерил её взглядом с ног до головы, подумал и только потом согласился. Танец плавно перетёк в беседу, в которой Алина щебетала, словно райская птичка. А позже недвусмысленно пожаловалась на то, что от шума разболелась голова.

Переместиться в более тихое местечко? Разумеется...

Переместились и весьма удачно.

Глава 56. Алина

Алина была рада и чувствовала себя героиней если не сказки, то красивой мелодрамы.

Жизнь с Владимиром стала более лёгкой, красивой и благополучной.

Алина усердно отмахивалась от мыслей, что Владимир холоден и не походит на влюблённого мужчину. Он выбрал её, как выбирают автомобиль: ухоженный, удобный, с маленьким пробегом, пусть уже и не первый хозяин.

Уходить с тем, с чем пришла Алине не хотелось. Уходить-то было не с чем. Ей просто повезло встретить богатого и холостого мужчину.

Совсем-совсем не хочется лишаться денег, удобства и уверенности в будущем из-за глупого фото.

Пусть фото остаётся фото.

А потом этот звонок.

Изнутри Алину как будто кислотой обожгло. Кислотой ревности и эгоистичного желания обладать.

Женская интуиция не ошибается. Стоит только Владимиру услышать бление этой овцы и посмотреть в зарёванные глаза...

Нет.

Плевать, что там стряслось у этой овцы. Выпускать своё из рук Алина не желала.

Значит, звонка просто не было. Не станет эта дурочка названивать ещё раз! Таких скромных овец, как она, обломать проще всего, щёлкнув по носу и облив дерьмом.

Алина едва успела стереть звонок из журнала и положила телефон, забытый мужем, на место, как он вошёл в комнату.

— Что-то случилось, милый?

— Телефон оставил. Не видела?

— Нет. Давай наберу?

Телефон «обнаружился» под газетой на журнальном столике. Владимир попрощался и сухо поцеловал жену в губы.

— Надолго уезжаешь?

— Вернусь, как решу срочные вопросы, — отрезал супруг и вышел.

Он даже не уточнил, куда уезжает и зачем. Алина чувствовала себя красивым аксессуаром, с которым не стыдно прогуливаться на пышных мероприятиях. И не то чтобы она расстраивалась.

Её всё устраивало. И роль, и состояние, и довольно регулярный секс. Можно было, конечно, и добавить огонька в этот секс, но Владимир и тут был сдержан. Он занимался этим так, как другие выполняют рутинную работу. Необходимую и приятную, но рутинную.

Сам чёрт знает, где он витал мыслями в это время. Но явно не с ней.

Хотя... после инцидента с фотографией Алина поняла, где он витает мыслями. И даже на это можно закрыть глаза.

На всё можно закрыть глаза. На фантомное присутствие третьего лишнего можно закрыть глаза.

Но только не на появление этой лишней в их реальной жизни! Алина чувствовала: стоит этой овце поманить Владимира пальцем, как их браку придёт конец. Если он так легко раскидывается угрозами о разводе из-за простого фото.

Алина забеспокоилась. Она надеялась только на то, что больше эта дурочка не станет звонить её мужу.

Чем можно удержать мужчину, который тебя не любит? Ребёнком? Ребёнком, да?

Но тут у Алины не было козырей на руках. Владимир хотел ребёнка, но у Алины, как оказалась, была врождённая патология. Забеременеть не удавалось.

Владимир, узнав о том, что родить сама Алина не сможет, даже как будто не расстроился. Не стал предлагать суррогатное материнство, вскользь обронив, что есть ещё время подумать.

Полгода назад это было Алине на руку. Для детей было ещё рано, считала она. Успеют обзавестись кричащими младенцами.

Но сейчас она грызла ногти, с досадой думая, что надо было озадачиться этим с самого начала. Чтобы крепче привязать к себе желанного мужчину.

Алина ещё раз прокрутила разговор в голове.

Нет. Не должна эта дурында позвонить ещё раз...

Глава 57. Владимир

Ноябрь для меня — как персональное приглашение на казнь.

Мне вспоминается сразу всё: и гибель брата, и моя больная на всю голову любовь к его жене... Вдове, находящейся от меня за тысячи километров, живущей собственной жизнью с моим-не моим ребёнком.

Я даже не захотел узнать пол ребёнка.

Янина хотела отрезать меня, как ломоть, от своей жизни. А я не был уверен, что смогу сдержаться в рамках приличия и благоразумия, если узнаю о ней... о них ещё хоть что-то.

Проще было поступить так же, как она: ударить сильнее и повернуть клинок в ране как можно глубже.

Вот только ударил я в первую очередь по себе. Я бы соврал, сказав, что за это время ни разу не попытался сорваться и прилететь к ней. Пытался. Даже прилетал, но не выходил дальше зала ожидания аэропорта. Тупо сидел, покупал обратный билет и улетал.

Я мог бы её найти, но это было бы против правил, верно? Против тех правил, которые мы сами написали.

Ты и я.

По разные стороны.

Давай не будем помнить друг о друге?

Но, сука, помнилось, как назло.

И ничего не помогало: ни загулы, ни работа на износ, ни даже, блядь, собственная женитьба. Может, ребёнок примирил бы меня со всем? А оказывается, что у красивой Алины есть изъян: она не может иметь детей.

Красотка хлопнула ресницами, но видно было, что она не сильно расстроилась. Ещё успеется.

Это как будто насмешка судьбы. А может, и к лучшему? Брак с нелюбимой женщиной ещё ничего не значит, но дети — это уже другое.

Навряд ли бы дети примирили меня с тем, что мне было банально похуй на свою жену. Стервозная красавица, да-а-а-а, и очень яркая... Именно такая, какую я когда-то пообещал объезжать, чтобы забыть Янину.

А по факту — мне насрать на свою жену. На всё насрать. Я передвигаюсь как какой-то механический человечек, внутри которого однажды что-то замкнуло и до сих пор не починилось.

Очередной ноябрь вывернул меня наизнанку. Прошло три года с момента гибели моего брата.

Цифра «три» гнусно ухмыляется мне в лицо: три минуты разницы между мной и братом, три года минуло с момента его смерти.

Поздним вечером мне не хотелось возвращаться в дом, не хотелось возвращаться куда-либо вообще. Хотелось только мотаться в дороге без перерыва.

Хоть куда... Ехать, идти, лететь... Но только не стоять на месте.

Я заехал в любимый трактир и немного выпил, а потом сел за руль. Я выезжал с парковки, сдавая назад. Я не сразу заметил девушку с ребёнком. Но вовремя остановился. Они не пострадали, но сильно перепугались. Мальчишке на вид было года два. Столько же, сколько моему сыну или моей дочери.

В тот момент у меня в голове переключилось окончательно.

Разве это жизнь? Где-то далеко у меня есть ребёнок от некогда любимой женщины, а я совсем ничего о нём не знаю.

Да, я сам не захотел, оттолкнул. Но и Янина неплохо постаралась для того, чтобы оттолкнуть меня намного раньше.

Я плюнул на своё решение не лезть в её жизнь и позвонил одному знакомому, чтобы он по своим каналам пробил, где сейчас живёт Янина. Потому что я не был уверен, что она до сих пор живёт в том же городе.

Оказывается, что жила там же до сих пор.

На следующий же день мне предоставили сведения о месте проживания Янины и... её сына.

Русаков И. Игорь? Илья? Иван? Каким именем она его назвала?

Можно было попросить узнать подробнее. Но я твёрдо решил выяснить подробности на месте. Я так торопился, что едва не сорвался с места без телефона. Но вовремя вернулся, торопливо попрощавшись с женой.

Я не стал ставить её в известность ни о чём. Я просто хотел увидеть Янину и своего сына. Но не только увидеть. Мне нужно было от неё кое-что ещё. Я хотел от неё ребёнка. Её и моего ребёнка...

Я прилетел в город, но не стал сразу бросаться по известному адресу. Остановился в отеле. Меня раздирали на части тревога,

смятение и предвкушение.

Я покинул пределы отеля ненадолго, чтобы просто прогуляться по городу. В первый раз я толком не успел разглядеть этот городок.

Конечно, в нём не было ничего примечательного. Но для меня он особенный тем, что здесь живёт Янина. Возможно, гуляет тем же маршрутом, что и я сейчас, дышит тем же воздухом...

Я гулял до тех, пор, пока не замёрз, а мозги в голове не начали напоминать студень.

Зачем я приехал? Просто посмотреть и растравить себе душу ещё больше?

У Янины есть ребёнок, которого она хотела. Я как приложение к нему на хрен ей не сдался даже даром.

А что, если попросить взамен того же, что и она от меня когда-то?

Мысль промелькнула, но не давала покоя.

Я понимал — опять ищу повод для того, чтобы стать ближе хотя бы так. Моя просьба будет кощунственной. Какое право я имею требовать от Янины хотя бы капельку внимания?

Вернувшись в отель, я решил, что погулял достаточно. Начало дня — нужно выдвигаться. Сначала навещу Янину на дому, если не застану, буду искать дальше. Я автоматически проверил карманы: телефон был на месте, а кошелек с наличностью и карточками не оказалось.

Я нахмурился, вспомнив, что снял пиджак с кошельком во внутреннем кармане, а когда ушёл гулять, оставил пиджак на стуле. Он и сейчас висит там же. Но уже без кошелька.

Сам виноват, болван. Я сразу же позвонил на администрации, чтобы узнать, кто был в номере в моё отсутствие.

Я поставил в известность администрацию, предоставив им возможность самим разобраться с воришками. Наличности у меня достаточно, но не критично. Карточки без пин-кодов бесполезны, я заблокирую их по одному звонку.

Гораздо больше меня злила вынужденная задержка.

— Господин Русаков, в ваше отсутствие в номере была только уборщица. Но она отрицает свою вину.

Отрицает?

— Позвольте взглянуть на вашу уборщицу? — хмыкнул я.

— Хорошо. Сейчас охранник приведёт её к вам. Позвонить в полицию?

— Сначала посмотрю на вашу воровку, потом решим, что с ней делать. Может, совестно станет, и признается? — немного раздражённо отвечаю я, желая поскорее разобраться с этой нелепой задержкой.

В дверь номера постучали через несколько минут. За дверью послышался низкий мужской голос, успокаивающий:

— Да я-то верю, что это не ты, но Любовь Николаевна сказала тебя привести. Из девок тебя кто-то подставил. Они ушлые, ничего не боятся! Я по камерам посмотрю, вдруг чего увижу.

Мужчине ответили. Едва слышно, но мне был знаком этот голос. Я узнал бы его даже по шёпоту.

Я пересёк комнату за несколько шагов и распахнул дверь, жадно вглядываясь в девушку и не веря своим глазам:

— Янина?

Я обвёл взглядом её фигурку и личико. Чертовка. Ни хрена не изменилась. Только вид смертельно уставший, как намертво прилипший. И глаза огромные-огромные, полные слёз и обиды. Янина нахмурилась и сердито взглянула на меня.

Я схватил её за запястье и потащил в номер.

Охранник, пожилой мужчина, нахмурился:

— Мужчина, вы руки-то не распускайте! Может быть, у вас и пропал кошелёк, но вина Янины не доказана. Это всё досужие домыслы! Моё мнение — так вообще надо полицию вызывать и снимать отпечатки пальцев! — закончил он гневную тираду.

— Зайди, а? — спросил я, глядя только на Янину. — Разговор к тебе есть.

— Кажется, вы что-то хотели спросить? — опять встрял охранник, чем немало выбесил меня. Что он встревает? Кто он Янине? На стариков потянуло, что ли?

— Спасибо, дядь Толь. Идите. Я знаю этого мужчину. Владимир — мой деверь, — ответила Янина. — Идите, идите. Я скоро спущусь...

Охранник коротко кивает и нехотя уходит.

Я втаскиваю Янину в номер, чувствую, как меня начинает колотить безумной дрожью и яростью с привкусом моей одержимости... Ею.

Я захлопываю дверь и заставляю себя отойти на несколько шагов. Хотя хочется совсем иного. От одного вида пухлых губ без следов помады у меня подскочил пульс, и резко ударило в голову возбуждение.

Я как будто вечность воздерживался от секса.

Сейчас меня дико штормит. Сучка всё так же хороша и притягательна для меня. Даже шрамик на щеке виден, только побледневший. Моя любимая и ненавистная метка на ней. Лунная...

— Работаешь уборщицей? — спрашиваю я.

Спрашиваю совсем не то, что хотел. Мой голос резок и полон недовольства. От осознания того, что меня на ней всё так же безумно клинит, только сейчас стало ещё хуже. Потому что я не видел Янину целую вечность и соскучился по ней, как по чистому воздуху.

— Работаю. Приходится, — едва слышно отвечает она, пряча глаза.

— Ха. Уборщица? Именно этого ты и хотела, да? А что глаза от меня прячешь? Стыдно? Зачем воровать?

Янина вскидывает на меня возмущённый взгляд.

— Это не я! Я здесь работаю и прибирала в этом номере. Но я не воровка!

— Кроме тебя, в моё отсутствие в номере никого не было, — возражаю я. — Впрочем, можешь оставить все деньги себе. Но взамен я хочу кое-что получить!

Глава 58. Янина

Владимир.

Я не ожидала его увидеть здесь. Не думала, что мы увидимся когда-нибудь. Ещё и при таких обстоятельствах.

В целях собрать как можно быстрее деньги на операцию для Илюши, я хваталась за всё подряд. Я очень много работала, выполняя работу по бухгалтерии на дому, и бралась за любую подработку. Даже за такую.

Дядя Толя работал охранником в отеле и на той фирме, где я подрабатывала бухгалтером. Он как-то сказал, что нужна подменная уборщица. А мне было плевать. Я была согласна на всё.

Дядя Толя замолвил за меня слово перед управляющей, я авансом взяла деньги за месяц работы.

У меня в голове крутились мысли только о своём сынишке, жизни которого угрожает опасность. Я видела перед собой только одну цель и не задумывалась ни о чём другом.

Я убирала этот номер, так же, как и другие. Но я ни за что не стала бы воровать.

Но Владимир, похоже, не верит. Никто не верит. В отеле знают, что мне срочно нужны деньги. К тому же в отсутствие Володи только я заходила в номер. Все указывало на меня.

И в первую очередь укоряющий взгляд Владимира, полный сожаления.

А я... чёрт! Почему я чувствую себя виноватой? Я же не крала его чёртовы деньги! Но я виновата перед ним во многом другом.

Чувство вины резко накрывает меня с головой. Я начинаю нервничать. Я как будто вернулась на три года назад.

Володя легко считывает моё состояние. Он всегда чутко относился ко мне. Моё чувство вины он ощущает не хуже меня. Но делает неправильные выводы. Он посчитал, что мне стыдно из-за воровства.

— Володя... Володя... Я не брала твой кошелек. Я не воровала деньги.

Я чувствую себя нашкодившим ребёнком, стоя перед ним. Дрожу,

как сухой лист дерева, который вот-вот подхватит ветром и унесёт.

Не хочу разглядывать его. Но сама разглядываю.

Владимир опять отрастил волосы. Волнистые пряди аккуратно подстрижены и уложены. Он возмужал на лицо так, будто прошло лет пять или семь, а не неполных три года.

Взгляд стал ещё тяжелее.

Или я просто давно его не видела.

Так давно, что сейчас его взглядом меня пригибает к полу. И я, быстро окинув крепкую, ладную мужскую фигуру взглядом, начинаю рассматривать носки своих туфель.

— Не ты? — спокойно спрашивает Владимир.

Он неторопливо подходит и останавливается напротив. От запаха его парфюма начинает кружиться голова, и становится тяжело дышать.

— Если человек решается на воровство, значит, ему очень сильно нужны деньги. Янина.

Владимир одной рукой стискивает плечо, а пальцами второй руки поддевает подбородок, вынуждая посмотреть на него.

— Нужны? Да или нет?

Владимир смотрит так, что соврать не получается. И не хочется врать. Мне хочется только одного: облегчить страдания Илюши.

Я ведь сама искала Владимира... Неужели та стервозная женщина всё-таки рассказала о моём звонке? Или секретарша передала?

Но всё равно... Владимир не знал, где меня искать. Нашёл сам... Приехал.

И от этого одновременно радостно и горько.

— Да или нет? — резко спрашивает он.

— Да, — шепчу я, понимая, что его лицо расплывается перед глазами. — Нужны... У меня...

Владимир накрывает мои губы ладонью.

— Молчи. Не хочу ничего слышать о твоей... — подчёркивает он. — О твоей жизни. Ты выкинула меня. Сказала, для меня там нет места. И меня не интересует, как и чем ты жила, куда спустила всё. Мне плевать. Абсолютно плевать. Понимаешь?

— Тогда зачем ты здесь? — спрашиваю, опустив его руку.

— Случайность, — усмехается он. — И тебе как раз нужны деньги. Сколько?

— Много...

— Ха. Много. А мне тоже кое-что нужно. От тебя.

Владимир немного опускает голову, чтобы посмотреть прямо в мои глаза.

— Давай заключим сделку? Я дам тебе денег. Столько, сколько пожелаешь. Миллион, два, пять, десять... Любую сумму. Но сделка — это сделка. Нужно предложить что-то взамен.

Взгляд Владимира пьяно гуляет по моему лицу, останавливается на губах и скользит ниже, по шее. Под этим жарким взглядом учащается пульс.

— Что ты хочешь? — спрашиваю я, понимая, что именно он попросит.

Постель? Секс? Это ему нужно? Но я не угадала, потому что Владимир говорит:

— Роди мне ребёнка.

— Что?

— Да. Вот такая просьба. У тебя есть ТВОЙ ребёнок. Который никак не касается меня, да? Он же... — Владимир усмехается. — Только твой.

— Почему я? Как же жена?

— Моя жена не может родить. И я даже не рассматривал вариант суррогатного материнства. Вдруг вспомнил о тебе. О маленькой услуге, которую я тебе оказал. И прошу о том же. Дай мне моего ребёнка. Он будет только моим.

— Ты сумасшедший, Володя!

— Почему же? Забеременеешь, родишь. Напишешь отказную. Мы с женой усыновим этого ребёнка. У меня будет мой ребёнок. А ты — всего лишь средство. Нравится?

— Нет. Я не пойду на это. Мне не нравится...

— О... Тебе не нравится сама мысль быть использованной и выброшенной в сторону? Не нравится быть средством, а не целью? — резко спрашивает Владимир, перемещая руки чуть ниже.

Его пальцы задерживаются на плечах, а потом скользят по груди. Я начинаю чаще дышать, чувствуя тепло мужских ладоней.

— Соглашайся. Другого варианта не будет. Судя по тому, что ты опустила до воровства, ситуация у тебя безвыходная, — ровным голосом говорит он, начиная расстёгивать пуговицы.

Цепляюсь за мужские пальцы, удивляясь его циничности и

холодности. Но потом вспоминаю наш последний разговор. И невольно содрогаюсь. Он цеплялся за мои пальцы и не хотел отпускать. А мной было сказано столько слов, что их убийственной силы хватило бы на десятерых.

Теперь ситуация повернулась другой стороной.

Владимиру плевать на все, до единой причины. К тому же он считает меня воровкой. Поэтому небрежно стряхивает мои пальцы и продолжает раздевать.

У меня в горле стоит ком. И голос хриплый.

— Это слишком.

— Нет ничего слишком. За тобой будут наблюдать лучшие врачи. Родишь — свободна.

Владимир уже расстегнул блузку и оттянул мягкую ткань бюстгалтера вниз. Обхватил грудь всей пятерней, пощипывая.

— Деньги получишь тогда, когда надо будет.

Закрываю глаза.

— Мне надо срочно.

— Тогда не будем зря терять время.

Глава 59. Янина

Владимир резко выкручивает соски и отстраняется. Но только для того, чтобы задрать на мне юбку и усмехнуться.

— Колготки?..

Он не дожидается ответа. Просто подхватывает меня и пересаживает на комод. Не церемонится, цепляет камнем на перстне капрон и раздирает его пальцами. Я, наверное, просто сплю и вижу всё это во сне.

Но пальцы у Владимира очень цепкие и сильные. Он разводит бёдра в сторону и вклинивается торсом. Потом цепляется за пряжку своего ремня, начиная расстёгивать.

— Ты даже не спросил...

— Подходящий ли день? — усмехается Владимир. — Я большой мальчик и знаю, что забеременеть можно не только в подходящий день. Шанс есть всегда. Если ты не бесплодна. Но мы же оба знаем, что это не так, да?.. К тому же...

Владимир подвигает меня на край комода и стягивает с себя джинсы с бельём. Просовывает руку под хлопок моих трусиков, просто сдвигая узкую полоску в сторону. Тотчас же упирается возбуждённым членом в складки.

— Мне всегда нравилось тебя трахать. Не хочу отказывать себе в таком удовольствии.

Владимир сжимает меня за ягодицы, толкая на себя. В происходящем нет ни капли возбуждающего чувства. Для меня.

Ему — нравится. И моё унижение, и вкус собственной победы. Закрываю глаза, цепляясь пальцами за край комода.

— Не зажимайся, Янина. Отпущу только после того, как ты кончишь, — низким голосом выдыхает Владимир. — Отрабатывать придётся по полной программе. Вот этот мученический вид меня раздражает...

Он просит меня открыть рот и смачивает свои пальцы перед тем, как опустить их на мой клитор. Точные, выверенные движения. Умелые.

У Владимира очень красивые, сильные пальцы. И очень

чувствительные. Он считывает ими с моего тела отклик, как будто читает книгу по Брайлю.

И под напором его пальцев я начинаю дрожать.

— Умница. Расслабься. Будет лучше. Нам двоим, — просит он, двигая пальцами ещё быстрее, и одновременно с этим начинает толкаться членом внутрь.

Чувствую, как туго и плотно он входит в меня. Распахиваю рот, часто дыша. Как будто это первый секс в моей жизни.

И после долгого перерыва... он первый.

Владимир был последним мужчиной, и сейчас он заново вскрывает меня, вытаскивая на поверхность всё.

— Да-а-а... — стонет он и сильно дёргает меня, всаживая до упора.

Немного болезненно и ноет внизу живота с непривычки. Владимир замирает, давая привыкнуть. А потом начинает двигаться. Короткими резкими толчками. Разгоняется, привыкая. Лоно пульсирует и сокращается.

Телу плевать на двусмысленность ситуации. Владимир купил не только судорогу непрошеного удовольствия, но и будущего ребёнка. Уверена, что получится... Если он собирается стараться так, то непременно получится.

Ничего ужаснее в моей жизни ещё не было. И прекраснее тоже. Потому что мы как идеально подходящие друг другу части конструктора.

Туго, тесно, но уже влажно... Его член двигается свободно. Доходит до упора, двигается назад и вновь входит с влажным звуком.

— Узкая и горячая... — стонет он. — Ужасно мокрая. Скучала по мне?

— Нет, — едва ли не выкрикиваю я.

Владимир нарочно начинает вдавливать свой член. Резко и мощно. Выходит до самого конца и врезается на всю глубину. Он заставляет меня не просто дрожать, но агонизировать.

Тело вспыхивает искрами похоти и желания. Едва держусь на самом краю, как вдруг Владимир останавливается.

Его член пульсирует во мне. Крупное мужское тело дрожит от нетерпения.

— Открой глаза...

Владимир обхватывает пальцами шею и поглаживает кожу

большим пальцем.

— Давай, Янина. Посмотри на меня. Хочу увидеть, как тебе это нравится.

— Не... не нравится, — мучительно выговариваю едва ли не по слогам.

Предательское сжатие мышц лона выдаёт меня с головой. Владимир простонал, качнув бёдрами. Он чуть сильнее сжал шею.

— Смотри на меня. Давай, девочка. Нравится? Нравится, когда я тебя трахаю?

Хватка пальцев усиливается. Его член вновь наполняет меня. И всё тело становится словно желе, дрожит в ожидании скорой разрядки.

Секса у меня не было так давно, что даже после нескольких остервенелых минут я готова кончить.

Мучительно и остро хочется этого оргазма.

И нет... нет... не надо... Не на-а-а-а...

Но меня резко сжимает вокруг его члена судорогой сильного оргазма.

— Ещё... — рычит Владимир, ускоряясь.

Он вновь обхватывает двумя руками мои ягодицы. Его член врезается с влажными сочными шлепками. Ещё несколько движений...

Я откидываю голову назад, задевая макушкой стену. Высоко в воздух взлетают стоны. Они все равно вырываются через плотно сомкнутые губы.

— Я... скоро... кончу... — слышу я его голос, прерывающийся частым дыханием.

Особенно резкий и жёсткий толчок.

Я кончаю опять, но на этот раз уже вместе с ним. Потому что Владимир выплёскивается, фиксируя меня. Всё ещё толкается бёдрами. На лице написано чистое удовольствие.

Он прижимается лбом к моему, гладит скулы и шею пальцами, тяжело дыша. Большой палец очерчивает едва заметный шрам на моей щеке.

Владимир словно хочет что-то сказать, но передумывает, поджимая губы.

— Посиди так... — просит он, отходя.

Владимир неторопливо поправляет на себе одежду, отвернувшись от меня. Во рту скапливается горечь.

По телу проносится волна. Мерзко быть использованной вот так. Хотя мышцы лона всё ещё сладко сжимаются. Наконец, я слезаю с комода, поправляя на себе бельё.

В голове сотни мыслей, но ни одно слово не получается сказать. Нынешнему Владимиру не нужны мои слова.

Ему хочется слышать кое-что другое. Я стягиваю испорченные им колготки, застывая с этим куском капрона в руках. В дверь номера кто-то стучится.

Владимир открывает.

— Извините, пожалуйста... — слышится тихий голос работницы. Не могу понять, Валя или Аня. — Вас просят пройти в кабинет администрации. Воришку нашли. Это была горничная...

— Хорошо.

Владимир закрывает дверь. Потом оборачивается на меня и в два счёта пересекает пространство номера, останавливаясь передо мной.

— Янина, я...

Он тянется ко мне. Хочется увернуться и спрятаться. Но нельзя. Сейчас нельзя...

Глава 60. Владимир

— Янина...

Она прикрывает глаза и вздрагивает, оставаясь стоять на месте.

Меня прошибает насквозь. От её усталого бледного вида с лихорадочными алыми пятнами на щеках. От моего скотства.

Собственные слова кажутся комьями грязи, незаслуженно брошенными в её сторону. И оттереть бы да успокоить.

Но она дрожит так, словно молится о том, чтобы я провалился сейчас сквозь землю.

Понимаю, что ни хрена не изменилось. Стало только хуже.

Она научилась жить. Без Славки и уж тем более без меня. Плохо или хорошо, но живёт. А я не имею никакого права врываться и требовать чего-то от неё.

— Почему сразу не сказала? — спрашиваю и матерюсь.

— Сказала. Ты не слушал. Мне нужны деньги, но воровать я не стану! — всхлипывает она, комкая дурацкие испорченные мной колготки.

— Я сейчас вернусь. Посиди здесь, хорошо?

Янина едва заметно кивает. Но мне вдруг кажется, что стоит мне выйти за порог номера, как она сразу же умчится неведомо куда.

— Ни шагу в сторону!

Последнее было лишним. И я ни хрена не улучшил ситуацию. Поэтому поспешно выхожу.

И чувствую себя безобразно пьяным, бухим до животного состояния. Внутри и радостно от вида Янины, от запаха её тела, и хреново от всего, что есть между нами.

Я словно жую стекловату, оказавшуюся слишком сладкой, и неизменно раню себя и Янину.

В кабинете администрации заведующая отелом распинается в извинениях передо мной.

Горничная оказалась нечистой на руку. Я помню эту девушку. Она крутилась в номере, меняя постельное бельё.

Самое удивительное, что ей хватило наглости своровать кошелёк в

то время, пока я был в номере. Был, но не заметил ничего. Ловкая дрянь. Но я и сам виноват, оставив кошелёк в кармане пиджака.

— Прошу прощения, этого больше не повторится. Мы, конечно, уволим эту девушку... Вы будете писать заявление?

— Не надо, пожалуйста! — просит горничная Марина.

— Замолчи, — обрываю её. — Уведите. У меня разговор к вам...

Читаю имя и отчество управляющей, указанное на бейдже.

— Любовь Николаевна...

— Да-да, конечно. Толя, уведи её немедленно! И глаз с неё не спускай, пока господин Русаков не решил, как поступить.

Господину Русакову плевать на всё. Кроме того, почему в первую очередь указали пальцем на Янину. Я не думаю, что она воровала хоть раз! Но немногим раньше поверил. Просто прошло почти три года. Я понятия не имею, чем и как Янина жила всё это время.

Дверь захлопывается.

— Почему вы сразу указали на Янину?

— Извините, пожалуйста. Вышло недоразумение. Когда все всполошились, Марина первая шепнула, что Янине Руса...

Администратор осекается, понимая, что фамилии у нас с Яниной одинаковые.

— Это родственница, — сразу поясняю я.

— Извините.

— Ближе к делу. Извиняться нужно не передо мной. Я жду...

— Янина работает у нас совсем недавно, буквально несколько дней. У нас в штате не хватает уборщицы, но это временно. А Толя, охранник, просил пристроить девчонку. Не в моих правилах нанимать непроверенных людей. Но Толя поручился за неё. Когда у вас пропал кошелёк, сомнения сразу упали на новенькую. К тому же все в курсе её ситуации, что ей нужны деньги.

— Все в курсе ситуации. На что ей нужны деньги?

— Мальчонка у неё обварился. В кипятке искупался. Его разместили в городское ожоговое. Но случай сложный. Наши врачи сами знаете, как лечат. В областную почему-то не переводят. И...

Дальше мне уже было неинтересно слушать. Я резко вскочил и вихрем пронёсся обратно, метнувшись к Янине.

— Говори, что с сыном! Ну же!.. Почему молчала, Ян? Почему ты постоянно молчишь?

Я сам не заметил, как сорвался на крик, вцепившись в тонкие плечи пальцами.

— Илюше очень плохо. Большой ожог. Ему становится только хуже, — пролепетала Янина. — Мне нужны деньги, чтобы спасти ему жизнь...

— Собирайся. Живо.

Глава 61. Янина

Владимир собран и серьёзен. Он нанимает такси, чтобы добраться до городской больницы.

— Как это случилось? — спрашивает он.

Это были первые слова, что я услышала от него за всё время поездки.

— Несчастный случай. Я была на работе. Мама была у меня в гостях. У нас отключили горячую воду и электричество на целый день. Мама кипятила на газовой плите ведро с водой. Снимала с плиты и переставила его на пол. Илюша крутился возле ног. Нечаянно зацепил ведро, оно опрокинулось. Мама не успела его оттащить. Илюша упал в разлившийся кипяток...

— Мама. Всезнающая, да? — резко спрашивает Владимир.

Такси останавливается у больницы.

— Почему сразу не позвонила? Гордая такая?

— Я же...

— Ладно, потом разберёмся. Кто врач?

Владимир сразу проносится внутрь больницы. Тяжёлый больничный запах окутывает с головой. А потом начинает твориться хаос. Я сижу в коридоре на диване, слыша, как в отдалении гроыхает голос Владимира.

Меня не пускали к Илюше. Не помогали ни увещевания, ни обещания подмазать. Держали в коридорах и кормили обещаниями, что ему вот-вот уже должно полегчать.

Но глядя, как забегал медицинский персонал сейчас, понимаю, что я мало обещала и не способна говорить так, как Володя.

Владимир в сопровождении главврача направляется в сторону ожогового отделения. Я встаю, чтобы идти следом.

— Сиди здесь. Я скоро вернусь.

— Постой. Тебе можно? Тебя пустили? Я хочу увидеть сына!

Владимир отцепляет от своего локтя мои пальцы и толкает в сторону коридора. Он нетерпеливо натягивает больничный халат, суетливо предложенный кем-то из работников.

— Сиди. Ты сделала всё, что могла. Дальше я сам. Сиди! — едва не рычит он, видя, что я вновь подскакиваю.

Мне опять приходится ждать. Проходит полчаса или чуть больше, но мне кажется, что прошла целая вечность, прежде чем Владимир вновь появился около меня.

Лицо у него странно отстранённое, такого я не видела ещё ни разу.

— Вставай. Надо собираться.

Владимир разворачивается и идёт на выход. Даже не сомневаясь, что я побегу вслед за ним, как собачонка. Потому что сейчас он — единственное спасение.

— Володя?..

На улице он резко оборачивается.

— Молчи. Сейчас... Молчи. Мне удавить хочется тебя и себя. Нас обоих. За всё, что мы натворили. И за вот это... — он машет в сторону больницы рукой. — И за вот это в особенности...

Такси всё ещё стоит возле здания больницы. Наверное, Володя просил подождать, не помню.

— Где ты живёшь? Адрес назови!

Тишина в салоне автомобиля гнетущая. Таксист даже выключил разухабистый шансон. Владимир напоминает глыбу льда. Он не двигается и даже не смотрит в мою сторону. Его рука неподвижно лежит на сиденье. Рядом с моим коленом. Я боюсь пошевелиться: кажется, что меня заморозит навечно его ледяной яростью.

Мы поднимаемся на третий этаж. Владимир нетерпеливо вырывает у меня из рук ключи, видя, что я не попадаю в замочную скважину. Мамы дома нет. На кухонном столе лежит записка: «Ушла на рынок».

— Значит, ты живёшь вот так, да?

Владимир оглядывается, рассматривая пространство крохотной кухоньки. Прогуливается по залу, останавливается у корзины с игрушками и вздыхает.

— Собирай вещи. Я обо всём договорился. Сына срочно переводят в областное ожоговое.

— Володя. Тебя пустили к Илюше? Как он?

— Как?

Владимир оборачивается, внезапно смеясь.

— Как, блядь? Хуёво. Настолько хуёво, что меньше всего это... напоминает ребёнка! Он гниёт заживо, тело вздулось... А ты

спрашиваешь, как? Пока ты, сука, лелеешь свою гордость и хуй знает что ещё... Он помирает в этой захолустной больнице. Живьём гниёт, понимаешь ты или нет?

Я опускаюсь без сил на диван. Врачи отговаривались только общими фразами: тяжёлое состояние, нельзя трогать... нельзя транспортировать. Но обещали, что скоро полегчает.

Владимир нарезает круги по комнате, останавливается возле зеркала на ножках. Он внезапно срывается, ударяет кулаком по зеркалу. Слышится звон разбитого зеркала.

— Так тяжело позвонить и попросить о помощи? Неужели твоя сраная гордость и неприязнь стоят чьей-то жизни? Стоят жизни твоего сына, да? Отвечай, ну же! Что ты молчишь? Постоянно молчишь и убегашь! Добегалась! Ты убиваешь сына... Своего сына, в котором, по твоему мнению, нет ничего от меня...

Владимир тяжело дышит, остановившись напротив меня. Кровь стекает по разбитому кулаку, капая на ковёр.

— Хорошая вышла встреча. Так ты ответь мне. Оно того стоит, да? Сын умрёт, а ты будешь довольна, что высидела в своей раковине. О да, высидела, но не попросила о помощи. Отвечай! Почему ты в отеле сразу не сказала, в чём дело? Почему ты молчишь иставляешь меня монстром?

Владимир обхватывает пальцами мой подбородок. Пальцы мокрые и скользкие от крови. Он проводит большим пальцем по моим губам.

— Это делается вот так... Открываешь рот и говоришь... Говоришь... Говоришь... У тебя язык отнимается или просто отсыхает, когда дело касается меня? Так противно?

Внезапно он отстраняется. Глаза у него покрасневшие и странно блестят. Он резко выходит из комнаты. Слышится шум воды.

Я на трясущихся ногах иду следом за ним.

— Я... помогу. Тут аптечка.

Владимир умывается ледяной водой. Лицо и рубашка стали мокрыми.

— Себе помоги, Янина. Научись быть живой.

— Я звонила тебе! — выпаливаю я. — Звонила несколько дней назад!.. Я позвонила тебе почти сразу же!

— Врёшь!

Он выпрямляется, нависая надо мной.

— Звонила! — говорю я. — Я тебе звонила, Володя. На звонок ответила твоя жена... Она просто послала меня, сказав, что этот номер теперь принадлежит ей. И на работу тебе я тоже звонила. Сказали, что тебя нет в городе. Я просила твой новый номер телефона... Секретарша отказалась мне сообщать его. Я просила, чтобы тебе передали о моём звонке. Я хотела попросить тебя о помощи! Ты не прав, Володя. Это не гордость... У меня нет гордости, когда дело касается ребёнка.

Владимир молчит. Взгляд немного меняется.

— Умойся. У тебя всё лицо в моей крови. И собирайся, Янина! Потом будем выяснять подробности.

Я быстро выполняю всё: умыться, собрать документы и самые необходимые вещи. Оставляю маме записку на столе. Я, конечно, позвоню ей чуть позже. Но пусть останется и записка.

У Владимира всё ещё кровоточит рука.

— Давай я помогу?

— Ладно. Но пошевеливайся.

Я быстро залепляю ранки пластырем. Пальцы всё ещё дрожат, а перед глазами всё то и дело смазывается от слёз. Владимир нетерпеливо отбирает у меня пластырь, отбрасывая в сторону. Потом внезапно тянет меня к себе, усаживая на колени.

— Значит, звонила? — усмехается, вглядываясь в лицо.

— Да.

Я показываю ему список вызовов, доставая телефон из кармана джинсов.

— Звонила... — я словно оправдываюсь, потому что чувствую себя виноватой. — И ничего.

Владимир смотрит список вызовов и кивает, словно обещая самому себе что-то.

— С этим я тоже разберусь, — обещает Владимир, обхватывая моё лицо ладонями. — Не реви. Не реви, маленькая. Я помогу тебе. Всё, что угодно, помнишь? Даже луну с неба, только попроси.

Владимир нежно и бережно стирает слёзы. Я цепляюсь пальцами за его руку, трусь щекой.

— Не реви... Соберись, — просит он. — Всё будет хорошо.

Владимир резко приближает своё лицо к моему, целуя закрытые глаза.

— Я сделаю всё, что в моих силах, и вытащу его. Спасу твоего

сына.

Владимир ещё несколько минут баюкает меня в своих объятиях.

— А теперь пора...

Глава 62. Владимир

Я хотел, чтобы Янина осталась на квартире, которую я снял сразу же по приезду в другой город. Чтобы не слонялась по коридорам больницы.

Но на этот раз её, маленькую и хрупкую, было невозможно ни переубедить, ни отцепить от себя. Поэтому я махнул рукой. Пусть сидит.

У Ильи было обожжено было около тридцати процентов поверхности тела. Особенно сильно пострадали правая рука, животик и часть спины. Ожог был очень глубокий.

Врачи городской больницы через день после поступления мальчика сделали надрез на правой ручке, чтобы выпустить скопившуюся жидкость.

Должно было стать легче, но началось нагноение. От высокой температуры тело малыша раздуло, словно шар. Он уже едва дышал из-за сильного отёка лёгких. Желудочно-кишечный тракт «остановился».

Именно в таком состоянии Илью доставили в областной ожоговый центр.

Илье сразу же начали готовить к операции...

Заведующий областным ожоговым центром, Кирилл Владимирович, выругался из-за халатности и неправильного лечения врачей из маленького города, где жила Янина.

— Почему тянули, идиоты? Самонадеянность некоторых коллег в белых халатах поражает! Вы вовремя привезли мальчишку. Ещё несколько дней — и его было бы уже не спасти...

Илье сразу же назначили операцию. Врач заверил, что мальчик выздоровеет, шансы великие. Но восстановление будет непростым. Нужно будет сделать переливание крови после операции, и потом пересаживать кожу со здоровых участков на повреждённые.

Это всё — медицинские термины и краткий пересказ заведующего ожоговым отделением.

А у меня в голове сумбур.

Я впервые увидел сына.

Я увидел его в таком состоянии, что теперь я знаю лицо своего ночного кошмара.

Янина рвалась к своему сыну. Я мог бы устроить так, чтобы она увидела мальчишку, пребывающего в полубессознательном состоянии.

Но я не стал этого делать.

Ей ни к чему видеть сына в таком тяжёлом состоянии. Меня самого потряхивает так, что я боюсь сойти с ума. Несмотря ни на что, я не позволю Янине видеть это.

Янину пустят к сыну не раньше, чем ему значительно полегчает.

Всё остальное время общаться с врачами и посещать сына буду я. Янина может сколько угодно обижаться на меня и плакать. Может быть, она ещё больше возненавидит меня за чёрствость и цинизм.

Но всё я это делаю ради её же блага. Я всё делаю ради неё. Может, однажды она это, если не оценит, то хотя бы поймёт.

Операция длилась очень долго. За это время я успел выкурить не одну пачку сигарет и казался себе накачанным под завязку никотином.

Янина сидела, не двигаясь, прямая, как струна.

Ко мне подошла медсестра и пригласила на беседу с хирургом. Янина шевельнулась, впервые за несколько часов.

— Янина, жди меня здесь. Я скоро приду...

Врач выглядел уставшим.

— Мы вывели мальчика из шокового состояния, сняли омертвевшие участки кожи, сразу закрывая их стерильными лоскутами свиной. Так получится избежать заражения и унять боль.

Я переваривал услышанное.

— А как же пересадка кожи?

— Не всё сразу. Простите, не запомнил ваше имя.

— Владимир.

— Не всё сразу, Владимир. Повреждения обширные. Под этими так называемыми лоскутами раны подсохнут... На это потребуется недели полторы или две при благоприятном стечении обстоятельств. Только после этого можно будет пересаживать кожу малыша с не пострадавших участков тела.

— Операция прошла успешно?

— Операция была сложной. Но прошла, надеюсь, успешно. Мальчика перевели в реанимационное отделение...

— Его можно увидеть?

Врач отрицательно покачал головой.

— Пожалуйста. Я хочу посмотреть на него хотя бы издалека... Мне нужно успокоить его маму. Я должен убедиться...

— И что вам скажут показания приборов? Вы врач? — усмехнулся доктор.

— Нет. Вы можете надо мной смеяться, но сегодня — первый день, когда я вижу собственного сына. И в таком состоянии.

— Впервые? — удивился врач.

— Впервые. У нас с его матерью сложные отношения.

Врач колебался.

— Хорошо. Вас проведут. Но мальчик в бессознательном состоянии. Эта операция — первая, но не последняя. Может потребоваться переливание крови... Какая у вас группа?

— Третья отрицательная. Ничем не болен...

— Отлично. У мальчика группа крови такая же, как у вас. Станете донором своему малышу.

Меня провели в реанимацию и дали посмотреть на сына издалека. Не разрешили подходить. Я мог только надеяться, что малыш пойдёт на поправку.

Надеяться и верить.

Иногда не остаётся ничего другого...

Глава 63. Владимир

Врач ушёл. А я не мог заставить себя выйти и поговорить с Яниной. Понимал, что она сходит с ума от беспокойства.

Но меня сейчас ломало так, что я боялся не сдержаться. Я боялся наговорить ей тысячу обидных слов или ещё хуже — сделать.

Ничего этого бы не случилось, согласись она жить со мной. Я понимал, что от подобного несчастного случая никто не застрахован, но почему-то уверен: этого бы не произошло.

Я вызвал такси к зданию больницы. Янина задремала. Так же сидя в коридоре на диване, только голову свесила набок. Я накинул пиджак ей на плечи. Она встрепенулась и вцепилась в мои плечи пальцами.

— Что с Ильёй? Как он? Не молчи...

Круглые глаза смотрели умоляюще.

— Не молчи. Володя. Пожалуйста. Володя...

Немногим раньше я бы руку отдал на отсечение, лишь бы она вот так звала меня по имени. А сейчас... столько боли обрушилось разом, что я едва чувствую себя живым. Я не чувствую почти ничего.

Огромный кусок моего сердца остался там, на пороге реанимационного отделения. А тот ошмёток, что бьётся в груди, пропитан болью, страхом и одиночеством.

— Илья. Что с ним?

— Всё в порядке. Операция прошла успешно. Мне разрешили на него посмотреть. Он спит. Спит.

Янина всхлипнула и обхватила меня за шею руками. Прижалась всем телом, рыдая

Мне снова хочется, чёрт подери, сделать всё: перевернуть землю, засадить мёртвую пустыню цветами или заставить звёзды плясать хороводом вокруг неё.

Лишь бы Янина не рыдала так отчаянно.

— Спасибо. Спасибо...

Горло перехватило. Мне стало трудно дышать. Сердце билось через силу. Мои пальцы крепко стиснули её талию.

— Нам здесь больше нечего делать. Поехали.

— Я не могу. Я останусь. Володя, я не могу уехать.

— Ты встанешь и уедешь сейчас вместе со мной. Добровольно, или я просто отнесу тебя.

Зазвонил телефон. Такси уже дожидалось нас у выхода.

— Мы ничем не поможем. Врачи сделали всё возможное. Приедем сюда завтра. Янина...

Я встал, протягивая ей руку. Она поколебалась, но всё-таки послушно вложила свою ладонь в мою руку.

Уже переступив порог арендованной квартиры, я понял, что на кухне нет ни крошки съестного.

— Ты голодна? Может быть, найдём круглосуточный магазин? — предложил я.

— Мне кусок в горло не полезет...

Янина умылась и сразу направилась в спальню. Я покружил по чужой квартире, казавшейся неживой, пусть и она была хорошо обставлена. Единственный огонёк теплился не здесь, а в соседней комнате.

Чувствуя противное дежа-вю, я без стука вошёл в спальню. Янина приподнялась на кровати и прижала одеяло к груди.

— Владимир?..

Я замер на пороге, разглядывая её в полумраке. Нравится до одури... Даже такая, побледневшая и измученная. Мы как будто вернулись на три года назад.

Я не совсем понимаю, почему она выбрала быть такой путь. Но потом вспоминаю всё, до мельчайших деталей, признавая и свою вину.

Если бы не мой бешеный напор и неуёмное желание контролировать всё вокруг!

Вдруг жизнь сложилась бы иначе? Нужно было быть мягче, спокойнее, осторожнее. Нужно действовать аккуратнее.

Но рядом с Яниной мне окончательно срывает стоп-кран. Сейчас я не понимаю, как я продержался всё это время вдали от неё. Было ли что-то живое в моей жизни без неё?

Я преуспел, расширил бизнес.

Судорожно пытаюсь найти что-то ещё. Ничего, пустота. Вспоминается только один звонок. И короткий телефонный разговор с Яниной.

Всё остальное — как в пьяном дурмане.

Безлико, смазано, серо.

Сейчас, когда я нахожусь рядом с ней, я словно заново учусь быть живым. Мне невыносимо больно вдыхать воздух, отравленный нашей неприязнью и давними счетами друг к другу.

— Не спишь? — спрашиваю я.

— Я плохо сплю в последнее время или не сплю, потому что работаю... — тихо отзывается Янина, комкая пальцами простынь.

— Ясно.

Я выхожу из спальни. Меня непреодолимо сильно влечёт к ней. Но сейчас во мне столько злобы и ненависти, что я боюсь сам себя.

Я понимаю — одно прикосновение к ней — и меня сорвёт. Я хочу её до одури и боюсь, что я, накачанный, злобой просто жёстко выебу её. Окончательно потопчусь на осколках души, втапывая в грязь. Глубже и глубже, на самое дно.

У Янины сейчас и без того мало сил.

Поэтому я цепляюсь изо всех сил пальцами за сигаретную пачку и снова начинаю курить. Одну за одной. Беспрерывно, как автомат по уничтожению табака.

На голодный желудок курево в таких количествах вставляет не хуже спиртного или анаши.

Мне не найти покоя в этих сизых клубах дыма.

Резко разворачиваюсь и вхожу в спальню, садясь на кровать.

— Почему Илья?

Янина дёргается всем телом.

Она реагирует на меня именно так: судорогой, испуганным взглядом, дрожащими ресницами. Она боится меня. Когда-нибудь я точно себя прокляну за то, что в каждом её жесте сквозит страх.

— Почему ты назвала сына Ильёй? — требовательно спрашиваю я.

Глава 64. Янина

— Почему ты назвала сына Ильёй? — спрашивает Владимир.

Таким тоном следователи допрашивают подозреваемых в особо опасных преступлениях или инквизиторы зачитывают приговор ведьмам.

Я сажусь на кровати и натягиваю одеяло повыше. Как будто оно сможет стать преградой между мной и этим мужчиной.

— Почему? — переспрашиваю я. — Сам не понимаешь?

— Нет. Не понимаю. Ни хуя не понимаю. Из всего, что есть...

Владимир матерится больше и сильнее, чем раньше. Он тяжело опускается на кровать и сверлит меня взглядом. Сигарета между его пальцев всё ещё тлеет.

— Ответишь? Или мне нужно добиваться от тебя силой даже простого ответа на вопрос? — спрашивает он и затягивается.

— Ты очень много куришь.

— Угу. Да. Курю. Выскажешь мне за это, полиция нравов? — смеётся он, швыряя мне на колени сигаретную пачку. — «Dunhill». Славка курил точно такие же. Это наказуемо? Быть похожим на него? Выглядеть так же, как он? Смотри... У меня причёска сейчас такая же, как тогда. И рожа, блядь, Славкина один в один. Это преступление для тебя? А я, представь себе, этого не хотел. Я при рождении не нажимал на хуеву кнопку у Создателя с заказом: «Сделай мне, как у него!»

Владимир злится. Он закипает в считанные мгновения.

Зачем-то он вспоминает о Славке.

Хотя, видит Бог, о Славке я почти не думала в последнее время.

Славка стал для меня бесплотным призраком прошлого.

А Володя — реальный. Живой и энергичный, как кипящий вулкан. Настоящий. Мне становится немного страшно.

Но я всё же отбираю у него сигарету и тушу её о пачку. Поражаюсь собственной смелости. Кончики пальцев покалывает после того, как случайно касаюсь его пальцев.

— Осмелела, девочка? — хриплым голосом спрашивает он. — На что ещё тебе хватит смелости?

Я игнорирую последний вопрос, отвечая на самый первый.

— Я назвала сына Ильёй, потому что помню разговор летом... У нас в саду возле дома.

* * *

Я хорошо помнила тот день.

Мы со Славкой уже были женаты. Брат мужа то и дело смущал меня своими намёками и цепкими взглядами. Но иногда он как будто успокаивался и переставал донимать меня.

В такие моменты с Володей было очень легко и приятно разговаривать. Казалось, что точек соприкосновения у меня с ним даже больше, чем со Славой.

В тот день мы большой компаний играли в боулинг. К вечеру все разъехались по своим домам.

Погода стояла прекрасная: летний, тёплый вечер. Славка предложил заехать к нам домой и пожарить барбекю.

Мы купили маринованного мяса и поставили в саду мангал. Буран крутился возле ног, выклянчивая кусок мяса. Мы отпустили его побегать. Он никогда не кидался на Володю, ластился к нему.

Вечер был хорошим. Володя вёл себя нормально, как обыкновенный родственник. Глядя на него, такого спокойного, мне казалось, что я себе всё выдумала: и поцелуй, и флирт, и флирт...

Пока на мангале жарилось мясо, я качалась на качелях, отталкиваясь от земли ногой. Братья сидели рядом и пили пиво, посмеиваясь над общими шутками. Каким-то образом разговор свернул на тему детей.

— А вы своими отпрысками не собираетесь обзаводиться? — спросил Владимир.

Ярослав встал, чтобы перевернуть жарящееся мясо.

— Пока не думали... — ответил Ярослав.

— А что так? Сколько вы уже женаты? Полгода, да?

— Да. Полгода, — сказала я. — Почему бы тебе самому не жениться и не завести семью?

— Да я не против! — ухмыльнулся Владимир. — Только красotka занята...

Владимир пристально посмотрел на меня. Сразу стало понятно: ничего мне не показалось. От его взгляда по коже проносится жар, как будто от сильного ветра полыхнуло пламенем в мою сторону.

— Ещё пива? — предложил Слава, открывая новую банку.

— Давай... — согласился Володя.

— Так что там с твоей красоткой, старший? — рассмеялся Слава. — Отстаёшь в развитии. Младший брат женился вперёд тебя.

— Отстаю безбожно, да. А если ты ещё и детей заведёшь, то я вообще буду выглядеть неудачником на фоне тебя. Мама с папой обрадуются!

— О, да! — фыркнул Слава. — Можно подумать, что они внуков от меня с первого дня свадьбы уже ждут.

— Порадуй мамочку? — предложил Володя, намекая на то, что из них двоих Славка был маминым любимчиком.

— Рано. Лучше ты её обрадуй. Она всё переживает, что её старшенький не при делах... — в тон Володе ответил Славка.

— Говорю же, красотка занята, — усмехнулся Владимир, потрепав по голове Бурана, прилёгшего у его ног. — У неё есть муж, семья... Детей, наверное, хочет. Все женщины хотят детей. Твоя жена тоже хочет детей. Даже если ты пока не созрел!

— С чего ты взял, что я не хочу детей? — удивился Славка. — Хочу, но чуть позже. Правда, милая?

— Конечно... — ответила я.

— Как бы вы детей назвали? — усмехнулся Владимир.

— Сына я назвал бы Димой, — начал Ярослав. — В честь нашего деда, ну ты понял. А девочку...

— Девочку — Ксюшей, — улыбнулась я.

— Не-е-е... Ты что, милая? Только не Ксюша. Ксюша — юбочка из плюша... — поморщился Ярослав, приняв близко к сердцу гипотетический выбор имени детям.

Ещё несколько минут мы спорили с ним, перебирая всевозможные варианты женских имён, пока не сошлись на мнении, что выбор имени — это очень сложно. Потом подумаем над этим...

— А ты бы как назвал? — спросил у брата Слава.

— О! Нашёл, что спросить! — фыркнул Володя. — У меня и жены-то нет...

— Да ладно тебе, не жмись! — толкнул локтём брата Ярослав.

— Ильёй бы назвал! — нехотя ответил Владимир.

— А девочку? — осмелилась спросить я.

— А девочке мама бы сама имя выбрала такое, какое пожелает...

— Ну вот, видишь! Ничего сложного нет! — ободряюще хлопнул Владимира по плечу Славка и предложил, шутя: — Забирай свою красотку. И вперёд, радовать родителей внуками.

Я едва не поперхнулась соком. А Владимир притворно тяжело вздохнул:

— Пока не получается! Занята же, говорю.

— У тебя вдруг проснулась совесть? — спросил Славка. — Если бы так сильно захотел, то подвинул бы в сторону всех.

— Упёртая она! Делает вид, что намёков не понимает... — сказал Владимир. — А муж её сам подвинется. Он любит погулять. Думаю, что он скоро сам себя подставит. Подожду...

Глава 65. Владимир

Я не понимаю, как она это делает. Как ей удаётся всего одним предложением запустить свои тонкие пальчики глубоко мне под кожу и перевернуть всё?

Я чувствую себя бесконечно тупым, но всё же не могу не спросить, поэтому уточняю:

— Ты назвала сына Ильёй, потому что помнила мои слова? Помнила, что я так назвал бы своего сына?

— Да, Володя.

Янина тянется в сторону, убирая сигаретную пачку.

— Дай. Покурить хочется.

— Не стоит, — хмурится Янина.

— Что? Командуешь мной?

— Ты очень много куришь, — едва слышно говорит Янина и колеблется, но возвращает мне сигареты.

Верчу между пальцами пачку, вдруг ставшую ненужной. Хотя секундой раньше после слов Янины мне дико хотелось курить. Курить без перерыва, пытаюсь разгадать её, как головоломку.

— Не нравится, что я курю так много?

— Нет, — тихо отвечает Янина.

— Ладно. Убери.

Короткая пауза.

— Что ещё тебе во мне не нравится? — спрашиваю, потому что не могу молчать.

— Это очень странный вопрос. Я не могу на него ответить.

— Ха. Тогда я могу подумать, что я тебе нравлюсь. Раньше я непременно заявил об этом и убедил тебя, что я прав.

— А сейчас?

Янина поворачивается на бок, подкладывая локоть под голову.

— Сейчас я пустой, как барабан. Даже кожа вот-вот лопнет. Получится бесполезная хрень. Можно будет выкинуть на свалку. За ненадобностью.

— Не говори так, — просит Янина.

— Ха. И всё-таки, почему не назвала своего сына по-другому? Кажется, Славка хотел назвать сына Димой?

Я нарочно растравливаю себя. Хочу, чтобы Янина призналась вслух. Давай, девочка, открывайся. Я научу тебя говорить. Ты можешь ненавидеть меня ещё больше, хотя больше уже некуда, но молчать я тебе не позволю.

Я прошу её быть откровенной мысленно. Едва успеваю открыть рот, чтобы сказать что-то, как она отвечает.

— Я назвала сына Ильёй, потому что это твой сын. Твой, а не Славки. Вот и всё. Я назвала его именем, которым ты бы назвал его.

Я не успеваю охренеть от её признания, как она окатывает меня ледяной водой снова.

— В свидетельстве о рождении Илюши в графе отцовства я указала твоё имя. Фамилии у нас с тобой сейчас одинаковые. Русаков Илья Владимирович...

Слова звучат как пушечный выстрел. Янина усмехается.

— Прости.

Сглатываю ком в горле. Это признание как серп, срезающий пшеничные колосья. Хорошо, что я уже лежу. Иначе бы бесконечно долго падал.

— Неожиданно... Ты же говорила, что...

Янина качает головой.

— Я прекрасно помню, о чём я говорила. Эти слова были сказаны мной на эмоциях. Я потеряла одновременно и мужа, и ребёнка, Володя... Мне нужно было время отгоревать, отпустить ситуацию. Мне нужно было время перевыть, перетосковать. Даже не по мужу, пусть это звучит кощунственно, но это правда. Я больше убивалась из-за выкидыша. Когда я попросила тебя помочь, я чувствовала себя дважды предательницей: перед мужем и перед не родившимся ребёнком. Мне просто нужно было время и немного свободного воздуха, чтобы пережить случившееся и смириться с ним, свыкнуться с потерей и не корить себя за желание жить дальше. Ты давил на меня. Ты, твои желания, моя реакция на тебя. Это был лабиринт. Я хотела найти из него выход.

— Да. Ты хотела найти выход и попросту сломала лабиринт.

— Поэтому и говорю, прости.

Янина осторожно поднимает руку, глядя меня по волосам,

спускается по щеке и роняет пальцы.

— Запоздалое «прости», Янина.

— Ты прав. Ты прав во всём, кроме одного. Когда родился Илюша, я хотела...

Янина прикусывает губу, украдкой вытирает слёзы. Думает, что я не заметил. Но я замечаю в ней всё.

— Чего ты хотела, Я-ни-на?

— Ха! — невесело усмехается она. — К чему ворошить былое? Сейчас ты можешь смело упрекнуть меня, что я неспособна быть самостоятельной, что феерично провалила всё. Едва не убила... сына-а-а-а...

— Не реви! — обрываю я её. — Скажи спасибо, что у тебя есть деверь, ебанутый на всю голову.

— Почему ты приехал? — спрашивает Янина, глотая слёзы. — Если тебе не рассказали о моём звонке ни секретарша, ни... жена.

— Ебанутый я, говорю же, что ещё непонятного? Ноябрь, сука. Ненавижу. Ноябрь — моё персональное приглашение на казнь. Всё крутится в голове. Там сплошное месиво. Хочется, чтобы перестало звенеть хотя бы на время. Знаешь, каким способом? Алкоголь. Просто я сел пьяным за руль и сдавал назад, не сразу заметив девушку с ребёнком. Они не пострадали. Мелкий по возрасту — как Илья. У меня в голове перемкнуло...

Янина слушает внимательно. Так внимательно, как никогда раньше. Кажется, что сейчас она понимает больше, чем когда-либо. Или это просто магия ночи в действии?

Если так, то пусть наступит вечная полярная ночь. Утром будет тяжелее смотреть в глаза ночному собеседнику.

— Я же не рвался к тебе всё это время. Нарочно держался в стороне, как ты и хотела. Но в тот момент плюнул на всё. Попросил пробить, до сих пор ли ты живёшь в этом городе или переехала. Прикатил сюда, держа в кармане номер нужного человека, чтобы тот помог найти тебя, если будет самому тяжело. Мало ли что? Но не понадобился номерок. Ты нашлась сама.

— Нет, — возражает Янина. — Ты сам сделал это. Спасибо за то, что нашёл меня. Я бы не справилась одна.

— Самое искренне спасибо, что я от тебя слышал, — усмехаюсь, чтобы не выдать бешеного биения сердца и кома в горле. — Но ты так и

не сказала, чего хотела, когда родился сын.

Янина приподнимается и пристально смотрит на меня. Как будто не верит моим словам.

— Ты сейчас серьёзно спрашиваешь или издеваешься? — спрашивает она. — Я же написала тебе сообщение.

— Цифры? Пятьдесят три сантиметра, три тысячи двести семьдесят граммов. Это? — спрашиваю я.

— Именно это я и имею в виду. Наш последний разговор был не самым дружелюбным. Я помнила всё, что наговорила тебе. Я была не права, но тогда я этого не понимала и не хотела понимать. Рождение Ильи расставило всё по своим местам. Но позвонить самой мне не хватило смелости. Я написала тебе сообщение. Если захотел бы, перезвонил, прекрасно понимая, о чём пойдёт речь. О ребёнке. Я не имела права лезть в твою жизнь, но хотела, чтобы ты знал об Илюше.

Янина переводит дыхание. За неполный час разговора она сказала больше, чем за несколько лет, что я её знаю.

— Что делать с этими знаниями, решать было только тебе, — говорит она и замолкает на мгновение. — Ты решил.

Я понимаю, что могу поспорить с Яниной за пальму первенства в состязании, кто фееричнее испортит жизнь другому.

Я помню тот разговор. Я наговорил много дерьма, лелея на тот момент свои обиды, вросшие в меня, словно сорняки.

— Я тебя не виню. Это было ожидаемо. Я сделала больно тебе. Ты не должен был хорошо относиться ко мне в ответ. Твои слова были жестоки, но справедливы. Поэтому я просто проглотила их и больше не пыталась навязаться тебе. До недавнего времени. За это я тоже прошу прощения. Хотя, может, за последнее не стоит благодарить и просить прощения. За твою помощь мне предстоит расплатиться.

Янина поворачивается ко мне спиной, показывая, что разговор окончен.

— Сделаешь это? — спрашиваю ровным голосом.

— У меня нет выбора.

Янина вздыхает и спрашивает, как будто у самой себя:

— Почему, когда ты оказываешься рядом, у меня не остаётся другого выбора?

Отвечаю беззвучно одними губами:

— Потому что я всегда хотел быть твоим единственным выбором.

Глава 66. Янина

Я просыпаюсь задолго до будильника, слепо шарю рукой под подушкой, ища телефон. Его нет на месте.

Я подскакиваю, думая, что забыла телефон в больнице или потеряла в другом месте. Я была не в самом лучшем состоянии вчера. Всё как во сне. Я даже не могу представить, где я могла оставить телефон.

Пролетаю мимо кухни, видя, как Владимир опять курит, стоя у открытого окна. Потом замечаю у него между пальцев свой смартфон.

— Доброе утро, — произносит он, не поднимая головы.

Потом разворачивается спиной ко мне, откладывая телефон в сторону. Плечи и спина Владимира напряжены.

Я не могу представить, что он искал в моём телефоне. Но вижу, что открыта галерея с фотографиями. На последнем фото я держу Илюшу на руках. Это фото было сделано летом, на день города.

— Доброе.

Холод из окна щупальцами скользит по полу и неприятно цепляет за ноги. Я подхожу к окну только для того, чтобы закрыть его. Владимир не двигается, даже головы не повернул в мою сторону. Где он витает мыслями?

Окно приходится закрыть, касаясь плечом мужского плеча. Потом неожиданно для себя обнимаю мужчину сзади, уткнувшись лбом в спину.

Владимир касается моих пальцев своими, накрывает руки горячими, шершавыми ладонями.

— Поедем в больницу? — спрашиваю я.

— Да. Иди, собирайся. Я уже давно не сплю, готов ехать прямо сейчас.

Я выхожу из кухни, но оборачиваюсь, сказав:

— Я могла бы и сама показать тебе фотографии Илюши, если бы ты попросил.

— Угу. Буду знать, как выглядит Илья в нормальном состоянии. Просить не стал. Времена для просьб канули в прошлое! — отзывается

Владимир.

В больнице мне не дают увидеться с сыном. Владимир словно гранитная стена, которую не подвинуть. Я уже немного забыла, каким непреклонным и упёртым он может быть. Сейчас приходится вспоминать. Но вопреки отголоскам памяти, его сегодняшняя настойчивость не пугает и не отталкивает меня.

Если бы не его теперешний напор, Илье было бы только хуже. Я хочу увидеть сына, не устану просить дать мне увидеть его. Но Владимир говорит: «Нет!»

Врач только завершил обход. Состояние Ильи — стабильное. Операция вчера прошла успешно. Он должен пойти на поправку.

Владимира пускают к сыну. Но тоже ненадолго. Дают посмотреть только издалека. На этом всё. Пятиминутное посещение больницы можно считать оконченным.

— Я хочу увидеть сына. К сыну меня не пускает не врач, а ты! — упрекаю я Владимира, вдыхаю морозный сибирский воздух.

— Да! — спокойно пожимает плечами Владимир. — Что-то ещё?

— Ты! — у меня не хватает слов, чтобы выразить ему всё своё возмущение. — Я не думала, что ты настолько очерствел!

— Не нравится? Ты сама сделала меня таким! — резко отвечает мне Владимир. — Сына увидишь позже, когда ему значительно полегчает. Сейчас изменения только на показаниях приборов. Немного спала опухоль...

— Ты будешь держать меня вдали от сына?

— Так будет лучше для тебя!

— Кто ты такой, чтобы удерживать родную мать вдали от ребёнка? От любимого ребёнка!

— Никто! Абсолютно никто, — усмехается Владимир. — Хотя нет, подожди. Я же считаюсь дядей Ильи в глазах общественности.

— Ты не вправе удерживать меня на расстоянии! — продолжаю я, не обращая внимания на слова Владимира. — Возможно, ты считаешь меня плохой матерью, потому что я не уберегла сына! Хотела бы я обвариться сама вместо него, чтобы кожа лохмотьями слезла. Хотела бы, но не могу.... А ты, Володя!..

Я перевожу дыхание.

— Я давала тебе шанс. Я написала тебе о рождении Ильи. Я понимала, что неправильно держать тебя в неведении о судьбе сына. Ты

его отец. Но ты не захотел знать о нём ничего! Ты сказал, что тебе не нужны подачки в виде крох информации.

По лицу Владимира пробежала тень.

— Ты ничего не захотел знать, но зато предложил мне подработать шлюхой по телефону! — я перевела дыхание, выплеснув последние капли обиды на Володю.

Он на мгновение прикрыл глаза, усмехнулся.

— У нас с тобой вечное соревнование. Кто ужалит больнее, да?

Я потёрла замёрзшие пальцы друг о друга. Никак не привыкну к сибирским морозам, к тому же забыла в городе свои перчатки.

— Дай сюда! — цыкнул Володя, накрывая мои руки горячими ладонями. — Где перчатки?

— Забыла, — вздохнула я.

— Пойдём, купим тебе перчатки или варежки. Спрячь пока руки в карманы, дурёха.

Володя буднично придерживал меня под локоть, ведя через дорогу. Его кидало из крайности в крайность от заботы обо всём до обжигающей ненависти.

Володя купил мне перчатки с мягким мехом внутри.

— Обо мне печёшься, а сам приехал в демисезонном пальто, — упрекнула я его.

— Не успел взять с собой ничего. Не думал, что придётся задержаться надолго, — нахмурился Володя.

— Да? — рассмеялась я абсурдности нашей ситуации. — А как ты хотел?

Володя не ответил, но повёл меня в сторону супермаркета, чтобы купить продукты.

— Тебе нравится здесь жить? Обстановка, климат... — буднично спросил он, пока толкал впереди себя тележку в супермаркете.

— Почему спрашиваешь?

— Кажется, что здесь полгода зима. Мёрзнешь по полгода...

— Больше, чем полгода, — честно призналась я. — Хотела перебраться в центральную часть России, где теплее. Но не решалась. Срываться в никуда с ребёнком — не самая лучшая затея. Здесь у меня брат живёт неподалёку, мама приезжает каждый месяц...

Я удивлялась спокойному тону нашего разговора. Совсем недавно мы едва не орали друг на друга, а сейчас беседуем, как хорошие

знакомые.

— Я только наладила свою жизнь. До несчастного случая с Илюшей...

— Наладила? — заламывает бровь Владимир.

— Как смогла! — отвечаю, понимая, что ему мои заслуги кажутся пылью под ногами, а я радовалась тому, что есть: нормальной работе, квартире, успехам развивающегося малыша.

Глава 67. Владимир

Я только сейчас понимаю, чего я боялся больше всего тогда, три года назад. Я боялся того, что Янина научится обходиться без меня.

Когда случилось несчастье со Славкой, я целиком и полностью взял контроль в свои руки. Янина сильно переживала гибель мужа и потерю ребёнка. Она выглядела беспомощной и растерянной.

Я помогал ей, думая о том, что несчастье сблизит Янину со мной. Я хотел быть для неё стеной, опорой, хотел быть для неё всем.

Хуже всего было думать, что однажды она научится обходиться без меня и моей поддержки. Я понимал, что на тот момент она видит во мне только временную опору, и боялся лишиться даже такого внимания.

Янина смогла жить без моей помощи и пристального внимания. Поневоле я начинаю присматриваться к ней, новой. Подмечаю другие черты, которых не видел раньше.

Янина разговаривает со мной почти спокойно. Иногда она прячет глаза и переводит взгляд в сторону, смотрит на меня с опаской, ожидая подвоха или резкого слова.

Она автоматически проверяет срок годности на пачке с молоком, обращая на дату выработки куда больше внимания, чем на меня.

— Ответь на один вопрос.

— Какой? — быстрый взгляд из-под пушистых ресниц.

— Ты же понимаешь, что восстановление Ильи — это не вопрос одного месяца. На это потребуется много времени.

— Понимаю, — твёрдо ответила Янина, усмехнувшись. — Есть ещё твоё условие. Оно же не испарилось бесследно? Тебе до сих пор нужен ребёнок?

— Нужен. Хочу семью, — ответил я, едва не добавив «с тобой».

— И что ты хотел спросить? Или ты просто хотел убедиться, что я верно поняла условия, на которых ты согласился оказать мне помощь?

— И да, и нет...

Неужели я свихнулся настолько, что предложил ей родить для меня ребёнка? Родить и отдать. А она, доведённая до отчаяния, согласилась. Заранее согласилась отдать одного ребёнка, чтобы спасти жизнь

другому.

Кажется, у нас с Яниной одинаковый диагноз... Один на двоих. Только никто не признается.

Я — так точно. Не хочу. Потом Янину опять переменит, она упрётся в свою самостоятельность, на этот раз уже доказанную жизнью, и оставит меня.

Не хочу опять тишины и пустоты.

— Ты бы осталась?

— Что? — глаза Янины округлились.

— Жить в одном городе. В том, откуда сбежала, — усмехаюсь я. — Тебе придётся задержаться в нём, как минимум, на один год. Или ты потом снова вернёшься в глухую Сибирь?

— Давай по фактам... Ты предлагаешь мне родить ребёнка, отдать его. Потом жить в том же городе, зная, что в твоей семье воспитывается мой сын или моя дочь?

— Будешь считаться тётей, — усмехнулся я.

— Ха. А если родится моя вторая копия? И что тогда? — усмехнулась мне в ответ Янина, глядя мне в глаза.

Она быстро оправилась после шока от моего приезда, молодец. Зубки показывает.

Поневоле я зауважал её ещё больше. И просто захотел. В пах прострельнуло возбуждение.

— Жаль, что у тебя нет сестры-близняшки. Тогда можно было бы повернуть тот же фокус, что и ты, да? — я нарочно кольнул в больное место, чтобы посмотреть на её реакцию.

Янина моргнула, отвела взгляд и поспешно отошла к лотку с фруктами, перебирая одинаковые яблоки.

— Для меня это было жизненно важно, Владимир. Для тебя — это просто шанс поквитаться за старые обиды. Ты получишь желаемое. Но я не останусь. Нет. Ни за что. У моего второго ребёнка будет полная семья. Надеюсь, что отец будет любить ребёнка, а не видеть в нём средство мести. Надеюсь, что твоя жена будет ласкова с малышом...

Янина слегка свела брови и поджала губы, говоря о моей жене. Алина ей не понравилась.

Алина... Надо проучить суку, чтобы не совала нос не в свои дела.

— Сомневаешься, что я буду любить ребёнка?

Я сжал руку Янины за запястье.

— Сомневаешься?

— Я не верю, что ты чудовище, Володя. Но не понимаю, почему иногда ты очень сильно хочешь им стать.

Янина осторожно высвободила руку и растёрла запястье. Я глупо перевёл взгляд на красноватые следы от своих пальцев на её запястье.

— Так сильно сжал? Извини.

— Не знаю. Не знаю, что для тебя сильно, а что — нет...

Янина ловко увернулась от меня, лавируя в овощном ряду. Вроде держится близко, но на расстоянии, чтобы я не смог дотянуться до неё рукой.

— Ян?

— Что?

— Ты меня боишься, что ли? — открыто спросил.

— Я не знаю, какие мысли бродят в твоей голове, и что ещё ты потребуешь от меня. Поэтому — да, боюсь. Ты изменился...

Неприятно слышать. Но зато честно. Она научилась говорить прямо и не юлить? Дорогого стоит. Мне хочется завалить нынешнюю версию Янины вопросами обо всём подряд и послушать, что она ответит мне.

Мне приходится заставлять себя притормозить. Я же приехал не для того, чтобы вот так, с разбега, вновь вляпываться по уши в неё!

Потом, в квартире, я наблюдаю за её будничными действиями, понимая, что я больной по ней уже много лет, и поздно посылать сигналы SOS. Это надо было делать давно, ещё с того самого первого дня, когда увидел её фото.

— Тебе помочь?

Янина удивлённо смотрит на меня, отодвигается от стола, пожимая плечом.

— Даже не знаю. Я сама могу справиться.

— О, да, ты же самостоятельная! — усмехаюсь. — Гордишься собой?

Янина вздыхает:

— Я уже забыла, насколько сложно с тобой бывало раньше. А сейчас стало ещё сложнее. Ты же весь пылаешь недовольством. Чем сейчас тебя задела мои слова? Я не привыкла, чтобы мне помогали на кухне. Только и всего. При жизни Славка этого не делал. Потом было некому. Не Илюшке же, хотя он любит крутиться возле ног на кухне и

греметь кастрюльками...

От воспоминания о проделках сына на лице Янины расплывается счастливая улыбка, глаза светлеют и озорно начинают сверкать.

Я застываю на месте и задерживаю дыхание, чтобы не спугнуть этот момент даже слишком шумным вздохом.

Красивая, чёрт бы тебя побрал. Трогательная красота, которую хочется сберечь и укрыть от всех невзгод. Сберечь, но не травить...

Янина отворачивается вновь к столу, начиная чистить овощи. От каждого её жеста меня окатывает тёплыми волнами и солнечными лучами.

В моей жизни нет места уютным посиделкам на кухне или совместным занятиям. Я женился, будто назло себе, на девушке яркой и обжигающе красивой, но пустой, как пакет с воздухом.

Я сам себя лишил близости и тепла, болван, а теперь сижу и кусаю локти, смотрю голодным помойным псом на мясо.

— Но, если хочешь, можешь помочь, — предлагает Янина и тут же толкает в мою сторону лук. — Вот. Не люблю его чистить и резать.

Коварная. Я едва сдерживаю улыбку, кажется, первую, за всё время. Лёгкую и рвущуюся изнутри.

Чёрт! Сколько времени придётся пробыть здесь, пока разрешат перевезти сына в другой город? Я же точно свихнусь и на этот раз не смогу отпустить Янину.

«Ты получишь желаемое. Но я не останусь. Нет. Ни за что...» — сказала она.

Посмотрим...

Глава 68. Владимир

Еда, приготовленная руками Янины, кажется вкуснее всего, что я ел. Или просто вместе с её появлением у жизни вновь появляется вкус. Но потом вспоминаю, что Славка неоднократно хвастался, что жена его хорошо готовит. Он и правда округлился, когда начал жить с Яниной. Так что нет, это говорит не только моя повёрнутость на ней. Но сама реальность, как она есть.

Янина прибирает со стола, тщательно моет и вытирает посуду, потом обводит комнату взглядом, решая, чем бы ещё занять своё время.

Мной. Займи его мной...

Я тяну её за руку, прижимая к себе, опускаю руки на талию. Стройное тело прижимается к моему, вызывая вихрь ощущений.

— Понятно, — усмехается Янина, опуская взгляд на мою грудь. — Пора трудиться над исполнением своей части договорённости?

Зараза... Бьёт как будто специально.

— Нет. Не совсем. Потрудиться успеем. Я от этого не откажусь, будь уверена.

Поднимаю её лицо к себе, заставляя смотреть на себя.

— Но сейчас просто хочу вот так. Обними...

Удивлённый взгляд Янины быстро скользит по моему лицу. Тонкие пальчики не спеша взбираются по моим рукам к плечам, на грудь, потом медленно скользят за спину. Круг замыкается её сомкнутыми пальцами.

Не могу удержаться, прикрываю глаза от удовольствия. Охренеть можно от её нежности. Вопреки всему. Как только находит в себе эту нежность для меня?

— Постой ещё, — прошу я, когда чувствую, что она пытается отдалиться.

— Долго стоять?

— Тебе неприятно, да?

— Нет, наоборот, — немного сбивчиво отвечает она, избегая смотреть мне прямо в глаза. — Но это неправильно. У тебя своя жизнь, у меня своя. Так сложилось.

— Моя жизнь? На что-то намекаешь? Скажи прямо.

— Прямо? — Янина опять перемещает руки, глядя меня по груди, обхватывает шею, говоря с улыбкой. — У тебя есть жена. А ты изменяешь ей. Со мной. Вот тебе прямая правда.

Отстраняется. А вот хрена с два ты уйдёшь от меня. Я вжимаю её в себя и наклоняюсь, целую губы. Янина протестующе ведёт головой в сторону. Приходится приструнить её, заставив замереть на месте.

— Может быть, наоборот? — шепчу я, прикасаюсь к её губам. — Может быть, я изменял всё это время тебе с ней? А сейчас не хочу...

Я запечатываю её рот поцелуем, сводящим с ума. Мягкие губки и желанные дрожат под моим напором, поначалу не желая отвечать мне. Я зажимаю её губы по очереди, удерживая в плену своих, нежно дотрагиваюсь языком и немного прикусываю, посасывая. Янина судорожно вздыхает, отстраняясь.

— Ты опять поступаешь неправильно и заставляешь меня чувствовать себя жуткой обманщицей.

— Ты и есть обманщица. Даже перед собой. Постоянно обманываешь, делая вид, что между нами ничего нет и быть не может.

Янина прикрывает глаза, водит кончиками пальцев по моему лицу, словно изучает меня наощупь, вслепую. Не удерживаюсь и прикусываю её пальчик, целую.

— Ты прав. Между нами ничего не может быть.

— Но сейчас что-то есть. И было. Не отрицай...

Я прижимаюсь губами к её шее, облизывая синеватую жилку под тонкой кожей, слушая бешеное сердцебиение.

— Есть, — обречённо вздыхает Янина, тяжело дыша. — Почему ты такой?

— Какой же?

— Волнующий. Я не в своей тарелке рядом с тобой или в своей, но она кажется мне непривычной. И мне не хочется привыкать. Особенно сейчас, когда это временно...

От её признания мне становится легко и свободно. Всё остальное перестаёт иметь значение.

Я начинаю целовать её жадно и исступлённо. Она отвечает мне, наконец, точно так же. Мой язык касается её языка. Пальцы перемещаются ниже, с талии на её попку. Я сминаю её руками и сам не понимаю, как начинаю стягивать с неё джинсы.

Уже стянул, запустив руку в трусики, судорожно присвистнув. Мокрые насквозь, а её лоно ритмично сокращается и жаждет продолжения, когда я ныряю в него пальцами.

Янина постанывает, пьяно глядя на меня, и толкается бёдрами на мою руку.

Я продолжаю ласкать её, ускоряясь. Понимаю, что сейчас она долго не выдержит и кончит, сильно сжав мои пальцы. Так и происходит.

Её влага заливает мои пальцы. Я сам стону в унисон с Яниной от её оргазма.

— Отзывчивая моя... Нежная. Хочешь ещё?

— Не хочу... Но ты же не остановишься?

— А давай ты не будешь врать? — спрашиваю я, подхватываю на руки и опускаю на диван в зале.

Я мгновенно избавляю Янину от одежды и раздеваюсь сам, желая лишь одного — прижаться к ней так, чтобы невозможно было расцепить нас.

— Не врать? — спрашивает она, пропуская пряди моих волос между пальцами, пока я целую её шею.

— Да-а-а-а...

— Хочу тебя, — признаётся она, разводя ноги в стороны.

Одной ногой она обвивает меня за поясницу и вынуждает опуститься. Член дёргается, касаясь влажных складок, проникает в глубину.

Она разгорячённая, мягкая и готова принять меня. Ужасно скользкая, но тесная и сладко тугая. Приходится заполнять её короткими толчками, отвоёвываю каждый сантиметр плоти. Стону от удовольствия, покалывающего позвоночник. Янина отвечает мне таким же стоном и, стесняясь, прикрывает рот ладошкой.

— Дурочка, — кусаю мягкую ладонь. — Убери руку. Нам же хорошо вместе, маленькая. Когда ты это признаешь?

— Хорошо-о-о-о... — стонет она, выгибаясь подо мной, и ещё шире распахивает бёдра. — Даже слишком хорошо для нас.

Я на время перестаю соображать и лишаюсь возможности здраво мыслить и говорить.

Красноречивее слов звучит синхронное пение тел, сочно соприкасающихся друг с другом. Сейчас хочется медлить и растягивать удовольствие. Не спеша выходить полностью и погружаться снова и

снова.

Но даже от такого медленного эротичного соития я накачиваюсь возбуждением, кончая нестерпимо остро и приятно. В неё, вместе с ней...

Я прижимаю её к дивану всем своим телом. Янина выдыхает и постанывает, продолжая дрожать от оргазма.

Я приподнимаюсь на локтях, разглядывая её лицо, безмятежное и полное эйфории. Янина сама тянется ко мне, целуя.

— Слишком хорошо? — спрашиваю я.

— И невозможно.

Я перекатываюсь на бок, глядя, как её кожа покрывается мурашками и мелко дрожит под кончиками моих пальцев.

— Невозможно? Ошибаешься. Лежи! — останавливаю её, замечая, что она порывается встать. Притягиваю к себе на плечо. — Лежи. Твоё место здесь. Со мной.

— С тобой? — переспрашивает Янина с лёгким смехом. — Ничего не перепутал?

— Мужчины у тебя сейчас нет. Так?

— Да, ты прав. У меня нет мужчины.

— Сколько мужчин у тебя было? — спрашиваю неизвестно зачем, но уже начинаю ревновать ко всем мужчинам.

— Один.

Янина вытягивается и сладко жмурится, как сонная и сытая кошечка, всё-таки садится, поворачиваясь ко мне спиной.

— После смерти мужа у меня был всего один мужчина. Ты. А у тебя...

Янина не успевает договорить. Нас прерывает трель звонка на моём телефоне. Янина подаёт мне его без тени на улыбке на лице.

— А у тебя есть жена.

Янина поспешно удаляется в ванную с отстранённым видом, чтобы поскорее смыть с себя следы моих прикосновения.

Я перевожу взгляд на дисплей. Алина. Сука, как ты не вовремя...

Глава 69. Алина

Супруг уехал на несколько дней. Не сказал, куда уехал. Алина только могла надеяться, что это на самом деле деловая поездка, а не что-то другое.

Алина звонила мужу несколько раз. Но он просто не брал трубку. А после очередного звонка внезапно перезвонил сам. Почти сразу же.

— Привет. Алина.

— Привет, милый! Скоро вернёшься? Я так скучаю!

— Нет, ещё не скоро. У меня есть очень важные дела, связанные со здоровьем близких людей...

Сердце Алины кольнуло предчувствием.

Но потом накатила злоба, ошпарив, словно кипятком. Значит, та тварь всё-таки смогла дозвониться! Настырная дрянь, шалава!

Алина не знала ничего о той девушке, но чувствовала нутром, что здесь замешан не только родственный интерес. Это она, сука с фотографии. Со стеклянными глазами красивой куклы. Блеющая овца решила не опускать руки после одного неудачного разговора!

Дрянь... Алина сжала пальцы, вдавив в мягкую ладонь острые ногти в форме пик. Расколотить бы фото. Но этим она себе не поможет.

В голове у Алины крутилась только одна мысль. Сука нацелилась увести из семьи её мужа!

От злости она не расслышала, что говорил муж.

— Ты меня слушаешь? — резко спросил он.

— Извини. Я была в подвале. Ты же знаешь, что здесь у нас почти не ловит... — как можно ласковее сказала Алина. — Теперь слышу. Повтори, пожалуйста.

— У тебя же есть маленькая сумочка? — спросил муж.

— Конечно, есть, милый.

— Клатч, да? Кажется, так их называют. Как ты думаешь, Алина, много ли поместится в этот клатч? — заботливо спросил супруг.

— Не знаю, милый.

— А ты подумай. Что ты обычно туда запихиваешь?

Алина не понимала, к чему клонит муж. Но злить его не хотелось.

Поэтому она послушно ответила:

— Кошелёк, телефон, ключи, может быть, помаду, зеркальце и салфетки.

— О, как много! — усмехнулся Владимир. — Но ты забыла кое-что ещё.

— Да?

— Да. Туда поместится твой паспорт. Ну, поместится же, правда?

— Правда, — едва дыша, ответила Алина.

— Так вот, послушай меня. Не решай за меня мои семейные проблемы и вопросы. Не решай за меня, с кем мне стоит говорить. Нечем заняться? Пиздуй в салон красоты или в спортзал, сиди с подружкой в кафе, обсуждая всякую хуйню. Но не трогай мою семью.

— Я...

— Я запрещаю тебе даже мысленно тявкать на моих близких.

— Милый, я же не знала...

— Заткнись. Можешь не корчить из себя особу недалёкого ума. Я знаю, что ты не такая.

— Вова... — голос почему-то сильно дрожал.

Муж впервые разговаривал с ней таким тоном, и ей было не до шуток.

— Ты меня слушаешь?

— Да.

— Хорошо. Надеюсь, что ты меня поняла. Иначе ты вылетишь из моего дома с одним клатчем, в котором будет лежать не всё то дерьмо, что ты перечислила. Нет. Там будет лежать только твой паспорт и салфетки. Нужно же будет чем-то сопلي подтирать.

— Прости, я не знала, что для тебя это так важно, — еле выдавила из себя Алина.

— И ещё одно. Чтобы тебе лучше понималось. Я запрещаю тебе брать машину.

Алина задохнулась. Машина была оформлена на мужа, Алина ездила по доверенности.

— Но как же...

— Ногами. А ещё есть общественный транспорт и такси эконом класса.

Муж отключился, даже не попрощавшись.

Алина без сил опустилась на кресло, моргая и глядя перед собой.

Так холодно муж не разговаривал с ней ни разу.

«Не трогай мою семью...» — гремели слова мужа в её ушах.

Кажется, Янина говорила что-то о ребёнке. От шока Алина не сразу смогла вспомнить, как именно говорила эта дрянь. Но потом вспомнила.

«Позвольте мне услышать Владимира? Мне очень нужна его помощь... Это касается ребёнка!» — так сказала Янина.

«Не трогай мою семью...»

«Это касается ребёнка!»

Чёрт!.. Алина подскочила, как ужаленная. Речь шла о ребёнке Владимира? Об их общем ребёнке?

Алина закружила по дому. О ребёнке она слышала впервые. О Янине она не знала ничего...

«Сука. Дрянь. Если это ребёнок Владимира, то понятна его реакция... Продуманная тварь!» — со злобой думала Алина, ненавидя на расстоянии и саму Янину, и её ребёнка. Сразу двоих.

Алина налила себе большой бокал вина и залпом осушила половину. Надо узнать больше об этой Янине. Что она из себя представляет?

К счастью, Алина была в очень хороших отношениях с мамой Владимира. Недолго думая, она позвонила свекрови.

Глава 70. Янина

Я намеренно выкручиваю вентиль в ванной на полную мощность, чтобы не слышать даже отголосков разговора Владимира со своей женой.

«Жена. У него есть жена!» — повторяю я, прислоняясь лбом к кафелю стены.

Владимир женился. Не вечность же ему было ждать меня.

Теперь у него есть жена и семья, которую он считает неполной без ребёнка.

Но ребёнка он хочет получить от меня. Забрать, изъять. Вернуть хлесткий удар.

Колесо жизни сделало свой оборот, и теперь настал мой черёд изнывать от тоски и желания.

Просто теперь, когда во мне не осталось ни капли прошлой скорби и собственной слепоты перед очевидным, мне жутко хочется быть рядом с Володей.

Поздновато проснулась, девочка.

Володе нужен недостающий элемент — и только. Сделка есть сделка. Всё остальное? Не знаю. Иногда он держит меня в объятиях нежно и бережно, сводя с ума ласковыми словами. Иногда бьёт наотмашь, стремясь сделать как можно больнее.

Я много времени провожу в душе, с опаской выключая его. Кажется, Володя больше не разговаривает по телефону. У него серьёзный и сосредоточенный вид. Раздаётся ещё один звонок, но на этот раз уже звонят с его работы.

Стараюсь не думать о браке Володи, но теперь не получается не смотреть слишком часто на обручальное кольцо на его безымянном пальце.

Снова я оказываюсь в двусмысленной ситуации рядом с Володиёй. В прошлом он стал моим любовником. Сейчас я примеряю на себя этот жутко неудобный и тесный костюм.

Во рту разливается кислый привкус. Каждое прикосновение и жест кажутся незаконно присвоенными. Но вопреки всему хочется взять ещё.

Снова звонит мама. Я с ней так толком и не поговорила, потому что была в это время в больнице. Я просто сказала, что Илюшу увезли в областное ожоговое — и всё.

— Янина, давай приеду? — предлагает мама. — Одной тяжело.

— Не надо, мам. Я не одна, — набираю лёгкие воздуха. — Я позвонила Володе. Он прилетел, организовал тут всё...

Мама молчит. Она ни разу не сказала мне ни слова, хоть и понимала, что Илюша — не сын Славки.

— Хорошо. Как прошла встреча с сыном?

Я облегчённо выдыхаю. Упрёки — это не то, что мне нужно сейчас. Я благодарна маме за то, что она не осуждает свою непутёвую дочь в трудный момент.

— Спасибо, мам. Илья в реанимации, Володя видел его только издалека. Нас пока к нему не пускают.

— Илья уже болтал, так что он обрадуется папе, когда придёт в себя.

Я сглатываю горькие слёзы.

— Да, мама.

— Не реви, солнышко. У ребёнка должен быть отец. Даже если вы видите раз в год по неприятному поводу. Не отбирай у Илюши отца...

Я что-то мычу в ответ, мама старается переключиться на другую тему, говоря, что Стас обещал приехать.

— Стас? Так он же на вахте? — спрашиваю я, цепляясь за любую возможность не думать о плохом.

— Нашего Стаса повысили. Он тебе ещё не говорил? Так что теперь он, как большой начальник, может сорваться на день или два. Сказал, приедет.

— Я не знала. Просто эти дни...

— По больницам, понимаю. Я сама ему сказала, чтобы не дёргал тебя. Но он обязательно встретится с тобой. Вдруг потребуется помощь?

— Спасибо. Я буду рада Стасу.

Наверняка мой брат сначала захочет, как он выражается, «уши мне открутить» и только потом поговорит нормально.

Я волнуюсь теперь не только из-за Ильи, но и из-за того, как Стас будет общаться с Володей. Не утаю же я Володю в мешке, как иголку. Раньше всё было скрытно и исподтишка. А сейчас вся наша подноготная вывалена на всеобщее обозрение. И мне всё равно.

Впервые в жизни всё равно, кто и что думает по этому поводу. А всем тем, кто воротит нос и осуждающе качает головой, хочется сказать: покопайтесь в своих праведных жизнях, отыскивая кристально чистые участки, не запачканные ничем.

В голове крутятся слова мамы: «Не отбирай у Илюши отца...»

Не отбирай.

Не буду.

Главное, чтобы он сам захотел присутствовать в нашей жизни. Если только Володя не появился затем, чтобы отобрать у меня ребёнка и моё сердце.

Глава 71. Янина

Наш разговор с Володей больше не касался темы его супружеской жизни. Он сам не сказал ни слова, а я не стала поднимать ужасно скользкую и неприятную для меня тему.

Жена есть и никуда не делась. Мне остаётся только смириться с ролью временной любовницы, которая должна зачать от Володи.

Мы живём вместе на протяжении нескольких дней вместе. Эмоциональный тон наших разговоров заметно потеплел, градус напряжения снизился. Теперь, когда каждый из нас едва ли не проорал другому в лицо о своих прошлых обидах, стало намного легче.

Со старыми обидами мы разобрались? Пора обзаводиться новыми...

Мы регулярно посещаем больницу, едим, гуляем, спим вместе и занимаемся сексом. Владимир не спрашивает: можно ли и хочу ли я.

Он просто берёт меня, как ему захочется. Умело и властно вертит меня в своих руках, заставляя испытывать невероятные эмоции и переживать потрясающие моменты.

Мы не разговариваем и о будущем. Есть только сейчас.

Тревожно-затравленные взгляды в коридорах больницы и жаркий секс в стенах съёмной квартиры, как заверение того, что мы справимся с нынешними проблемами и наживём себе новые.

Илье сделали переливание крови. Через некоторое время состояние Ильи стало уже достаточно стабильным. Его перевели из реанимационного отделения в обычную палату. Нам разрешили увидеться с сыном.

Я тряслась от страха и волнения в коридоре больницы. Я вдавливала ногти в ладонь изо всех сил, чувствуя, как сердце заходится в бешеном ритме, и становится трудно дышать. В очередной раз смахнула слёзы с глаз.

Наконец появился Володя с врачом, наблюдающим за Илюшей. Они обсуждали возможность транспортировки сына.

Володя не хотел, чтобы Илью лечили здесь. Он настаивал, что его нужно перевозить в другой, более современный центр.

— Пойдёмте, проведу вас к сыну, — улыбнулся врач.

Я остановилась у дверей палаты. Врач шагнул внутрь первым. Я сделала шаг вслед за ним и застыла, обернувшись, умоляюще посмотрела на Володю:

— Пойдём со мной? Мне страшно.

Володя выругался, стиснув мои пальцы.

— И что там меня ждёт? Представишь меня сыну, как Деда Мороза без бороды?

— Нет.

Я поспешно выдернула руку из захвата горячих мужских ладоней.

— Если не хочешь идти, я тебя не заставляю. Ты всё равно получишь то, что хочешь. Мы же договорились ...

Володя сжал челюсти, процедив сквозь зубы.

— Не напоминай. Иначе затолкаю тебя в туалет и приступлю к делу прямо там. Я хочу увидеть своего сына в сознании. Но не хочу, чтобы ты снова пыталась выставить меня кем-то ещё, кроме...

— Ты его папа, Володя.

Я поправила халат и зашла в палату, вздыхая с облегчением от того, что Володя зашёл следом за мной.

Мы остановились у больничной кровати. От слёз у меня всё расплывалось перед глазами, а похудевший Илюша казался совсем крошечным.

— Мама! Мама! Мама! — звонко завопил Илюша, увидев меня.

Врач аккуратно придержал своего маленького пациента за плечо.

— Тише, боец! Сейчас твоя мама подойдёт к тебе и обнимет... — он ласково улыбнулся Илюше и обратился к нам: — Илья идёт на поправку. Так что можете обнять сына, но очень осторожно.

Врач рассказывал ещё о состоянии сына. Но я не слышала ничего, кроме голоса Илюши, раскачивающегося от нетерпения на одном месте и безостановочно повторяющего:

— Мама!

Я присела на край кровати, осторожно коснувшись темноволосой головы сыночка, но не удержалась, обняв его. Крошечные ручки схлестнулись за моей шеей.

Я вдыхала сладкий аромат детской кожи, который не под силу было заглушить даже запахом медикаментов и больницы.

Только сейчас я вздохнула полной грудью и смогла дышать

немного спокойнее. У Илюши были забинтованы ручки: правая больше, чем левая, половина тела и ножки.

Мне страшно было думать о его ожогах, но врач заверил, что Илья встанет на ноги.

— Есть ещё несколько моментов, которые я хотел бы с вами обсудить. Я буду ждать вас у себя, — врач отошёл, предоставив нам возможность посидеть с сыном.

Илюша был, несомненно, изнурён болезнью, но его глаза сейчас светились радостью. Он торопливо что-то начинал говорить, осекался, снова начинал болтать и не выпускал меня из рук. Я поцеловала мягкие детские ладошки.

Илюша улыбнулся и погладил меня по голове, словно жалея.

— Не плакай...

Мой маленький мужчина, я расцеловала щеки своего мальчугана и отстранила его от себя. Илья пристально посмотрел на Владимира.

Я поспешно отёрла слёзы. Володя застыл, не говоря ни слова. Он переводил взгляд с меня на сына и назад.

Я протянула ему руку. Володя сделал шаг вперёд, крепко сжав пальцы.

— Папа? — спросил Илья, затихнув.

Я показывала сыну фотографии в телефоне, говоря, что его папа живёт далеко-далеко, но они обязательно увидятся.

У меня в телефоне были только фотографии Славы, и совсем немного Володи. Но для крохи близнецы были не различимы.

— Да, Илюша. Твой папа приехал! — ответила я, почувствовав, что Володя едва не расплющил мои пальцы своими.

Потом он медленно сел на кровать рядом со мной.

— Привет, Илья. Как поживаешь?

Илья с важным видом пожал протянутую ладонь Володи.

— Холосо.

Володя осторожно сжал пальчики сына, а потом перетянул его к себе на колени, обняв.

Моё сердце сильно сжалось и начало биться в тысячу раз быстрее, я боялась, что оно разорвётся от чувств, переполняющих меня.

Илья с довольным видом устроился на коленях у своего папы, не желая оттуда слезать.

Я достала его любимые игрушки: Кроша и Ёжика. Мы принялись

играть с Илюшей. Я то и дело целовала сыночка, поражаясь сходству с Володи́ей.

Илюша был маленькой копией Владимира, даже брови так же хмурил и поджимал губы.

Я не удержалась, поцеловала сына в макушку и сжала пальцы Володи. Он быстро посмотрел на меня. Глаза Володи блестели.

— Он так похож на тебя. Точная копия. Мой маленький мужчина...

Володя покачал головой:

— У него твои глаза.

— С твоим взглядом.

Володя усмехнулся, притягивая к себе сына.

Я замерла, боясь спугнуть этот момент. Осознание того, что у нас могла бы быть семья, остро пронзило меня насквозь.

Глядя на то, как сын тянется к своему отцу, я поняла, чего мне хочется: нас троих — вместе... Постоянно.

Глава 72. Янина

Мы бы сидели у постели сына целый день, но Илюше нужно было отдохнуть. Он и так был взбудоражен, долго играл и в итоге уснул на руках у Володи.

— Нужно дать ему поспать, — в палату заглянула медсестра. — Вас доктор приглашает к себе в кабинет.

— Хорошо, — согласилась я.

Володя не спешил перекладывать сына на кровать.

— Не отпускал бы, — признался Володя, глядя на мирно сопящего сына.

Я поцеловала волосы сына, оказавшись очень близко от Володи, и не удержалась, сама поцеловав его в губы. Он успел поймать мои губы, жадно прикусив их, и одной рукой притянул за шею, чтобы не убежала.

Поцелуй получился коротким, но страстным. Кровь зашумела в голове, и по телу разлился жар, заставив щёки полыхать.

— Напрашиваешься, маленькая, — севшим голосом сказал Владимир, гладя меня по щеке. — Ты же потом от меня не отделаешься вовек...

— Я и не хочу этого... — едва слышно ответила я.

Володя не верящим взглядом посмотрел на меня, усмехнулся своим мыслям, и осторожно переложил Илью на кровать.

Мы неслышно вышли из палаты, закрыв за собой дверь. Володя сразу же обнял меня за талию одной рукой, прижав к своему боку.

— Не провоцируй. Если не планируешь отвечать за свои слова, — прошептал он мне в волосы.

Его тело было напряжено и прижималось к моему. Больше всего на свете мне хотелось освободить его от лишней одежды и поцеловать, слившись воедино.

Я поднялась на цыпочки, быстро целуя его лицо и губы. Владимир оторопело посмотрел на меня и простонал, потом быстро схватил под локоть и потащил по коридору больницы, заведя в небольшой тупичок.

— Ты что творишь? Хочешь, чтобы я опять свихнулся? — спросил он, сильно сжимая локоть.

— Не надо сходить с ума... — попросила я и снова подступила к нему, обняв.

Я потянулась губами к его губам, но не поцеловала их и в самый последний момент переместилась на щёку, скулы, линию подбородка и шею. Владимир судорожно вздохнул, сминая мою талию. Он вжал моё тело в своё и жёстко зафиксировал лицо между горячими ладонями.

— А теперь поцелуй меня, — приказал он. — По-взрослому, маленькая... Так, чтобы я поверил.

Пылающий взгляд Володи прожигал меня насквозь, мои губы щекотало желанием почувствовать его губы на своих. Я выгнулась ему навстречу и потянулась вверх, чтобы наконец-то самой дотронуться до его губ.

Впервые я сделала шаг ему навстречу сама. Потому что мне хотелось этого безумно сильно.

Глаза сразу же закрылись сами по себе, дыхание стало рваным и частым. Мы столкнулись губами. Его чётко очерченные губы рвались мне навстречу, не взирая на просьбу о том, чтобы я сама целовала его.

Но наша близость всегда заводила его очень сильно. Я прикоснулась к его губам, пробуя их мягкость и слизывая языком тепло. Он сразу же впустил меня внутрь, подталкивая стать ещё ближе.

Я осторожно провела языком по внутренней поверхности его губ. Дух захватило от этого поцелуя. Как будто я целуюсь впервые, и он — первый, единственный. И не было никого, кроме него.

Володя тяжело дышал и не давал мне перевести дух, разжигая огонь своей отзывчивостью и дрожью крупного тела.

Меня всё сильнее затягивало в водоворот страстного поцелуя. Я охотно дотронулась языком, встретив его, ласкаясь и мягко посасывая, слыша приглушённые гортанные стоны.

У меня закружилась голова, а ноги стали невыносимо ватными. Если бы не руки Володи, держащие меня, повисла бы на нём, цепляясь за широкие плечи пальцами.

Я отстранилась, только когда между нами начал вибрировать его телефон, лежащий в кармане пиджака. Володя наклонился к моему лицу.

Я чувствовала кожей его обжигающее дыхание.

— Какая же ты горячая, Янина...

Я загорелась ещё больше от его слов. Я не могла отвести взгляда от

загораживающего демонического отблеск в красивых глазах. Я смотрела с откровенной жадью обладать этим мужчиной.

Меня насквозь пронизывало желанием быть с ним.

— Невыносимо горячая. Впервые вижу и чувствую тебя такой...

Володя перевёл дыхание и провёл по моим губам подушечкой большого пальца.

— Ждёшь продолжения?

Я поцеловала его палец, проведя языком по шершавой горячей коже, и медленно втянула его в рот. Володя шумно выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы. Я отвела голову назад.

— Жду. Не меньше тебя, — честно призналась я.

Володя отстранился, перемещая руки на мои плечи.

— Ведьма ты. Околдовываешь, — усмехнулся он. — Хочется к тебе. Но в то же время тысячу раз подумаю, чтобы захотеть что-то большее, чем просто секс.

— Секс и ребёнка? — уточнила я, чувствуя, как жар тела мгновенно покрывается корочкой ледяного отчуждения.

— Нам нужно посетить кабинет врача, — внезапно ушёл от ответа Владимир. — Пойдём, нас ждут... Я разговаривал с врачом накануне о перевозке Ильи. Надеюсь, нам это разрешат. Чем скорее, тем лучше.

— Торопишься вернуться обратно?

Володя отодвинулся и пошёл по коридору, заставляя меня идти следом за ним. Я разглядывала его крепкое тело с широким разворотом плеч. Мужская сила чувствовалась даже под просторным медицинским халатом.

— Да. У меня куча дел.

Глава 73. Янина

Ревность едкой кислотой разлилась изнутри. Раньше я плохо себе представляла, что чувствовал Владимир, когда находился рядом со мной и Славкой. Но сейчас я его хорошо понимала. Я ничего не знаю о его жене наверняка, кроме её стервозного голоса, но уже чувствую неприязнь к этой женщине.

Я постаралась отбросить в сторону эти ненужные мысли. Мне надо было вылечить сына, а потом... всё остальное — не так важно, как его здоровье. Но вопреки голосу разума, сердце заныло, а глаза норовили всё чаще разглядывать Владимира, любуясь его резким и суровым лицом.

— Можем ли мы забрать ребёнка? — сразу спросил Владимир в кабинете врача.

— У вас есть два варианта. Первый — ребёнок остаётся у нас. Мы обеспечим ему качественное лечение, сделаем всё, что в наших силах, чтобы поставить на ноги.

Володя покачал головой:

— Исключено. Я не смогу оставаться в этом городе долго.

— Но с ребёнком останется мама малыша? — предположил врач.

— Нет. Я должен знать, понимать и видеть, что происходит с моим сыном. Я не смогу улететь, оставив его здесь. К тому же... — Володя усмехнулся. — Давайте так, сможете ли вы восстановить повреждённые участки кожи в ваших условиях?

Врач развёл руками.

— Об этом ещё рано говорить.

— И всё же? Я не хочу, чтобы мой ребёнок напоминал лоскутное одеяло. Я понимаю, что такие повреждения не останутся без следа. Но можно же пересадить кожу. Вы сами говорили об этом...

— Да. Позднее это можно будет сделать.

— Я хочу, чтобы эту операцию проводили лучшие специалисты. Чтобы за ребёнком вёлся качественный уход медицинских работников специализированного центра. У вас — просто больница, не более. Я благодарен вам за спасение жизни своего сына. Но теперь хочу, чтобы

он восстановился как можно быстрее. Поэтому ответьте, как скоро мы сможем забрать мальчика?

Врач полистал историю болезни, тщательно изучил результаты анализов.

— Положительная динамика есть. Но мальчик только недавно пришёл в себя. Нужно хотя бы ещё два-три дня. Это минимум.

— Хорошо. Тогда я готовлюсь забрать своего сына через три дня.

— Если позволит состояние.

— Разумеется. Это даже не обсуждается... — решительно кивнул Володя.

Мы вышли из больницы. Мой пыл остудился, не только от действия морозного воздуха, но и от слов Володи. Я уже ругала себя последними словами за то, что набросилась на него с поцелуями, показывая свою слабость. Это было ни к чему.

Чёрт... Владимир явно не озадачивается верностью жене, а я не хочу стать его любовницей. Потом одёрнула себя — уже стала. Как же всё сложно!

— Что, маленькая, уже сожалеешь? — поинтересовался Володя, подхватив меня под локоть, чтобы я не растянулась на скользком снегу.

Отвечать, к счастью, мне не пришлось. Позвонил мой брат, Стас, предупредив, что на днях он приедет в город вместе с мамой. Я остановилась, махнув Володе, чтобы он шёл дальше.

— Иди, догоню...

Володя остановился в нескольких шагах от меня.

— Спасибо, Стас. Но мне так неловко, что ты из-за нас срываешься с работы.

— Помолчи, а? Илюха как?

— Пришёл в себя, играетя. Врач сказал, что он идёт на поправку, — с улыбкой ответила я.

— Слава богу, — обрадованно выдохнул Стас и спросил. — Как прошла встреча с папашей?

Я скрипнула зубами.

— Стас, я не могу сейчас говорить.

— Рядом стоит, да? — усмехнулся брат. — Ладно, приеду скоро и поговорим. Не раскисай, мелкая. Я уже договорился, меня отпустят, только к своим заскочу сначала.

— Конечно, поцелуй их за меня. Я соскучилась по вам.

— Мы тоже. Мамка наша сейчас вместе с Алёнкой, за дочкой смотрят. Она, по ходу, ещё больше поседела от переживаний. А ты не вини себя во всём подряд, Ян. Это несчастье могло случиться с каждым. Главное, что Илюха восстанавливается.

Я поговорила с братом и распрощалась.

— О чём задумалась, Янина?

— Брат обещал приехать...

Володя рассмеялся.

— Давай говорить о чём угодно, кроме нас с тобой, да?

Я подстроилась под его размашистый шаг.

— Нас с тобой не было. Сейчас у тебя своя семья, как ты сказал. Я не хочу болтаться где-то сбоку в качестве средства для снятия напряжения.

— Вот с этим ты просчиталась. С тобой, наоборот, напрягается всё, что только можно, и мозги плавятся.

Я пожала плечами, стараясь не выдавать своего сильного волнения.

— Вернулись к тому, с чего начали. Бери своё и проваливай, да? — едко спросил Владимир.

Я нахмурилась.

— Ты сам сказал, что тебе нужен только секс и ребёнок. Всё.

— И ты готова дать мне это? — Владимир пронизательно посмотрел на меня.

— У меня нет выбора. Нужно платить по счетам.

Владимир зло посмотрел на меня.

— Хорошо. Давай переведём всё в договорную плоскость.

— У меня от тебя голова кругом идёт. Ты сам не знаешь, чего ты хочешь... — занервничала я. — Мне нужно съездить домой и уладить дела с работой. Ты же решил, что Илюшу перевезут?

— Да. Однозначно. Некоторое время он будет наблюдаться у наших специалистов. Потом я отправлю его за рубеж...

— Что?! — удивилась я. — Первый раз слышу об этом.

— Ну, вот и услышала. У нас есть врачи от бога, но медицинская система — явно от лукавого. Они чуть не угробили моего сына, едва не залечив до смерти. Так что нет. Как только ему полегчает, перевезу.

— Ты не спросил меня.

— Ты согласишься. Потому что хочешь добра своему ребёнку. Потому что ты попросила меня о помощи. Я тебе помогу, но не перечь и

не путайся под ногами, — непреклонно заявил Володя. — Ты не скажешь ни слова против, отправишься вместе с ним.

— Ты уже всё решил?

— Да, Янина. Я уже всё решил. Я даже решил, что первое время ты будешь жить у меня, — медленно протянул Владимир. — Ты же так и не видела мой дом после завершения ремонта? Тебе понравится.

Я задохнулась от возмущения.

— Ты... Ты... Нет. Я не стану жить в одном доме! С тобой и... с твоей женой!

— Почему нет? — усмехнулся Владимир.

— Серьёзно? Почему нет? Ты совсем с катушек слетел? — я едва не кричала. — Ты же спишь со мной!

— Не сплю. Трахаюсь. Сплю я отдельно, — цинично ответил Владимир, сказав чистую правду.

Мы всего один раз спали в постели вместе. В тот день по приезду. Но сейчас после секса Владимир ложился спать отдельно, словно нарочно возводя стену.

Я не могла поверить собственным ушам. Совсем недавно Володя казался мне понятным и близким, роднее не бывает. Но сейчас он снова сбивает меня с ног неприятным потоком слов, проверяя на прочность.

Неужели он не понимает, что прочности во мне сейчас не осталось, а земля словно раскачивается под ногами?

— Этому не бывать! — нахмурилась я.

— Это мои условия. Что тебя смущает? Ты — моя родственница. У меня большой дом.

— Я не думала, что ты настолько циничен, что притащишь в свой дом...

Я не могла выговорить вслух это слово. Мне не хотелось признавать себя в статусе «любовницы» или, что ещё хуже, шлюхи, которая за помощь расплачивается собой.

— Любовницу? — усмехнулся Володя. — Думаешь, я дам понять всем, что трахаю тебя, как мне вздумается?

Я подлетела к Володе и огрела его по щеке. Он перехватил запястье, сжав его словно тисками.

— Не делай так больше.

Владимир отбросил мою руку, полыхнув негодованием.

— И надень перчатки, дурочка, постоянно о них забываешь.

Замёрзнешь.

— Не твоя забота, Володя. Главное, чтобы интересующее тебя место не замёрзло и не заболело! — выпалила я, развернувшись в сторону остановки.

— Квартира в другой стороне! — рявкнул Володя.

— Я в курсе. Мне нужно уладить дела со своей работой и квартирой в родном городе.

— Я тебя не отпускал.

— Я — большая девочка. Мне не нужно твоё разрешение.

— Ошибаешься, — заявил Володя, подходя близко ко мне.

— Нет. Это ты ошибаешься, Владимир, брат моего погибшего мужа. Купил секс со мной и ребенка в обмен на помощь Илюше? Хорошо! Но не лезь дальше.

Владимир потянулся ко мне. Я быстро увернулась.

— Нет, не трогай меня просто так. Договорная плоскость? Отлично! Она меня устраивает.

Я развернулась и пошла к остановке, глотая слёзы обиды.

— Ты только с виду — нежная и трогательная, но в итоге оказываешься стервозной сукой, — бросил мне в спину Володя.

Я оглянулась. Он усмехался, нарочно выводя меня из себя. Опять, как когда-то раньше. И я, как назло, не могу удержаться от ответа.

— Для тебя я — недостаточно стервозная. Твоя ненаглядная жена обставила меня на тысячу очков рейтинга.

Глава 74. Янина

Я бездумно купила билет на электричку и уехала в город, где жила вместе с Илюшей. После тяжелого разговора с Володей я снова расклеилась. Настроение было на нулевой отметке. Я думала, что задержусь надолго: мне нужно было решить вопрос с работой, сказать, что я окончательно увольняюсь.

Но вопреки моим ожиданиям, всё решилось очень быстро. Меня отпустили без проблем. Начальница уже нашла мне замену. Я немного расстроилась: мне казалось, что я что-то значу. Оказывается, я что-то значила только для своих родных: сына, мамы и брата. Всё.

На работе мне быстро нашли замену, интересующий мужчина, пользуясь моей беспомощностью и своим положением, вытирает об меня ноги.

Я была благодарна Володе за спасение жизни Илюши. Но всё остальное — нет. Прогуливаясь по улицам города до дома, я вдруг решила, что не стану исполнять условия сделки.

Володя хочет трахать меня? Пожалуйста! Если это цена жизни Илюши, я готова её заплатить. Но рожать ему ребёнка, чтобы он забрал его себе, вырвав вместе с ним кусок моего сердца?.. Рожать ребёнка, чтобы эта мегера, считающаяся его женой, трогала его своими холёными руками, лишёнными материнской любви? Ни за что!

Я лишь беспокоилась за то, чтобы сейчас уже не оказаться беременной. Но дни были неподходящие, поэтому я лелеяла надежду не забеременеть.

Ирония судьбы.

Три года назад я страстно желала иметь ребёнка.

Сейчас — молю бога, чтобы не забеременеть от Володи.

Я купила в аптеке сверхчувствительные тесты на беременность, который можно было делать в любое время суток, и несколько упаковок противозачаточных средств. Тесты показали отрицательный результат. Я выкинула картонные упаковки вместе с инструкциями и спрятала блистеры во внутреннем кармашке сумочки.

После этого я облегчённо выдохнула. *Второго ребёнка на таких*

условиях и с таким отношением Володя от меня ни за что не получит.

Наверное, рано или поздно он задастся вопросом, почему я никак не могу забеременеть. Но не у всех пар получается сразу. К тому времени я надеюсь, что Илюша восстановится, и мы уедем.

Я обещала себе, что теперь не стану лишать Илюшу отца. Но я не хочу видеть в Володе чудовище и окончательно разочаровываться в нём, терпя унижения. Видеться с ребёнком можно и по праздникам.

Кошунственно... Совсем недавно я хотела быть ближе, но несколько фраз, произнесённых его голосом, разубедили меня в правильности желания.

Я опять начала корить себя за то, что показала свои чувства к Володе. Я сама того не желая, предоставила ему обширное поле деятельности.

Был уже вечер. Можно было вернуться на позднем электропоезде, к Володе. Но сейчас мне этого не хотелось. Я зашла в гости к Алёне и посидела с племянницей, поговорила с мамой и вернулась в свою квартиру, чтобы прибраться. Я решила оставить ключи от квартиры брату и его жене, чтобы они приглядывали за квартирой.

Я перебрала вещи, выбрала несколько любимых игрушек сына и сложила всё в сумку, чтобы взять с собой завтра.

Зазвонил телефон. Ожидаемо — Володя. Я не стала игнорировать его звонки, зная, как его это раздражает.

— Алло?

— Усталый голос, Янина.

— Сложный период в жизни, — усмехнулась я. — Что-то ещё?

Володя помолчал.

— Ты решила все свои вопросы?

— Основную массу — да, — я не стала врать, ответила, как есть.

Сейчас у меня не было сил прятаться и возводить стены. Я решила возвести только одну стену, чтобы Володя не смог полностью разбить моё сердце и потоптаться по его осколкам.

Во всём остальном я не видела смысла прятаться. Я, чёрт побери, уже не та наивная девушка, прячущаяся от всего. У меня растёт маленький сын.

Я должна быть сильной и уметь не бежать от проблем, а встречать их и решать, если они решаемы. Или учиться жить — как в случае с Володей.

Сейчас я поняла, что Володя — это навсегда, как часть меня и продолжение в моём сыне.

— Вернёшься?

— Конечно, — ответила я, рассмеявшись. — Я не могу оставить Илюшку одного.

— Но не сегодня? — уточнил Володя.

Я посмотрела на часы. Я успела бы на самый поздний рейс. Но у меня не было желания это делать.

— Ты успеешь на последний рейс, я смотрел расписание. Я тебя встречу, — предложил Володя, затягиваясь. Опять курит?

— Нет.

Володя помолчал, удивляясь твёрдости моего ответа.

— Нет? — переспросил он.

— Володя, я не собачонка. Не надо бросать мне косточку и просить принести её обратно точно в срок. Сейчас уже поздно, а я смертельно устала. От тебя — в том числе.

— Быстро же я тебе приелся.

— Ты сделал всё для этого. И я думаю, что это только начало. Поэтому у меня сегодня выходной. От тебя. Что касается твоего желания иметь ребёнка, — невесело усмехнулась я. — Я отправлю тебе сообщением благоприятные дни для зачатия. Наша близость будет ограничена только этими днями. Всё. Ничего большего я тебе не позволю. Для снятия напряжения и поднятия настроения пользуйся услугами жены или найми проститутку.

— Суровая. Раньше ты не была такой твёрдой, — усмехнулся Володя.

Его голос казался мне гулким, как будто он находился в пустом помещении.

Я не успела ему ответить, как услышала, что в дверь стучат. Так поздно? Я подошла к дверному глазку и обомлела, увидев за дверью Володю.

Глава 75. Янина

Володя помахал мне телефоном и снова прижал его к уху.

— Давай, маленькая, открой мне дверь, — усмехнулся он.

— Что ты здесь делаешь?

— Мы будем разговаривать через закрытую дверь и по телефону? Серьёзно?

Володя отключился. Я вздохнула: приставучая зараза, от которой мне, похоже, теперь никуда не скрыться.

Я открыла дверь и отступила вглубь коридора. Володя неторопливо разулся и разделся, проходя внутрь. Он осмотрел сумку со сложенными вещами, кивнув.

— Всё-таки собираешься.

— Думал, что я вру? Ты в своём уме? — вспылила я. — Там мой сын. Я не оставлю его одного. Ни за что! Даже если придётся иметь дело с тобой!

Я нервно прошла в комнату, продолжая упаковывать лишние игрушки в картонные коробки. Володя прошёл следом за мной и сел рядом на пол, принявшись помогать.

— Не трогай, а? — попросила я, забрав у Володи паровозик.

— А что так? Думаешь, что запачкаю своей грязью? Как в прошлом?

— Почему ты, вообще, здесь?

Володя опёрся на локти, вытянув ноги перед собой.

— Я знал, что ты не захочешь приехать. Вот и всё. Приехал меньше часа назад и позвонил тебе. Я оказался прав.

— Знал, что я не захочу тебя видеть после неприятного разговора и всё равно приехал. Молодец. Мастер растравить душу...

Я заклеила последнюю коробку скотчем и встала, ища взглядом стул. Володя поднялся и сам без проблем поставил коробки на верх шкафа.

— Спасибо.

— Всего одно спасибо, вредная?

Володя перехватил меня за талию и вжал в своё тело. Я оказалась в

ловушке его крепкого тела. В этом капкане было непередаваемо хорошо и до ужаса спокойно, пока объятия не разжимались. Я никогда не могла остаться равнодушной рядом с ним. Я с трудом уняла волнение.

Я упёрлась кулаками в его грудь, отталкивая.

— Ничего не будет. Я сказала тебе: получишь своё, но только в нужный день. Отпусти.

— Не хочу. Никогда не хотел.

— Сейчас — тем более, да? Когда я вынуждена находиться рядом с тобой, — я опустила руки по швам.

Володя уже наклонился, чтобы поцеловать меня, но остановился, услышав продолжение моей фразы.

— Если тебе так нравится брать силой и трахать безвольное тело, то можешь приступать.

— Ты не останешься равнодушной, — пообещал он, глядя пальцами шрам на моей щеке.

— И это лучшее, что есть между нами. Только секс. Он хорош. Ничего другого.

— А как же наш сын? Наш...

— Он не стоит между нами. И никогда не встанет. Он просто есть. Я молюсь о его выздоровлении и думаю в первую очередь о том, чтобы он встал на ноги. Тебе же не так интересен сын, как возможность поизмываться над его матерью, отомстив за прошлые обиды.

Я нырнула под руку Володи. Я убрала мусор и закрылась в ванной, переводя дыхание. Володя опять давил на меня монолитной плитой. Но раньше он делал скидку на тяжёлую ситуацию и иногда давал передышку. Времена жалости канули в прошлое. Теперь остался только прессинг.

Я постелила Володе на диване в зале, а сама пошла в спальню. Он проследил за мной взглядом и не дал закрыть дверь, опершись плечом о косяк.

— Володя. Не смей трогать меня сейчас.

— Разве я тебя трогаю? — удивился он. — Стою на расстоянии.

— Иди спать в зале. Не понимаю, зачем ты приехал сюда. Тебе нравится изматывать меня? Никогда бы не подумала, что ты превратишься в садиста.

Володя двинулся вперёд, обхватил меня за плечи и поцеловал в висок.

— Оказывается, ты до сих пор для меня желанная и возбуждающая, маленькая. Несмотря ни на что, меня к тебе тянет.

В горле пересохло, а по телу заструился знакомый жар от мужских ладоней, перемещающихся с плеч на талию.

— Не называй меня ласковыми прозвищами. Оставь их для жены. Обращайся ко мне по имени, — попросила я и собрала всю свою волю, отойдя от Володи. — Ты зря приехал сегодня. Завтра я бы сама вернулась в твою тюрьму.

Глава 76. Янина

Володя всё-таки оставил меня и не стал домогаться. Вопреки всему, я долго не могла уснуть, прислушиваясь к шагам Владимира, который то и дело выходил покурить на балкон. Наконец, я не выдержала и встала.

— Ты мешаешь мне спать.

— Угу. Так же, как и ты. Знаешь, я привык спать очень мало. Сейчас очень хотел бы отключиться, но не могу, — признался Володя, закрывая балкон. — Полежи со мной?

— Ха. Очень смешно. Просто не хлопай балконной дверью.

— Да ладно, я не буду к тебе приставать. Или боишься, что не удержишься и сама начнёшь соблазнять меня на секс?

— Не дождёшься. Не хлопай дверью — это всё, о чём я тебя прошу. Спать с тобой я не буду. Ты трахаешь меня, но не спишь со мной. Это твои же слова. Меня устраивает. Не хочу ничего менять.

Я вернулась в спальню, но не закрыла дверь на щеколду. Володя сразу же зашёл следом и развалился на моей кровати, утягивая меня за собой.

— Ты ничего не хочешь менять, но правила игры задаю я. Не хочешь трахаться? Значит, просто спим. Всё. Возражения не принимаются.

Отпихнуть крупного, сильного Володю не получалось. Он просто вжал меня в грудную клетку, заставляя дышать своим запахом и слушать грохочущее сердце в груди.

Я выдохнула и замерла, расслабляясь.

Это была одна из самых спокойных ночей в моей жизни. После дневного накала эмоций я чувствовала опустошение и просто спала в крепких объятиях. Неправильно, но так желанно.

Оставшиеся дни Володя вёл себя спокойно и даже немного отстранённо. Не приставал, не лез, не травил душу. Мы вместе навещали сына — и если бы на то была моя воля, я замедлила бы время, чтобы дольше находиться вместе вот так, втроём, без ссор, ругани и

взаимных упрёков.

Илюша становился крошечным мостиком между нами. Он был любим нами обоими. В его присутствии мы забывали о вражде и недовольстве.

— Ну-ка, где мой богатырь? — слышался голос Стаса.

Я обернулась. На пороге палаты стоял мой старший брат, из-за массивного плеча робко выглядывала мама.

Володя медленно отстранился от сынишки. Впервые наша семья собралась вот так: всем было понятно, что Володя — отец Ильи.

Стас молча поздоровался за руку с Володей и переключился на любимого племянника. Илья довольно захихикал, когда Стас шутливо прикусил его за ухо. Я улыбнулась. Рядом со мной села мама, останавливая пыл Стаса и прося его не слишком сильно беситься с перебинтованным сынишкой.

Илья шёл на поправку, но требовалась ещё не одна операция по пересадке кожи. Я даже не могла представить, как ему было больно. Меня просто замораживало в такие моменты и я переставала чувствовать себя живой, желая лишь, чтобы сын поправился.

Илья играл с бабушкой, забыв о плохом происшествии. Дети быстро забывают и готовы снова безответно быть ласковыми.

Потом Стас утянул меня за собой и вывел из больницы. В палате остался Владимир с сынишкой и моя мама.

— Не хочу говорить в этих стенах, — пояснил Стас, заводя меня в кафе неподалёку.

Мы сделали заказ, и только после этого Стас сжал мои руки своими.

— Рассказывай, мелкая. Только правду. Или я её из этого мажора выбью. Но боюсь, что после этого тебе придётся дежурить не только возле постели сына, но и возле постели его ебанутого папаши.

— С чего ты взял? — усмехнулась я, осторожно освобождая руку и переключаясь на горячий чай с молоком.

— Мне можешь не врать. Я тебя насквозь вижу. Ты была жизнерадостной и яркой, а сейчас опять превратилась в тень, как после похорон.

— Думаешь, я смогу быть радостной, когда сынишке предстоит долгое и болезненное восстановление?

— Да. Но не только поэтому. Просто рядом опять появился упырь,

высасывающий из тебя всю радость. Как этот, блядь, дементор из Гарри Поттера.

Я рассмеялась.

— Перестань. Ты преувеличиваешь. Ты же в курсе, как всё не просто у нас с Володей было тогда. Сейчас стало не легче. Только и всего...

Стас мрачно кивнул.

— Я заметил обручалку у него. Женился?

— Женился, — согласилась я. — Имела честь разговаривать с его женой.

— Даже так?

— Да. Я звонила Володе сразу после того, как с Илюшей случилась беда. Нарвалась на его милую жёнушку, обозвавшую меня шалавой и пославшую куда подальше.

— Хорошая парочка! — усмехнулся Стас. — Вот пусть и ебут друг другу мозги. И что дальше? Он разосрался со своей милой и винит в этом тебя?

— Нет. Она ему не сказала ничего. Володя сам приехал, чтобы провести меня и сына. Ноябрь же, годовщина. Нахлынуло всё. Ну и вот...

— Ясно. Нахлынуло, блядь. По его озабоченной роже я понял, что с него тогда и не схлынуло ни хрена.

— Не знаю, — пожала я плечами. — Я думаю иначе.

— Со стороны иногда виднее. Что делать будешь? Когда он уезжает?

Я съела немного шоколадного торта и только потом ответила.

— Не он. Мы. Володя забирает нас с собой.

Брат закашлялся, поперхнувшись.

— Ни хрена себе... Новости! В качестве кого, позволь узнать? — брат пылливо посмотрел на меня.

— Илью здесь так не вылечат. Мне придётся задержаться там, пока его не поставят на ноги.

— Ага, и деловой денежный мешок решил, что там будет лучше. Не спорю, конечно, лучше. Ну, а ты? Ни за что не поверю, что у него нет видов на тебя.

— Стас! Ты мне душу распотрошил и ковыряешься пальцами. Давай, не будем это обсуждать?

— Давай, не будем, — мирно согласился брат. — С тобой не будем. С Володей побеседую.

— Не надо кулаками размахивать, Стас. Мы сами разберёмся. Я сниму квартиру отдельно и устроюсь на работу, пока Илюшу будут лечить, — нахмурилась я, желая поверить в то, что Володя позволит мне сделать это.

— А ты мне не указывай, ясно? Ешь свой любимый торт. Сказал, поговорю, значит, поговорю. Не хватало ещё, чтобы он пользовался ситуацией и загонял тебя в угол, — пробурчал брат.

«Уже загнал», — подумала я и отмахнулась от этой мысли.

— Лучше расскажи, как дела у тебя, Стас? Хочу отвлечь немного от всего этого...

Глава 77. Владимир

Я довольно сухо общался с мамой Янины, перебрасываясь фразами лишь по необходимости. Я ждал возвращения Янины, ушедшей с братом. Дождался...

Стас сразу же предложил выйти и покурить. Янина метнула на брата беспокойный взгляд, но тот просто повернулся к ней спиной так, чтобы закрыть свою сестру от меня.

Что ж, братец, твой намёк я понял. Что ещё?

— Когда улетать собираетесь? — сразу перешёл к делу Стас, едва мы оказались на улице.

— Сразу, как только врач посмотрит результаты анализов и даст добро, — спокойно ответил я.

— Угу... Понятно. Янина сказала, что это надолго. Она оставила мне ключи от квартиры, чтобы я приглядывал за ней. Но знаешь, лучше бы я приглядывал за своей сестрёнкой, чем за пустой квартирой. В большом городе много ебанутих на всю голову, готовых загнать в угол и обгрызать по кусочку, смакуя добычу...

Я резко затянулся сигаретным дымом. Янина очень близка с братом. Или просто Стас очень догадливый. Я не думаю, что Янина рассказала брату подробности о нас, но он читает её между строк, словно на его глазах волшебные линзы, позволяющие видеть скрытые и недоступные моему пониманию загадочные символы.

— Большой город — большие проблемы. Для кого-то, кроме меня.

— Ну да, денег у тебя хватает. Я понимаю, что мне ни за что не организовать такое лечение племяннику, какое можешь позволить себе ты, — усмехнулся брат Янины. — Но давай это будет нормальное лечение, а не как в наших больницах, где одно лечат, а другое калечат, идёт?

Я покачал головой.

— Твоё беспокойство мне понятно. Но ты беспокоишься зря...

— Не думаю. Из Янины слов клещами не вытянешь, но мне не нужно слушать её, чтобы понимать.

— Хорошее качество.

— Да. Ты его напрочь лишён, — резко ответил Стас. — Как жена? Дети есть?

— Жена есть. И сын есть, один....

— Не от жены, — уточнил вслух Стас общеизвестный и понятный факт.

Я улыбнулся: моя улыбка больше напоминала оскал, но по-другому у меня сейчас не получалось. Стас видел во мне угрозу и мысленно приготовился атаковать, взяв низкий старт. Я сделал в ответ то же самое.

Наши отношения с Яниной — это черновик с кучей помятых и вырванных с корнем страниц, с перепутанными и усердно зачёркнутыми строчками. Мы пишем его вдвоём, но с разных концов, и неизменно встречаемся где-то посередине.

— Пусть жена и останется женой. Не впутывай мою сестру.

— Она сама неплохо может запутать, — ответил я, понимая, что Стас такой ответ не приемлет. Он его просто не слышит. Янина — неприкосновенна. И точка. И по фиг ему, что эта маленькая девушка, вечная девочка с глазами заплаканной куклы, может убивать словами.

— Какой ты обиженный! — усмехнулся Стас. — Большого мужика запутала девчонка. Самому не смешно от своих слов? Сколько тебе? Скоро сорок стукнет?

— Ещё не скоро, через полтора года...

— Полтора года — это ерунда. Всё равное ты чересчур взрослый, чтобы носиться со своими обидами, как с писаной торбой.

Я докурил сигарету, швырнув её в урну.

— Я тебя услышал, Стас. Я хорошо устрою Янину на новом месте. Ни она, ни сын ни в чём не будут нуждаться. Илья получит самое лучшее лечение, которое только возможно.

Стас мрачно кивнул.

— Не про лечение тоже не забывай. И не стоит попрекать Янину прошлым. Перерасти свои обиды, они смотрятся на тебе нелепо и смехотворно...

Надо же, младше меня, а жизни учит! Но каждое слово Стаса — веское и немного скупое. Приходится проглатывать смысл этих слов и откладывать где-то внутри себя, надеясь, что смысл не смоем моим личным штормом, начинающимся всякий раз, как я оказываюсь наедине с Яниной.

У нас с Яниной сложные недо-отношения. Я загнал её в угол и наблюдаю за ней, как охотник. Мне понятно только одно — не отпущу. В каком бы то ни было качестве, я её не отпущу.

Если всё получится, у меня будет двое детей от неё. И при таком раскладе её не отпущу. Я уже отпустил её однажды. И что хорошего вышло в итоге? Да ничего!

Поэтому сейчас я её не отпущу, даже если она возненавидит меня снова.

Я хочу её в свою жизнь. Навсегда. Но пока не уверен, что она готова перешагнуть все наши обиды и остаться со мной.

Как минимум, Янина будет жить со мной в одном городе, я буду навещать своего старшего сына. Ей придётся с этим жить. Придётся видеть и слышать меня.

Глава 78. Янина

Врач дал разрешение на перевозку Ильи. Володя занялся приготовлением к перелёту. Он заблаговременно оговорил все вопросы с авиакомпанией, чтобы получить, в первую очередь, согласие на перелет, а также, чтоб компания успела должным образом подготовить самолет.

Врач, Кирилл Владимирович, передал заключение, где были указаны нужные условия для транспортировки Илюши.

Носилки для Ильи расположили в хвостовой зоне самолёта, отделив ограждением. Так Илюше было бы комфортнее и спокойнее. И другие пассажиры не были обеспокоены. Во время полета с нами находился врач и его помощник, для наблюдения за состоянием Илюши.

Я никогда не испытывала особенного страха перед перелётом, но сейчас безумно волновалась. Илья большую часть перелёта спал. Я не выпускала из рук тонкие пальчики сынишки. Моё сердце обливалось кровью каждый раз, когда Илюша вздрагивал во сне.

— Не переживай так сильно.

Рядом присел Володя, прижав к себе одной рукой.

— Иди сюда, ну же... Пусть спит. Всё будет хорошо, обещаю.

Володя заставил меня отпустить руку сына и переплёл свои пальцы с моими.

— Вот так гораздо лучше, — поцеловал пальцы. — Мы справимся, вот увидишь.

Рядом с Володей я забылась сном, окутав себя его заботой и вниманием, пусть даже временными, но таким нужными мне сейчас, что впору было бы просить его не делать мне больно.

В аэропорту нас уже ждали. Сынишку сразу же отвезли в медицинский центр, расположив его в отдельной палате. Мне не позволили остаться рядом с сыном, сославшись на то, что уже поздно. Я только поцеловала его в лобик на прощание, пообещав, что завтра обязательно приду к нему.

Отрывать себя от больного сынишки — смерти подобно. Хоть и знаешь, что мало чем можешь помочь, кроме как ласковым словом и

прикосновением.

— Уже поздно, Янин...

Володя растёр руками лицо.

— Сегодня ты переночуешь в моём доме. Завтра с утра навестим сына. Потом я подыщу тебе жильё.

Я не успела и слова возразить, как он сказал:

— Не отнекивайся, хорошо? Или на всё время останешься жить у меня. Тебе же этого не хочется?

— Ни под каким предлогом. Я бы даже сегодня не стала ночевать в вашем доме.

— В моём доме, Янина. От жены там только запах духов и фотографии. Поехали, не перечь мне. Пожалуйста. Я устал...

Впервые за всё время, что я знаю Володю, он открыто признался, что и у его запаса сил есть предел. Мне не хотелось делать и шага в направлении дома Володи. Я понятия не имела, живёт ли он там же или переехал.

Но больше всего мне не хотелось видеться с женой Володи. Боюсь, что я не смогу быть с ней вежливой.

Как оказалось, Володя не переехал. Три года назад в купленном им доме ещё проводили ремонтные работы. Сейчас дом выглядел внушительно и монументально.

Володя загнал внедорожник в гараж и внезапно попросил сделать круг по территории вокруг дома. Всё освещалось уличными фонарями. На заднем дворе стоял вольер. Громко залаяла собака.

Я с удивлением посмотрела на пса. Володя открыл вольер, выпуская огромного алабая.

— Буран? — изумлённо спросила я.

Володя сидел на корточках и чесал за ухом алабая, млевшего от ласки хозяина.

— Он самый, Янин.

— Я думала, что ты избавился от него. Ты ни разу не говорил о том, что забрал его себе.

— Избавиться? Нет, что ты. Он же не виноват был тогда... Это я в прошлом подставил верного пса, просто он был верен ещё и мне, как оказалось.

Алабай рыкнул в мою сторону. Я испуганно замерла.

— Свои, Буран. Сидеть, — грозно окликнул пса Володя.

Буран перестал рычать, но всё же пристально смотрел на меня.

— Свои, Буран, свои, — приговаривал Володя, поглаживая пса. — Узнаёшь Янину? Она тебя раньше чересчур сильно баловала мясом и косточками....

Володя посмотрел на меня через плечо, усмехнувшись.

— Да-да, ты его тогда разбаловала. Он отъелся и потом долго морду воротил, прежде чем перешёл на другое, более правильное питание... Подойди, не бойся.

Алабай вытянул морду и коснулся влажным мокрым носом моей дрожащей ладони.

— Свои, Буран. Нельзя тявкать на Янину, кусать тем более нельзя. Куснёшь, станешь ковриком у камина. Понял?..

Алабай глухо тявкнул, как будто понял Володю, и внезапно махнул своей увесистой лапой. Я едва удерживала когтистую лапу большого породистого пса, понимая, что если пёс встанет на задние лапы, то будет выше меня.

— Он стал просто великаном...

Алабай, похоже, понял слова хозяина, потому что игриво толкнул меня под колени. Я не удержалась и упала, зацепив при этом ещё и Володю. Белый алабай с чёрными пятнами с довольным лаем носился вокруг, взметая вверх снежную пыль.

— Да, он силач, — рассмеялся Володя, помогая мне подняться. — Ладно, хватит играть с собакой. Если хочешь, можешь с ним видаться. Но только вместе со мной. Отпускать пса с тобой на прогулку без сопровождения — не самая лучшая идея. Буран тебя утащит, как пылинку. Пойдём в дом.

Глава 79. Янина

«Пойдём в дом»...

Всего несколько слов, а по вкусу они напоминают пирог, начинённый мелким, битым стеклом.

От фразы Володи веет теплом дома, обещанием подушки под головой и какой-то определённой. Но я понимаю, что есть и скрытая опасность, с которой мне скоро предстоит столкнуться лицом к лицу. Жена Владимира.

Я даже не знаю, как её зовут.

Владимир пропускает меня вперёд, помогает снять верхнюю одежду и подхватывает наши сумки. Он действует буднично и так же заботливо придерживает меня под локоть, направляя в длинном коридоре в нужную дверь.

Мне не хочется отходить от него ни на шаг, а он словно и не собирается этого делать. Поневоле понимаю, что внимание Володи и забота ко мне так вросли в него, что он делает это уже на автомате, не задумываясь о том, уместно ли это в нашей ситуации.

Я перебирала в уме множество масок, думая, какую из них надеть, а в просторную гостиную уже спустилась жена Володи.

Её взгляд сразу метнулся от фигуры мужа ко мне и вернулся обратно к мужу. Приклеился намертво, словно никого, кроме него, в комнате нет. Жена Володи спокойно спустилась, не замедлив шаг ни на секунду.

— С возвращением домой, милый! — жена Володи обняла его и потянулась за поцелуем.

— Привет, — Володя отодвинулся и развернулся ко мне лицом, уходя от поцелуя жены. — Я звонил и предупреждал, что приеду не один, но с родными. Познакомься, это Янина.

— Алина, — губы блондинки расплылись в широкой улыбке, не затронувшей глаза. — Знала о жене брата моего мужа только по фотографиям...

— Теперь узнаешь вживую. Ты говорила, чтобы приготовили стол к ужину?

— Да, домработница уже выполняет указание...

Алина стояла, приклеившись к мужу намертво, приобняв его одной рукой. Поневоле вспомнила слова Володи: «Найду себе самую отвязную и роскошную стерву, ни капли не похожую на тебя, и буду объезжать эту своенравную кобылу до потери пульса...»

Что же, с этим я могу поздравить Володю. Его жена — полная моя противоположность, высокая стройная блондинка, кожа ровно загорелая, но не пережаренная. Умеренность во всём — и в украшениях, и в одежде, и в голосе. Ничего лишнего. Почти не узнать ту стерву, плюющуюся ядом по телефону.

Единственное, что выдаёт её, это жадная хватка пальцев на локте мужа. Боится выпустить и вышагивает рядом с Володей, пока он ведёт меня в спальню, где мне предстоит заночевать сегодня.

Спальня небольшая, но очень уютная и светлая. Володя опускает сумку с моими вещами на пол рядом с кроватью.

— Чувствуй себя, как дома, Янина, — просит Владимир и отрывается на телефонный звонок. — Лина, покажи, где ванная и столовая. Я отойду, это по работе.

Володя выходит, поворачиваясь ко мне широкой спиной. Мне хочется вцепиться за его пиджак и попросить, чтобы он не уходил. Но вместо этого я заставляю себя расстегнуть сумку и достать одежду для дома.

Жена Володи наблюдает за моими действиями, не отрывая взгляда. Глаза у неё тёмно-карие, почти чёрные, необычное сочетание с цветом волос или просто она хорошо окрашена рукой мастера.

Я нарочно не спешу, выполняя свои действия так, как будто над моей душой не стоит жена Володи, желающая выцарапать мне глаза длинными ногтями.

— Володя сказал, что ты покажешь мне, где ванная... — я решаю первой нарушить тишину, чтобы не дать шанс Алине установить свои правила игры.

— Покажу. За мной.

Алина разворачивается и красивой походкой скользит по коридору, но начинает она с другой стороны, показывая, где столовая.

— Покажу первый этаж. Зал, гостиная, столовая, рабочий кабинет... Кухня и кладовая, комната для стирки... — в том крыле, показывает пальцем Алина. Там, откуда мы пришли, расположены

спальни для гостей и ванная с санузлом, — улыбается Алина. — Второй этаж — спальни хозяев дома, будущие детские комнаты. Второй этаж тебе ни к чему...

Алина разглядывает меня.

— Вы с Ярославом были красивой парой... Мои соболезнования. И по поводу несчастья с твоим ребёнком, тоже.

— Оставь при себе фальшивую доброжелательность. Володи нет рядом. Не услышит, — отвечаю я довольно резко.

Алина улыбается.

— Мне нет до тебя никакого дела. Так принято — устроить гостей в доме на ночь, проследить, чтобы им постелили чистую и сухую постель, накормили... Всех гостей, даже незваных и нежеланных.

— Мне нет до твоих желаний никакого дела, — возвращаю улыбку. — Но с определением «незваной гостьи» ты погорячилась.

— Ждать, пока ты приведёшь себя в порядок, не буду. У меня нет столько свободного времени. Надеюсь, найдёшь дорогу в столовую и не заблудишься в нашем доме... — решает закончить разговор Алина.

— Не заблужусь. Я видела этот дом ещё в проекте.

Мои слова достигают своей цели. Алина чересчур резко поправляет прядь волос. Короткий разговор — как обмен шпильками-укусами, соревнование, кто отступит первым и спрячет глаза.

Только когда Алина удалилась, я вздохнула свободнее и вернулась в выделенную мне спальню. Пришлось пройти через весь дом.

Но только для того, чтобы обнаружить, что в дверях спальни стоит Володя.

— Тебе показали дом?

— Да. Ты отлично потрудился. Как ты и говорил раньше, дом великолепен. Не против, если я приму душ перед ужином? — спрашиваю я. — Или не успею?

Володя закрывает дверь, оставаясь со мной наедине.

— Успеешь...

Он движется чересчур быстро и нависает надо мной, как грозовая туча, сминая в жёстких объятиях. Впечатывает со всего размаху в грудную клетку и жадно запускает руки в волосы, оттягивая голову книзу. Володю трясёт так же, как и меня, а взгляд лихорадочно рассредоточен.

— Признаться, я ждал, что ты заблудишься где-нибудь...

— Поджидал в тёмном углу? — спрашиваю я, стараясь не давать шанса ни истоме, ни голоду по Володе овладеть телом.

— Почти.

Володя наклоняется, но я успеваю немного отодвинуться головой влево. Его поцелуй повисает в воздухе над щекой.

— Целуй свою жену. Она по тебе скучала.

— А ты по мне не скучаешь?

— Мы были вместе всё это время.

— Вместе, но не так, как я бы того хотел. Мы не вместе, мы просто рядом, но порознь...

Володя гладит мои щёки пальцами и проводит по губам.

— Давай по-честному? Я хочу быть с тобой, маленькая. А ты?

Игнорирую вопрос. Быть любовницей мне не хочется. А большего мне не обещают. Я выскользываю из рук Володи, открывая дверь.

— Можно я не буду ужинать? — спрашиваю, заранее зная ответ.

— Нет. Поужинаешь со мной.

Глава 80. Янина

Это не ужин, а пытка на медленном огне. Володя буднично обменивается с женой репликами. Алина сидит, разумеется, рядом с супругом, не упуская ни одного шанса, чтобы прикоснуться к нему.

Это, наверное, так естественно: касаться своих близких.

Пытаюсь вспомнить, как я общалась с Ярославом...

Мы почти всегда сидели рядом, тесно прижавшись плечом к плечу, или ладонь Славы вольготно лежала на моём колене. Это было так давно. Кажется, как будто я смотрю киноплёнку с участием кого-то другого в роли меня.

А с Володей?.. С Володей у нас почти и не было совместно проведённого времени.

На людях мы держались всегда порознь. Когда мы были наедине, я смотрела на него так, словно я у самой себя воровала разрешение любоваться этим мужчиной.

— В твоё отсутствие звонил Востров, — подает голос Алина.

— Востров? Кому и куда он звонил? В офис?

— Нет. Он звонил на домашний телефон. В офисе ему сказали, что ты решаешь семейные неурядицы, и Виктор Алексеевич позвонил сюда.

— Хм...

— Сказал, что не может до тебя дозвониться, — продолжила Алина, поглаживая Володю по руке.

— Разумеется, он не мог до меня дозвониться. Потому что мне не о чем с ним разговаривать.

— Он говорил о покупке участка под строительство АЗС...

Володя аккуратно стряхнул руку жены, потянувшись за салатом. Алина, как ни в чём не бывало, поменяла положение тела. Теперь правой рукой она подпирала голову, а левую вольготно расположила на колене Володи или чуть выше?

«Какая, к чёрту, разница?!» — раздражённо подумала я, понимая, что разница для меня колоссальная.

Я смотрю в тарелку с ароматным супом, но вижу перед собой длинные, узкие пальцы в кроваво-красным маникюром, поглаживающие

мужской пах.

Мне становится нечем дышать и хочется поскорее убратъся отсюда.

— Я ничего не продам. Точка. Это не обсуждается.

— Востров просто просил передать, что готов увеличить цену.

— Нет. Пусть хоть утроит, я не пойду на сделку. Расположение участка очень удобное. Я купил участок, эта точка в будущем принесёт большую прибыль... Надеюсь, ты ничего не стала обещать ему? Потому что я не намерен ни торговаться, ни обсуждать с ним сделку, которой не будет.

— Нет, конечно. Я просто пообещала передать его слова. Я их передала. Решение за тобой.

Володя холодно улыбнулся жене.

— Правильно. Решения здесь принимаю я. Хорошо, что ты усвоила урок.

Я откладываю ложку, понимая, что не съела и трети тарелки супа. Кусок в горло не лезет.

— Спасибо за гостеприимство и вкусный ужин. Но я очень устала и хотела бы отдохнуть. Желаю вам заранее спокойной ночи...

— Спокойной ночи, — с улыбкой отвечает Алина.

Я не дожидаясь ответа от Владимира, ухожу. Понимаю, что это выглядит, как побег, но на сегодня мой лимит сил исчерпан. Я просто хочу отдохнуть и решить, как быть дальше.

Но сон, как назло, не идёт.

Я ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь выкинуть дурные мысли из головы. Но они едкие и назойливые, лезут из всех щелей. Всякая попытка подумать о чём-то другом обречена на провал. Любая мысль трансформируется в патологическую ревность, от которой так просто не избавиться.

* * *

Володя утром выглядит посвежевшим и отдохнувшим. Он гладко выбрит и собран по-деловому. За то время, что мы были рядом, я немного отвыкла от официальной версии Владимира.

Хорошо, что его вид напомнил мне о необходимости дистанции между нами. К тому же утром в просторном холле я увидела и жену

Владимира. Лицо ещё заспанное, но уже слегка подкрашенное, хоть и не так искусно, как вчера вечером.

— Ты? — удивился Владимир. — Ты же не встаёшь так рано...

— Хочу проводить тебя. Соскучилась за время отсутствия.

Алина обняла мужа, прижимая всем своим телом к нему. Володя даже не приобнял жену в ответ, немного раздражённо смотрит на массивные часы на запястье.

— Всё, мы уже опаздываем.

Красивое лицо Лины слегка омрачилось, когда она услышала местоимение «мы», но она ласково попрощалась с мужем.

— Ты готова? — спросил Володя и нахмурился, посмотрев на нетронутый мною завтрак.

— Готова.

— Тогда поехали, у меня сегодня много дел...

Володя завёл автомобиль, погладив руль.

— Соскучился по своему автомобилю?

— Да, я привык сам сидеть за рулём, а не быть пассажиром.

Володя пристально посмотрел на меня.

— У тебя же есть водительские права?

— Есть, — нехотя ответила я. — Училась...

— Не хочешь со мной разговаривать? — усмехнулся Володя. — Обиделась на меня?

— Нет, просто устала. Мне на новом месте всегда плохо спится.

— Да неужели? Помнится, в моей квартире ты спала, как убитая...

— Будем вспоминать прошлое? — спросила я, бездумно проматывая ленту сообщений телефона.

— Вернёмся к твоим правам. Не помню, чтобы ты сидела за рулём.

— Я еле-еле сдала экзамены. Это не моё...

Взгляд Володи пронёсся по моей коже, вызвав волну мурашек.

— У тебя день рождения в конце марта. Есть время поучиться водить.

— Ха. Я не стану этого делать.

— Станешь! — кивнул Володя. — Я подарю тебе автомобиль. К тому времени ты должна будешь научиться водить так, чтобы я не трясся за твою жизнь.

Глава 81. Янина

Я посмотрела на невозмутимого Володю, произнеся чётко:

— Я не буду учиться вождению. Ни за что!

— Будешь, — припечатал меня к сиденью веским словом Владимир. — Ты же не хочешь жить и общаться со мной, так? Тебе нужно будет ездить в медицинский центр к сыну. Если ты не позволишь мне заботиться о тебе, то я хочу знать, что ты чувствуешь себя комфортно.

— Я могу добираться и на автобусе или на метро.

— Нет, маленькая. Этому не бывать... Я сам буду тебя учить.

— Славка пытался меня научить, ничего не вышло, — пыталась отбиться от предложения Володи.

— Славку бы самого кто-нибудь поучил водить, — беззлобно ответил Володя и нахмурился. — Я ничего не имел в виду насчёт аварии.

— Зато я имела именно это в виду. Я не смогу.

— Ты даже не пробовала.

— Мне не нужно пробовать, чтобы знать это...

Володя выворачивает руль вправо, перестраиваясь, и загоняет машину в небольшой тупичок.

Потом отстёгивает свой ремень безопасности и тянется ко мне, крепко обхватив за шею одной рукой.

— Упрямица!

Его горячее дыхание обжигает губы, щекоча и многообещающе лаская их. Поневоле я прикрываю глаза, убеждая себя, что мне просто неловко смотреть в зеленоватые глаза Володи.

— Ревнивица моя... Скажешь, нет?

Володя осторожно целует щеку и обводит подушечкой большого пальца мои губы. Сначала осторожно и нежно, но потом усиливает нажим, словно перекатывает между пальцев спелые ягоды, пока из них не потечёт сок.

— Будешь и дальше отрицать очевидное, маленькая?

— Я ничего не отрицаю. Я просто не хочу в этом участвовать, —

шепчу я, понимая, что Володя стал ещё ближе.

Сейчас между нашими губами только миллиметры раскалённого, обжигающего воздуха. Адское напряжение бьёт по нервам и заставляет дрожать, удерживаясь из последних сил.

— Поцелуешь меня сама хотя бы раз?

— Целовала. Ничего хорошего из этого не вышло...

— Опять придётся делать всё самому. Когда же ты порадуешь меня, лунная?

Володя редко называл меня так, всего пару раз. От этого прозвища мне становится не по себе. Оно чересчур интимное и нежное. Я не хочу пачкать воспоминания о нём грязью нынешней ситуации, в которой мне отведена роль любовницы и средства для снятия напряжения Володи.

Я осторожно отстраняюсь, сжимаю пальцы Владимира своими.

— Не называй меня так сейчас...

— Шрам едва заметен. Но я знаю его наизусть и нашёл бы даже с завязанными глазами, — невпопад отвечает Володя, как будто не слышит меня.

— Володя, отвези меня к сыну! — прошу я. — Это всё, чего я хочу. Пожалуйста.

— Отвезу, конечно. Но сначала заедем в офис, — отвечает Владимир. — Мне есть что тебе показать...

Я не сразу поняла, что речь шла о той фирме, которую я переписала на Володю. Славка вогнал фирму в долги и убытки, но глядя на забитую автомобилями парковку возле двухэтажного здания, понимаю, что Володя преуспел и в этом.

— Посмотришь? — предлагает Владимир и, не дожидаясь моего согласия, вытягивает меня из тёплого салона автомобиля.

— Как я уже говорила, ты очень хорошо потрудился, — говорю я, шагая следом за Володей.

Сотрудники снуют по коридорам, работа уже кипит во всю. Володя легким кивком отвечает на приветствия и заводит меня в кабинет.

— Садись...

Он подталкивает меня в кресло за столом директора, а сам присаживается на стол, лицом ко мне.

Я окидываю взглядом его широкоплечую фигуру. Руки сложены под грудью, ноги немного расставлены в стороны. Поза расслаблена, но Володя замер так, словно выжидает чего-то.

— Ты такая упрямая, Ян. Тебе, может быть, не понравится то, что я предложу, — усмехается Володя уголками губ. — Но выслушай меня до конца, идёт?

Мой взгляд сам спускается ниже ремня мужских брюк, и я возмущённо вскакиваю, бросаясь прочь.

— Янина? Чёрт... Куда ты опять несёшься? — недоуменно спрашивает Владимир, догоняя меня у двери.

Я успела только провернуть ручку, но Володя захлопнул дверь.

— Отпусти! Мы так не договаривались... Ненавижу! — всхлипываю я, ударяя его по груди.

Володя перехватывает мои руки за запястья, сжимая их, и смеётся:

— Маленькая моя, я собирался предложить тебе работать в моём офисе. Больше ничего...

Володя мягко целует костяшки пальцев, глядя на меня. Я часто моргаю, слёзы повисают на ресницах, а лицо Володи немного расплывается перед моими глазами.

— Сейчас ты неправильно меня поняла, Ян. Ты не хочешь принимать помощь от меня и наверняка думала о том, чтобы на работу устраиваться, так? Я разобрался с проблемами на фирме Славки, ты можешь взяться за неё. Я бы помог. Я хотел тебе предложить поработать вместе, научил бы тебя всему.

Володя пристально вглядывается в моё лицо.

— Да, по дороге я вымогал у тебя один поцелуй. А ты подумала, что я стану требовать от тебя минет? Так, что ли? Я не монстр, Янин...

Моё лицо по цвету напоминает переспелый томат. Володя раскатисто смеётся и крепко сжимает меня в объятиях, целуя волосы.

— Скромница, ты сведёшь меня с ума, знаешь это? Теперь я точно не смогу успокоиться. Кажется, я знаю, какой подарок попрошу на Новый Год.

Я пытаюсь отпихнуть мужчину, смущающего меня и вгоняющего в краску.

— Попроси этот подарок у своей жены, Володя!

Володя обхватывает моё лицо ладонями и пристально всматривается в глаза.

— Она и без лишних просьб готова сделать мне приятно, даже когда мне этого совсем не хочется. Совсем не хочется. Я не спал с ней вчера.

— Подробности вашей интимной жизни мне неинтересны!

— *Врёшь. Ревнуешь и врёшь. Давай поговорим начистоту? Я могу решить всё. Могу развестись. Только если ты хочешь того же, что и я.*

— Мне надо в больницу. К сыну.

Володя вздыхает.

— Ладно, как знаешь. Сначала к сыну. Он важнее наших отношений. Но потом я вернусь к нашему разговору.

Глава 82. Алина

Со вчерашнего дня Алина места себе не находила.

Внутри клочкотала ярость. Муж, не скрываясь, притащил любовницу к себе домой, ещё и указал, чтобы та ни в чём не была стеснена.

Это была Янина, вдова. Судя по виду, безутешная вдова, бросающая на её мужа осторожные, вороватые взгляды. Внимание супруга к этой маленькой дряни чувствовалось даже на расстоянии. Муж даже разговаривал иначе и глаза странно блестели, выдавая возбуждение.

Алина хорошо понимала разницу между мужем тогда и сейчас. Нужно было быть слепой, глухой и тупой, чтобы не понять, как её мужа вело от этой большеглазой дряни.

Алина весь вечер старалась показать, кто в доме хозяйка и жена.

Поздно ночью Алине пришлось уйти из спальни мужа ни с чем. Она едва переступила порог, как поймала его тяжёлый взгляд на себе. Муж сидел на кровати с ноутбуком на коленях.

— Иди к себе. Я работаю.

— Я скучала...

— Я по тебе не скучал. Мне некогда скучать, навалилось слишком много дел.

Муж поднял глаза, припечатал словами:

— Держись подальше. Не раздражай меня ещё больше. Скажи спасибо, что я не вышвырнул тебя из своего дома сразу же по приезду. Из-за тебя, дрянь, едва не умер ребёнок. Но одно лишнее слово или жест с твоей стороны, вылетишь в тот же миг с паспортом в зубах.

— Володя...

— Пошла вон.

На следующий день ей надоело сидеть дома. Стены дома давили на неё. Ей хотелось выйти и прогуляться, развеять.

«На ограниченный бюджет», — тут же скрипнула зубами Алина.

Муж пока не снимал ограничения и не сказал, что можно взять машину. Значит, нельзя брать.

Алина вышла за ворота, попутно ища номер телефона такси, и заметила внедорожник. Он остановился как раз напротив ворот их дома. С заднего сиденья вылез крепкий мужчина.

— Добрый день, Алина.

— Виктор Алексеевич? — удивилась Алина, узнав в мужчине бизнесмена Вострова.

У Вострова Виктора Алексеевича, как и у её мужа, была сеть АЗС и нефтебаза. Несколько лет назад Вострикову принадлежало большее количество АЗС.

Но за прошедшие три года Владимир Русаков сильно преуспел и расширился.

Востров отошёл в сторону. Как-то Алина слышала обрывки разговора о том, что Владимир собирается вкладываться в строительство АЗС с нуля и собирался купить крупный земельный участок.

— Он самый, Алина, — широко улыбнулся Востров.

Ростом Востров был немного ниже Владимира, но шире в плечах. Массивный, крепкий. Как только пиджак не трещал на медвежьей спине?

— Ещё немного и я начну думать, что Владимир просто прячется от меня, уходя от нежеланного разговора, — продолжил Востров.

— Если вы надеялись застать его дома, то совершенно зря. Владимир уехал рано утром. Он не желает обсуждать продажу участка. Сказал, не продаст ни за что.

— Вдруг моё предложение ему всё-таки понравится?

— Увы, но я ничего не решаю. Могу посоветовать вам удачи в поимке моего мужа, — улыбнулась Алина и вновь переключилась на свой телефон. Она набрала номер диспетчерской.

— Алло. Мне нужно такси... — сказала она.

Востров никуда не делся, стоял рядом.

— Куда-то собираетесь? — вежливо спросил Востров и тут же предложил. — Могу подвезти...

Алина капризно поджала губы. Володя забрал у неё машину, указывая на место. Алина колебалась всего мгновение.

— Подождите, девушка, я передумала делать заказ...

Виктор широким жестом указал на внедорожник представительского класса.

— Спасибо. Было бы очень кстати, — улыбнулась Алина, давая себя увлечь.

— Фёдор. Свободен на сегодня, — отослал прочь водителя Востров. — Прекрасную даму я отвезу сам.

Мелочь, но приятно.

Понятно, что Востров не так просто появился возле их дома, когда Владимир отсутствует.

И всё равно приятно.

Кто бы что ни говорил.

Алина уже соскучилась по мужскому вниманию и комплиментам. Муж всегда был холоден. Раньше он занимался сексом редко и с таким, как будто исполнил обязанность перед Родиной. Правда, он не скупился, позволял тратить столько, сколько захочется. Но сейчас и этот кран перекрыли.

И что ей остаётся?

Сидеть дома, как ручной собачонке? Хранить верность мужчине, который её ни капельки не любит?

Алина тут же подумала, что с верностью она погорячилась. Было пару раз, когда она увлеклась, но тут же поспешно обрывала связи, чтобы муж ничего не узнал.

Нет, это не жизнь, а каторга! Никакого удовольствия. Даже машину — и ту отобрал, ирод!

— Куда поедет? — галантно поинтересовался Востров.

Алина смерила мужчину оценивающим взглядом: старше Владимира на пять лет, но всё ещё в хорошей форме. Не красавец, конечно, но выглядит надёжно и респектабельно.

Вострова знают все.

Русакова — тоже. Но Русакова многие называют выскочкой. Чересчур высоко прыгнул он за несколько лет.

Алина знала, чего стоил успех её мужу. Да его же вообще дома было почти невозможно застать! Одна работа на уме!

«Работа и сука на стороне с ребёнком!» — зло подумала Алина.

В том, что Владимир трахает молодую вдову, Алина не сомневалась. Женская интуиция никогда ещё не подводила. Или просто внимательность.

Алина видела, как большеглазая дрянь смотрела на Владимира. Такими взглядами не смотрят на родственников. Украдкой, обнимая

взглядом, пока никто не видит. Но Алина видела и замечала всё.

Про муженька и говорить нечего. Он с одного фото дурел, не позволяя даже трогать его!

— Я хотела пообедать, — соизволила ответить Алина после долгой паузы.

— Желание королевы — закон.

«Вот и прекрасно! — подумала Алина. — Побуду королевой. А там и разберёмся, что нужно Вострову...»

Востров выбрал для обеда один из самых дорогих ресторанов. У него отдельно был зарезервирован столик в VIP-зале. Там столики были отделены друг от друга так, чтобы никому не мешали чужие пересуды. Можно было и расслабиться...

К тому же обстановка и общение Вострова располагали. Виктор был любезен, как никогда ранее, сыпал комплиментами, шутил. Алина скользнула взглядом по его правой руке: обручального кольца не было.

Ах да, Востров недавно развёлся со своей женой, с которой провёл в браке больше двадцати лет. Алина видела эту женщину. Бледная, неказистая, с рыхлым животом. Настоящий кошмар...

Алина всего на секунду вспомнила, что, по разговорам, Востров начинал всё с женой на пару. Она «тащила» всю бухгалтерию и вела все АЗС, сверяя ежедневные отчёты. Значит, жена приложила руку к созданию бизнеса. Ну и что? Всё равно женщине нельзя выглядеть так отвратительно!

Потом Алина невзначай вспомнила, что двух детей Востров отправил учиться за границу. Дети уже взрослые, самостоятельные.

Алина любезнее улыбнулась Вострову, вскользь заметившему, что он давно не бывал в таком приятном женском обществе.

Обед затянулся дольше положенного. Покидать компанию Вострова не хотелось. Но и цепляться на шею мужчине тоже не стоило.

Алина знала, что нужно уйти первой. Внезапно засобиравшись, чтобы мужчина рассыпался перед ней в просьбах о дополнительной встрече.

Виктор чувственно приложился губами к руке, оставив Алину там, где она попросила. Карие глаза мужчины загорелись огоньком интереса. О причинах своего внезапно проснувшегося интереса Востров так и не сказал.

— Хотел бы побывать в компании красивой девушки ещё раз...

Востров открыто клеился к ней и не скрывал этого.

Алина была не прочь развлечься, хотя бы назло мужу. Но выглядеть лёгкой добычей она не желала.

Пусть Востров побегает за ней ещё немного...

Глава 83. Янина

Володя оставляет меня в больнице, обещая заехать за мной во время обеда. Я вижу, что его разрывают на части противоречивые эмоции: ему хочется побыть с сыном, но и работа требует его внимания.

— Я буду с Илюшей. Всё хорошо, Спасибо тебе... Надеюсь, что теперь нам не за что переживать, — говорю я. — Можешь спокойно заниматься своими делами.

— Опять спасибо? — устало спрашивает Володя. — Лучше бы обняла меня на прощание.

— Мы не прощаемся. Простимся, когда всё закончится, и я смогу забрать Илюшу домой.

— О том, где находится твой дом, мы тоже поговорим, — припечатывает напоследок Володя.

Я отмахиваюсь, переключая всё внимание на Илюшу. Я рассказываю ему о том, что пока он спал в самолёте, мы пролетали мимо разноцветных облаков сахарной ваты, а в окна стучались звёздочки, желая посмотреть на моего мальчика.

Красивая и нереальная сказка, но сейчас я и сама верю в неё, задерживая дыхание так же, как Илюша.

— А папа?

— И папа... — я задумываюсь, решая, чтобы рассказать двухлетнему малышу о Володе, чтобы Илюше было понятно. — У твоего папы есть собака.

— Болсая?

Я смеюсь.

— Очень большая. Даже больше меня...

Глаза Илюши округляются.

— Да, собака очень большая. Когда она встаёт на задние лапы, она становится выше меня.

Я встаю и вытягиваю руки вверх, Илюша повторяет моё движение, но слегка морщится.

— Ай...

— Не поднимай ручки так быстро, — тревожусь я, но стараюсь не

показывать страха. — Это самая большая собака, которую я видела, и самая-самая добрая. Я её давно знаю. Потом папа покатает тебя на ней...

— Доброе утро.

Я поворачиваюсь на звук незнакомого мужского голоса.

— Юрий Николаевич, врач вашего сынишки. Можно просто Юрий, — врач протягивает руку. Ладонь тёплая, но твёрдая. — Вчера я был на операции, когда привезли Илью. Я буду наблюдать за его состоянием.

— Янина, — представляюсь я.

— Очень приятно. Хотя ваше имя мне уже известно из карточки маленького пациента.

Врач поворачивается к Илье.

— Глазки у тебя мамины, парень, знаешь?..

Осмотр длится недолго. Врач в основном развлекает Илюшу, потому что обход уже делали.

Потом врач покидает палату, а я остаюсь играть с Илюшей. Время пролетает незаметно: сын успел поиграть, поест, полистал любимую книжку и в итоге уснул.

Я осторожно выхожу из палаты.

— Вы всё ещё здесь?

Я оборачиваюсь, видя врача, Юрия Николаевича.

— Да.

— Пройдёмте со мной в кабинет, — улыбается врач, беря меня под локоть.

Он выше меня, но ненамного. Мне не нужно задирать голову, чтобы разглядеть светло-карие глаза мужчины. Юрий подтянут и следит за собой. Его возраст выдают только глубокие морщинки, гусиные лапки возле глаз, когда он улыбается. Мне кажется, ему чуть больше сорока.

— Вы обедали?

— Нет, ещё слишком рано, — рассеянно отвечаю я, но всё-таки достаю телефон.

Чёрт. Уже ни капельки не рано. Странно, что Володя не приехал, хотя обещал.

— Похоже, что вы забыли обо всём, сидя у постели сына. Так нельзя, — качает головой врач, усаживаясь на диван рядом со мной. —

Я понимаю ваше беспокойство за сына. Но хочу вас заверить, что в нашем центре мы ставим на ноги всех больных. Случай вашего сына — прискорбный, но не такой тяжёлый, как вам кажется.

Юрий слегка улыбается, приподнимая руки.

— Можете считать меня немного циником. Наверное, профессия накладывает свой отпечаток. Скажу только, что уверен в выздоровлении вашего малыша.

— Нужно будет проводить операцию? — невольно вздрогнула я.

Юрий успокаивающе гладит меня по плечу.

— Страшное слово для вас? Не бойтесь. В данном случае это необходимость. Но мучить вашего мальчика никто не собирается. И мучить вам себя я тоже не рекомендую...

Поглаживания Юрия и его близость — нейтральные и безопасные, как будто лёгкий ветер. Мне не хочется сжиматься в комочек, я почти не чувствую их. Это профессиональное, только и всего.

— Вы можете находиться в центре при ребёнке в дневное время. Другой вопрос, так ли необходимо это вам.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Ваш сын превосходно ладит с персоналом. Со всеми маленькими пациентами, тех, кого можно перемещать, разумеется, после обеда играет нянечка. Постоянное наблюдение специалистов... Оптимально для вас — приходить до обеда в обычные дни... И в дни после операций, когда мальчика переведут из реанимационного отделения в обычную палату, можете находиться дольше, чтобы малыш радовался вам и быстрее шёл на поправку. Многие боятся оторваться от деток, и это понятно, но гипер-опека иногда доходит до абсурда. Ваш малыш поправляется быстрыми темпами. В целом, могу сказать, что чем больше позитивных и новых впечатлений вы будете приносить, тем лучше. Встряска и отдых от больничной атмосферы, даже такой уютной клиники, как наша, пойдут вам на пользу. Потом сможете рассказывать сыну чудесные истории, как про самолёт и звёздочки, — улыбнулся врач, пояснив. — Я всё слышал. Мне понравилась ваша сказка.

— Вы же циник, Юрий? — усмехнулась я.

— Иногда даже циники слушают сказки...

Я не успела ответить, увидев входящий звонок от Владимира.

— Извините, мне надо ответить.

— Конечно-конечно... Можете передать супругу, что сын идёт на поправку семимильными шагами.

— Я не замужем, — зачем-то ответила я.

— Тем более, рекомендую отвлечься!

Глава 84. Янина

Слышу голос Владимира в телефоне. Извиняющийся, полный тревоги.

— Я опоздал. Извини, пришлось немного задержаться. За время моего отсутствия столько всего навалилось... Как сын, Ян?

— Хорошо. По словам врача, Илюша отлично перенёс перелёт и идёт на поправку очень быстро.

— Голодна? Хотя, зачем я спрашиваю, ты за завтраком ничего не съела, — усмехнулся Владимир. — Боишься есть в моём доме?

— Кто знает, вдруг мне плюнули в еду?

— Перестань. Это низко, детский сад, — отмахнулся Володя. — Сейчас пообедаем, потом покажу тебе квартиру.

— Ты уже снял квартиру? Опять решаешь всё за меня? Я в состоянии...

— Натворить много глупостей, о которых потом долго жалеешь, — перебивает меня Владимир. — Квартира тебе знакома. Слово «нет» не принимается.

После обеда Владимир повёз меня смотреть квартиру. За окном замелькали знакомые дома, я удивлённо посмотрела на Володю.

— Куда ты везёшь меня?

— Та квартира, в которой ты временно жила три года назад, больше уже не сдаётся. Поживёшь в моей, она пустует. Вчера домработница навела порядок, ещё до нашего приезда. Так что жить будешь там.

Володя бросил мне на колени брелок с ключами.

— Твои вещи у меня в багажнике. Я заехал за ними сам. Сейчас посмотришь, что тебе ещё будет нужно. Потом купим тебе это.

— Единственное, что мне нужно — это чтобы ты не досаждал мне.

— Исключено, маленькая. Я хочу быть с тобой.

— Ты говоришь только о себе.

— Я бы поговорил о нас, но ты отнекиваешься и ушла в глухую оборону. Придётся снова досаждать тебе вниманием.

— Смакуешь собственное превосходство? — зло спросила я. —

Надеюсь, Юрий прав, и Илюша встанет на ноги уже очень скоро. Тогда не надо будет...

— Юрий? Юрий Николаевич? Врач? О, как. Уже свела близкое знакомство? Мы договаривались кое о чём другом, если ты помнишь.

— О чём же? Родить тебе? Знаешь, некоторые пары годами пытаются зачать ребёнка. С чего ты взял, что на этот раз всё пройдёт быстро, гладко и с положительным результатом? Удачная первая беременность — не гарант такой же лёгкой второй беременности, Володя. К тому же... Если Илюша встанет на ноги, а желанного плода так и не появится, я пожму плечами: старался, но не вышло, бывает.

— Ядовитая моя, убавь циничности? — попросил Володя. — Это не по правилам.

— Учусь у тебя играть без правил, — ответила я.

— Вообще-то речь шла не только о ребёнке. Мне не понравилось, как быстро ты начала врача звать по имени. Он не старик, я прав? По отзывам, хороший специалист своего дела, но не старик... Разведён.

— Быстро же ты узнал всё о враче. Я ещё не интересовалась, разведён ли он.

Володя крепче сжал руль и остановил автомобиль.

— Повтори, — попросил он, бешено глядя на меня. Зрачки расширились так, что я видела в них крошечную себя.

— О чём?

— О враче, которого ты УЖЕ зовёшь по имени. Ты ничего не перепутала, маленькая? Я — твой единственный мужчина. Понятно?

Я отстранилась от Володи. Он злился и ревновал, крепко сжав губы в тонкую линию.

— Не помню, чтобы мы обсуждали этот пункт, — тихо сказала я. — Какая тебе разница, с кем и как я провожу время в другие, не твои дни? К тому же, тебе есть с кем развлечься. Не думаю, что Алина позволит тебе скучать.

— Я тебе уже говорил, что мне плевать на жену. Так что не путай.

— Могу сказать тебе тоже самое. Не путай, Владимир... Мне приятно разговаривать с посторонним человеком, без постоянных намёков на рабское положение и необходимость расплачиваться своим телом за оказанную помощь

— Вот как? Хорошо. Я не приду. Ни в этот раз, ни в следующий. Подожду, пока ты сама захочешь меня. Я умею ждать.

— Ха! Я тоже, представь себе, умею ждать. И я буду рада такому раскладу. Честно. Я не хочу рожать ребёнка и отдавать его в лапы твоей стерве-жене. Не уверена, что она не причинит ему вреда.

— Мне кажется, что ты перегибаешь палку. Похоже, что ты не слышала моих слов о разводе? Или просто не хочешь слышать? Думаешь, я всерьёз отберу у тебя ребёнка?

— Думаю, что я уже не понимаю, чего ты хочешь на самом деле. Так что если ты не придёшь, я буду очень сильно этому рада. Мой не родившийся ребёнок никогда не узнает, что такое сука-мачеха и не пострадает от незаслуженной ненависти.

Глава 85. Владимир

После слов Янины в салоне машины повисла тишина.

Потом я завёл автомобиль и оставшуюся часть дороги мы ехали молча. На мгновение я подумал, что был бы рад находиться в том вакууме, из которого мы недавно вынырнули с Яниной. *Я и она — всё остальное не имеет значения от слова совсем.*

Мои пальцы крепче стиснули руль. Алина давно напрашивается на то, чтобы вылететь из моего дома. Как и когда — вопрос времени.

Алина вчера за ужином устроила нелепое представление, изображая жену, обуреваемую страстью.

Хотя я знаю, что она меня не любит. Я ей нравлюсь, как мужчина, как гарант хорошей жизни. Но бешеной любви и страсти в ней нет. В Алине разыгралось чувство собственника: не отпускать своё.

Алина не любит меня, но она не дура, сразу поняла, что Янина — не просто родственница. *Да я и не собирался скрываться долгое время, честно говоря.*

Меня тяготил наш брак, фикция отношений, не более того.

Ещё в самолёте я понял, что подам на развод с Алиной, но сначала получу подтверждение своим домыслам насчёт Янины.

Оказывается, она дико ревнует и показывает зубки, судя по недовольному лицу Алины.

Маленькая моя — жуткая ревнивица. Наконец-то я дождался того, что и она прониклась ко мне чувствами. Мне нравится её ревность, выплёскивающаяся наружу через отстранённый вид. Нравится.

Сразу захотелось сжать Янину в объятиях и зацеловать до одури, всю, от аккуратных пальчиков на ногах до едва заметного шрама на щеке.

Янина тоже, как и я, плавится от нашей близости, её мысли текут ко мне жаркими волнами. Малышка додумывает всякое, но боится.

Хочу, чтобы она открыто признала, что я дорог ей, а не прятала голову в песок после каждого всплеска своих чувств.

С Алиной вопрос нужно решать. Развод может стать непростым,

если учесть аппетиты Алины и её оскорблённый вид. Оскорбилась она сильно. Особенно вчера, когда пришла в мою спальню и услышала, что её спальня находится в другом месте.

Я и раньше не спал с ней, трахался, выполняя необходимую рутину по снятию напряжения, но спал всегда отдельно.

А вчера хотелось кощунственно сгрести Янину в охапку и не выпускать.

Мельком посмотрел на её неподвижно застывшую фигурку, с нахмуренным лобиком. *Ничего, маленькая, подуешь ещё немного свои губки, побесишься от ревности и поймёшь, что я тебе нужен...*

— Ян?

— Что?

Я сжал её пальцы, поцеловав.

— Я понимаю, что ты успела надумать себе хрен знает что. Ты ошибаешься, думая, что я хочу видеть тебя любовницей. Я просто хочу быть с тобой. Всегда хотел, а сейчас — тем более. Но мне нужно уладить вопрос о разводе с женой. Лично. Не по телефону. Такие вопросы не решаются по телефону. Дашь мне немного времени? Пожалуйста?

Янина застыла, зябко повела плечами и поспешно отвела взгляд.

— Я буду здесь. Решай свои проблемы.

— Я хочу их решить побыстрее, чтобы быть с тобой.

Я обнял Янину, поцеловав в лоб, и оставил в своей бывшей квартире. У домработницы были ключи от квартиры, я предупредил её, что нужно будет убрать, постелить чистое бельё, повесить полотенца в ванную комнату, поставить элементарные принадлежности. Впервые я оставлял Янину, беспокоясь не так сильно, как прежде.

Она знает мою квартиру и этот район, здесь ей будет уютно и удобно. Максимум, немного беспокойно, потому что здесь мы тоже были с ней вдвоём. Но ей будет полезно вспомнить об этом и немного поскучать.

Я собрался уладить ещё пару вопросов по работе, поэтому не сразу заметил пропущенный звонок от мамы.

Вовремя... Я как раз собирался звонить родителям, чтобы предупредить: как только я договорюсь о лечении с клиникой за рубежом, мы прилетим. Пока Илью наблюдают у нас, в лучшем из центров.

Врачи заверили меня, что и у нас можно качественно провести эту операцию. Судя по разговору Янины, врач убеждает её именно в этом: не тревожить маленького пациента перелётами и стрессами от обоснования на новом месте.

Но хоть убей, я настаивал и буду настаивать на лечение за границей. Вторичную пересадку кожи обычно делают спустя двадцать-тридцать дней после получения травмы. Как раз к тому времени я обо всём договорю и устрою. Главное, предупредить родителей.

Я предполагал, что разговор будет не самым лёгким.

Но едва начав разговаривать, понял, что мне этот разговор заранее постаралась осложнить жена.

Глава 86. Владимир

— Привет, ма.

— Наконец-то. Давно тебя не слышала, Вов. Жену твою слышу и то чаще, чем тебя, — охотно ответила мама.

— Алину? — переспросил я.

— Алину. Или у тебя, как у султана, три жены?

Нет. Жена у меня всего одна. Маме понравилась Алина. Впервые мама увидела Алину только на свадьбе, но на протяжении нескольких дней после свадьбы, мама с ней неплохо сдружилась. Мама постоянно звала нас в гости, но я не торопился лететь в Германию вместе с женой.

Для меня не было сюрпризом, что Алина созванивается с мамой. По части соблюдения правил приличия, поздравлений на празднества Алине нет равных.

— Нет, мама. Мне одной жены иногда даже чересчур...

— Алина говорила, что у тебя какие-то проблемы с семьёй. Вова, но я об этом слышу впервые. Что стряслось? Ни у кого из наших родственников нет глобальных проблем.

Я закрипел зубами: Алина мало того, что наговорила дерьма Янине по телефону, так ещё и после моего звонка кинулась звонить свекрови, узнавая нужную информацию. Дрянь..

— Да, мама. Мне нужно было уехать из города. Потому что возникли проблемы со здоровьем у одного из нашей семьи. Но не с той стороны, о которой ты думаешь.

— Я не понимаю...

— Мама, я рад, что ты нашла общий язык с Алиной. Но ей не следовало звонить за моей спиной и что-то узнавать.

Мама замолчала, слушая меня. Но, уверен, у неё было своё мнение на этот счёт.

— Я звоню только для того, чтобы предупредить: скорее всего, я прилечу через месяц. Если всё сложится благополучно.

— Отличная новость! Мы будем ждать вас с Алиной в гости! — радостно проворковала мама.

— Не уверен, что Алина полетит со мной.

— Ты прилетишь один? — недоумевала мама.

— Нет, мама я прилечу не один. Со мной прилетит Янина со своим ребёнком. Ребёнку требуется лечение.

— Прости, кто с тобой прилетит? — поинтересовалась мама.

— Янина. Мама, давай ты не будешь делать вид, будто ты не знаешь, кто такая Янина! — вспыхнул я.

— Янина. Жена нашего Ярослава?

— Да, мама.

— Хм. И что ей нужно от нас? — вежливо спросила мама.

— Наверное, ты не расслышала. Её сыну требуется серьёзная медицинская помощь.

Я в двух словах рассказал маме, что Илья обварился кипятком. Я едва не проговорился, что МОЕМУ сыну требуется лечение, что я пойду на всё, но поставлю его на ноги.

— Такое не лечат в России?

— Лечат. Но ты же знаешь, что уровень медицины в Германии намного выше. У вас Илью вылечат быстрее и качественнее. Но лечение и реабилитационный курс будет продолжительным. Поэтому я предупреждаю, что прилетит Янина. Круглосуточно находиться в больнице очень тяжело. Я хотел бы, чтобы Янина пожила у вас, имея возможность отвлечься.

Мама издала какой-то удивлённый звук и позвала моего отца.

— Георгий. Тебе тоже надо это услышать.

Мама так давно жила в Германии, что даже русские слова произносила, как иностранка. Вот и слово «Георгий» у неё вышло непривычно.

— Что там?

— Я не принимаю таких решений без тебя, ты же знаешь! — сказала мама.

Она пошептала с отцом минуту или две, потом предупредила, что включила динамик громкой связи.

— Привет, па. Я думал, ты ещё у себя в офисе.

— Нет, — ответил отец. — Я уже дома. Итак, кого ты к нам собираешься подселить?

Я едва не офигел от этого высказывания. Я был уже готов послать своих предков на хуй. Янина может жить и при медицинском центре. Но я хотел, чтобы она могла хоть немного отвлечься от атмосферы

больницы.

Я планировал, что в доме она сможет заняться чем-нибудь и не будет так часто грустить. К тому же Янина не знает немецкого языка. Ей будет очень тяжело в чужой языковой среде, где далеко не все бегло говорят по-английски.

Да, я опять в первую очередь тревожился о ней, о её состоянии и душевном благополучии. Я рассчитывал на своих родителей. Илья — их внук. Но я, кажется, забыл, как сильно мама с папой были не рады, когда Ярослав женился «непонятно на ком».

Ярослав в тот раз проявил твёрдость или просто включил режим пофигизма. Он хотел жить с Яниной — и он с ней жил, не обращая внимания, что мама была категорически против. Она даже перестала снабжать любимчика финансами, но бросить на произвол сына не могла, поэтому тактично напоминала мне о том, чтобы я поддерживал брата.

— К вам прилетит Янина! — терпеливо повторил я.

— Мы знаем, кто такая Янина, — вновь начала говорить мама. — Но мы не понимаем, какое отношение сейчас она имеет к нашей семье?

— Никакого? — переспросил я. — Вы серьёзно?

— Да, — подтвердил отец. — Девочка не общалась с нами на протяжении трёх лет. Мы отправляли ей поздравления. Но ни на одно не получили ответ. Почему мы должны поддерживать неблагодарного и невоспитанного человека в трудную минуту?

Я разозлился. Родители сами были виноваты, что Янина не горела желанием с ними общаться. А потом... потом свою ложку дёгтя внёс я. Янина просто посчитала, что не имеет никакого права навязываться тем, кому она не нужна. Вот и всё.

Но сейчас родители были настроены враждебно. Наверное, свою лепту внесла и Алина. Не удивлюсь, если она мастерски между делом узнавала сведения о Янине.

Глава 87. Владимир

— У Янины сменился номер телефона. Поэтому она вам и не отвечала. Но, по правде говоря, после смерти Ярослава вы не очень-то тепло к ней отнеслись, — ровным голосом сказал я. — Но это всё прошлые обиды и разговоры. Главное — то, что есть сейчас. Сейчас сыну Янины нужна помощь.

— Вот. Ещё и сын откуда-то появился, — пробурчал папа. — Где его отец, где муж Янины?

Отец Ильи сейчас разговаривает с вами, блядь. Но вслух я сказал другое:

— У Янины был всего один муж, Ярослав.

— Полина, почему ты мне сразу не сказала, что речь идёт о внуке? — возмутился отец. — Ходишь вокруг, да около. Намёки какие-то! Надо сразу говорить о главном. Мы встретим её и внука. Я не могу сказать, что сильно рад этой девушке, но за своего внука я буду стоять горой!

Отец что-то ещё сказал маме, я не расслышал. Потом он отошёл. Мама помолчала, а потом спросила:

— Володя, ты уверен, что не ошибаешься?

— Уверен, мама.

— Почему мы только что узнали о внуке? Ты знал о нём? Почему ты знал и не рассказывал нам ничего?

— Потому что у Янины был сложный период. Она закрылась от всех. Не нужно было мешать ей пожить самой. Как только возникла необходимость, она попросила меня о помощи.

— Вот! — торжествующе сказала мама. — Показательный момент! Когда потребовалась помощь! Конечно, в такие моменты Русаковы сразу оказываются нужны!

— Мама! — позвал я. — Прекрати. Я не хочу больше слышать ни слова упрёка в адрес Янины. Это жизнь. Её жизнь сложилась именно так. Нам всем было сложно. Ей — тем более...

— Хорошо.

Мама помолчала, а потом спросила:

— Это точно сын Ярослава?

— Я знаю, как ты любишь задавать неудобные вопросы, мама. Но сейчас не время их задавать. К вам прилетит родной и, надеюсь, любимый внук. Это всё, что вам нужно знать.

Мама вздохнула и перевела тему:

— Понятия не имею, почему вы с Алиной, такая чудесная пара, до сих пор не завели детей...

— Потому что Алина не может иметь детей.

— Но есть же разные способы... Почему бы тебе не подумать о них? Например, суррогатное материнство.

— Исключено, — отрезал я и внезапно признался. — К тому же я не уверен, что наш брак с Алиной ещё долго проживёт.

— Вова! Какие кошмарные новости!.. Ты собираешься разводиться? Но Алина такая красивая, умная и приятная девушка! Почему?

— На то есть свои причины, мама.

— Алина и словом не обмолвилась...

— Потому что я ещё не говорил с Алиной по этому поводу. Но сейчас, будь уверена, после нашего телефонного разговора, я её обрадую новостью о разводе.

Мама разохалась.

— Кошмарные новости... И, знаешь, мне кажется странным это совпадение! Объявилась жена нашего Ярослава, и ты сразу же надумал разводиться... Сколько лет внуку?

— Илье два года.

— Илье два года, — повторила мама. — Илья родился летом, да? Ему сейчас намного больше, чем два года? Или я чего-то не понимаю?

— Нет, — усмехнулся я, прекрасно понимая, что сейчас рванёт.

Должно было рвануть, без вариантов. Рано или поздно. Так какая разница, когда?

— Если мальчик родился в сентябре, то Илья никак не может быть сыном Ярослава! — неожиданно жёстко произнесла мама. — Но ты сказал ранее, что внук — наш родной. Вова?

— Да, мама. Давай, говори вслух, что замолчала?

— Не издевайся над моим больным сердцем!

Я поморщился:

— Мама, у тебя здоровое сердце, не преувеличивай. У тебя иногда

болят суставы, но ты ежегодно проходишь курс лечения в Женеве.

— Смейшься? — повысила голос мама. — Ты звонишь мне сказать, что сразу после смерти брата эта... эта... переметнулась к тебе? Ты позволил ей это?! Ещё и завёл ребёнка? Да как ты мог?!

— Не кричи так громко, мама. Вот ты и узнала правду. Илья — мой сын, так что внук вам очень даже родной. Роднее не бывает.

— Нет, Вова. От тебя я такого не ожидала. Я знала, что Слава выбрал себе корыстную пигалицу недалёкого ума...

— Замолчи немедленно! — рывкнул я, повысив голос. — Не оскорбляй Янину. Я не позволю это сделать, ясно? Мне плевать, что Славка позволял тебе пренебрежительно о ней отзываться. Но я не Славка, мама. Не надо, прошу тебя. Не надо кидаться грязью в Янину.

— Я знала... — бесцветным голосом прошептала мама. — Я всегда знала, что эта дешёвка принесёт беду в нашу семью. Сначала погиб Ярослав, — всхлипнула мама, — потом она вскружила голову тебе, совратила и навязалась... Она не отстанет от нас никогда!..

— Ты не права. Не она, а я.

— Вова...

— Да, я! — громко повторил я. — Всегда я. Ещё когда Славка только начинал жить с ней, она мне уже нравилась. Так что это не она меня, — усмехнулся, — совратила. Но я прибрал её к рукам. После смерти брата. Я. Ребёнок от меня. У нас была размолвка. И это было самой большой ошибкой в моей жизни. Но сейчас я больше не хочу ошибаться...

— Я никогда!.. — захлебнулась слезами мама. — Никогда не прощу тебе и ей эту грязь!

Мама сбросила вызов. Телефон издавал короткие, равномерные гудки.

Вот и началось. Снежный ком покатился вниз, становясь с каждым мгновением всё больше и больше, подминая под собой всех, и меня в первую очередь.

Глава 88. Владимир

Это было ожидаемо.

Я всегда знал, что стоит нашей связи с Яниной открыться, первыми бросят камень мои родители. Особенно мама. Она, не щадя, запустит булыжником поувесистее. Наверное, раньше Янина не шла на сближение со мной ещё и по этой причине.

Я знал, что мама будет против. Но слышать её крики и обвинения было всё равно неприятно. Она назвала нашу связь грязью. А я с удовольствием искупался бы сейчас в этой грязи с головой.

Я завёл автомобиль, бездумно нарезая круги по городу под грохот тяжёлой музыки. Так, как сейчас, долго не может продолжаться.

Сама судьба дала нам с Яниной второй шанс, пусть даже при помощи несчастья, но сблизиться. А я усердно делаю всё, чтобы мы отталкивались друг от друг, как магниты с одинаковыми полюсами.

«Перерасти свои обиды, они смотрятся на тебе нелепо и смехотворно...» — вспомнил я слова Стаса, брата Янины.

И чёрт побери, он прав.

Я старше Янины и опытнее. Я — мужчина и должен вести за собой, заботиться, укрывать от всех невзгод, а не добавлять новых.

Я хотел добиться взаимности от Янины. Я её получил. Мне просто нужно проглотить шипы обиды, которые я усердно вращивал три с лишним года. Потому что если я не сделаю шаг ей навстречу, она не сделает его сама никогда.

Янина так и продолжает идти по жизни маленькими, осторожными шажочками, оглядываясь по сторонам, но всё чаще смотря под ноги, боясь упасть. Нужно протянуть руку и помочь идти увереннее, а не посыпать дорогу под её ногами битым стеклом.

Моё чудовищное условие — всего лишь попытка задержать её возле себя хотя бы так. Я бы не смог поступить так с Яниной, лишь надеялся выторговать немного времени для себя, надеясь на ответные чувства.

И я их получил.

Маленькая моя хочет быть единственной, но не признается в

этом слух. Значит, говорить первым нужно будет мне.

Но сначала — решить вопрос с женой.

Мне показалось, что Алина приехала всего лишь немногим раньше меня, потому что не успела сменить платье.

— Мне нужно с тобой поговорить, — начал без предисловия, потому что не видел смысла в лишних расшаркиваниях.

— Я тоже хотела с тобой поговорить.

Алина села на диван рядом со мной и прижалась.

— Давай заведём ребёнка.

— Ты не можешь иметь детей и не хотела до недавнего времени. Что изменилось?

— Я понимаю, что для тебя важно иметь детей. Давай рассмотрим варианты суррогатного материнства? — мягко предложила Алина.

После показательного наказания Алина стала очень мягкой и внимательной, стараясь показать видимость идеальных отношений. Но меня её мягкость никак не трогала.

— Нет, Алина. Ты предлагаешь завести ребёнка, а предлагаю тебе развестись.

Алина резко отпрянула. Красивое лицо побледнело.

— Почему? — удивлённо спросила она, не веря услышанному.

— Всё просто. Потому что я не люблю тебя, а ты не любишь меня. Заключать брак с нелюбимым человеком — ошибка. Как хомут с якорем на шею — и в воду.

— Но...

— Нет, Алин. Давай не будем, — сказал я, понимая, что жена начнёт напирать на существование чувств, которых не было в помине ни с моей, ни с её стороны. — Не хочу тяготиться этими отношениями. Развод — лучший выход. Я говорю тебе открыто, потому что не хочу запутывать всё ещё больше и держать тебя — тоже не хочу. Противно.

— Послушай, мы можем... Я могу...

— Нет. Я не люблю тебя. Я хочу быть с другой. Для меня развод — дело решённое. Я просто хочу разойтись мирным путём без судебных разбирательств и дележа имущества.

Алина разгладила платье на коленях несколько раз.

— Кажется, я имела честь познакомиться с ней, да?

— Да. И если говорить о детях, у меня уже есть один ребёнок. Сын. Я хочу иметь ещё детей, но только от любимой женщины.

Я усмехнулся.

— Ты не так уж сильно расстроена, давай признаем это. Ты всегда знала, что у меня нет к тебе чувств и знала свою роль, согласившись на неё.

— Да. Но думала, что это продлится дольше.

— Увы, — покачал головой. — Поэтому предлагаю тебе мирно разойтись. Сколько ты хочешь получить?

Алина пристально посмотрела на меня, улыбнувшись.

— Половину. Всего.

— Нет, Алина. Во-первых, половину всего ты получить не сможешь, потому что делится только имущество, нажитое в браке. Во-вторых, ты не приложила и пальца к развитию моего бизнеса.

— Я — твоя законная жена. К тому же кое-что ты нажил и в браке со мной. Правда? У тебя появилась новое имущество: роскошный загородный дом, автомобили...

— Знаю. Поэтому предлагаю тебе — назови адекватную сумму. Не торопись, подумай. Учитывая то, как сильно ты подгадила, скажи спасибо, что я предлагаю тебе денег.

— О, значит я не уйду с одной маленькой сумочкой и паспортом? — рассмеялась Алина.

— Нет. И ты прекрасно это знаешь. Подумай. Я даю тебе две недели. Реальная сумма, Алин, не заоблачные желания.

Я встал и направился к выходу из комнаты.

— Куда ты?

— Я проживу отдельно. Ты можешь пока жить в доме. У тебя будет достаточно времени, чтобы собрать все свои вещи и обдумать моё предложение.

Глава 89. Янина

Телефон долго вибрировал. На экране высветилось имя: «Володя».

Я решила ответить. Всё равно не спрятаться. Тем более, сейчас.

Я бы хотела остаться равнодушной. Но слова Володи о том, что он хочет решить вопрос с женой, меня взбудоражили.

Я сидела, как на иголках, и не находила себе места. Я хотела быть с Володей, сейчас я это очень хорошо понимала. Я ждала его ответа, надеялась на что-то и боялась себе в этом признаться.

— Привет. Подойди к окну спальни. Оно выходит во двор дома, — сразу начал Володя. — Просто подойди...

Я послушно исполнила просьбу и отодвинула тяжёлую штору с тюлем. Владимир. Владимир стоял у подъезда. Он приветственно махнул мне рукой. Сбоку от него стояла огромная корзина с цветами.

— У меня есть ключи от квартиры, — радостно сообщил Володя.

— Знаю, — почему-то улыбнувшись, ответила я. — Поэтому я закрылась ещё и на цепочку.

— Подготовилась на случай моего внезапного вторжения?

— Ты не всегда играешь по правилам.

— Я надеюсь, что через минуту ты сама откроешь мне дверь. — попросил Володя. — Давай поговорим начистоту? Без обид и упрёков?

— Мы постоянно с тобой разговариваем.

— Да. Но всё не о том. Как насчёт разговоров о любви?

Я затаила дыхание. Сердце громко колотилось в груди, мешая здраво мыслить.

— Тебе, действительно, лучше открыть мне дверь. Я поговорил с женой, объявил ей о разводе. Я не хочу ночевать в отеле или в арендованной квартире. Без тебя не хочу.

Владимир отключился. Я зачарованно смотрела, как он легко избегает по ступенькам в подъезд.

Мне нужно решиться сделать шаг. Или это всего лишь игра, чтобы ужалить потом больнее?

Я на негнущихся ногах дошла до двери, дрожащими пальцами размыкая все замки. Дурацкая цепочка не хотела сниматься, но мне всё

же удалось справиться и с ней. Вовремя.

Потому что дверь осторожно приоткрылась, а потом Володя резко распахнул её, войдя внутрь. Большая корзина с персиковыми розами заняла много места в коридоре.

— Это тебе.

Я лишь мельком посмотрела на цветы, остановившись взглядом на лице Володи, посветлевшем и радостном, как будто он решил сложную задачу.

Я застыла на месте, едва дыша. Слова Володи дрожали где-то внутри меня, заставляя кровь бежать быстрее. Мне очень сильно хотелось верить сейчас, что всё сказанное им — правда.

— Ты действительно решил поступить именно так? Развод? — едва слышно спросила я.

— Для меня это был решённый вопрос. Я просто хотел понять, нужен ли я тебе или нет. Извини, что изводил тебя.

Володя кивнул в сторону корзины цветов.

— Ты даже не посмотрела на цветы. Не нравятся?

— Не знаю. Мне больше нравится смотреть на тебя... — призналась я и стремительно шагнула вперёд, одновременно с ним.

Мои руки сами схлестнулись за его шеей, я повисла на Володе, прижимаясь всем телом. А он и не думал меня отпускать, стискивая до боли и хруста в костях.

Я всхлипнула, уткнувшись носом в шею. Вдохнула аромат мужской кожи и парфюма, позволив этому запаху заполнить лёгкие, и задержала дыхание, чтобы по телу расплзлось тепло и умиротворение. Всегда, когда я была рядом с ним.

— Ты опять плачешь, маленькая?

— От радости. Если то, что ты сказал, не шутка.

— Нет, у меня дурацкое чувство юмора, поэтому я редко шучу. Сейчас точно не шучу.

Володя стянул лёгкие ботинки с ног и прошёл вместе со мной в спальню, сев на кровать.

— Ты даже не снял пальто...

Володя смахнул слезинки с моего лица большими пальцами и поцеловал меня, легко и быстро.

— Боюсь замёрзнуть, если ты опять пошлёшь меня куда подальше. Кажется, в этот раз я действительно заслужил, чтобы ты меня послала.

Я отрицательно мотнула головой, глядя скулы и щёки Володи, запустила пальцы в волосы, пропуская прядь за прядью.

— Сними пальто, — попросила я, вставая с его колен.

— Только пальто? — уточнил Володя.

— С остальным я справляюсь сама, — честно призналась я, чувствуя покалывание на кончиках пальцев прикоснуться к горячей, гладкой коже.

Володя небрежно сбросил пальто на пол и потянул меня к себе. Он прислонился спиной к изголовью кровати. Я села на его колени и обхватила его за шею, целуя.

Володя довольно простонал, когда наши губы столкнулись мягко, но неотвратно.

— Ещё... — севшим голосом попросил он, когда я остановилась перевести дыхание, потому что мне казалось, точно умру от недостатка кислорода в лёгких.

— Ещё? — спросила я. — Много?

— Пока не перестанем дышать.

Я осторожно прикоснулась к его губам, пробуя их, исследуя впервые неспешно и без оглядки на прошлое. Мягко. Нежно. Настоячиво. Входя во вкус.

Губы Володи дрожат и жадно прихватывают мои, втягивая в горячий поцелуй. От соприкосновения языков хочется стонать и скользнуть так ещё раз, только глубже и увереннее, самой.

— Ты сладко целуешься, маленькая... Пьяно и сладко, — шепчет Володя.

Он отстраняется на миг, вглядываясь в моё лицо и вновь притягивает к себе, жадно беря губы в плен своего рта.

Я отвечаю ему так же, возвращаю его страстность, переплетая со своим желанием.

Мы рвемся навстречу друг другу и наше движение обоюдно. Теперь можно синхронно сойти с орбиты и забыть обо всём остальном мире.

Глава 90. Владимир

Я чувствую, что сейчас всё правильно, именно так, как и должно быть. Янина со мной, у меня на коленях, целуется, прикрыв глаза.

Понимаю, что она моя панацея — забыться, успокоиться, уйти от реальности и вдохнуть жизнь полными лёгкими, но только с ней вдвоём.

Сейчас я могу позволить себе отринуть весь негатив и дать возможность выпустить дичайший голод по ней, не боясь поранить или сделать ей больно.

Янина отвечает на мои поцелуи взахлёб, а мне хочется большего и я уже не могу остановиться.

Мне нужно это. Мне нужно пить любовь и страсть из её губ. Её поцелуями я заполню огромные пустоты внутри себя.

Я стону ей в губы, когда чувствую, как жадно и быстро она касается языком моего языка.

— Ты мне нужна, Янина... Больше жизни нужна. Не вздумай сделать потом шаг назад. Не позволю.

— Не хочу. Просто держи меня крепче, — чуть задыхаясь, просит Янина.

— Не отпущу. С тобой быть хочу, с тобой и с нашим сыном и...

Я целую её губы легко и быстро, глажу по щеке.

— Давай, выкинь их.

— О чём ты? — недоумевает Янина.

— Противозачаточные.

— Откуда ты знаешь? — удивляется Янина, бросая взгляд в сторону своей сумочки.

— Нетрудно было догадаться. После моей мудацкой речи ты по-другому и не могла поступить. Выкинь, пожалуйста. Не хочу, чтобы ты их пила. Прошу...

Я целую её мягкие, тёплые ладошки, пахнувшие чем-то сладким и нежным. Янина соскальзывает с колен и чуть краснее, когда достаёт из внутреннего кармашка сумки блистеры с таблетками.

— Много...

Янина опускает глаза, губы чуть дрожат.

— Я думала, что всё окончательно испортилось и не хотела, чтобы стало хуже кому-то ещё, кроме нас.

— Я понимаю, маленькая. Я сам виноват, мудака. Выкидывай эту дрянь и возвращайся ко мне поскорее.

Янина скрывается из комнаты ненадолго. У меня есть несколько секунд, что разувериться в чуде и вновь поверить в него, когда Янина проворно забирается обратно и льнёт ко мне дрожащим телом, целуя.

Сама льнёт, без моих настойчивых притязаний.

Теперь она моя...

После стольких лет ожидания — только моя. Целиком и полностью.

Янина проводит пальчиками по моей шее, пока целует меня, и проворно начинает расстёгивать рубашку, избавляя меня от одежды. Жаркая, горячая...

С совершенно поплывшим и почти бессмысленным, но сияющим взглядом. Пухлые губы приоткрыты, она часто дышит, когда переводит взгляд на мою грудь, и облизывает губы кончиком языка.

Янина проворной змейкой спускается ниже и проводит линию поцелуев вслед за расстёгиваемой рубашкой. Губы, язык и пальцы — самое немыслимое и желанное трио вырисовывают пленяющие знаки на мне.

Меня ведёт от её взаимности и горячности. Я жадно тяну руки к ней, чтобы стянуть с неё футболку, но Янина ловко уворачивается, продолжая раздевать меня.

Её пальцы решительно взялись за пряжку ремню и расстегнули его. Давление крови в члене увеличилось только от ощущения её ладонки над ширинкой. Она ещё ничего не сделала, но я уже мысленно готов на всё, что бы она со мной ни вытворяла.

— Ниже, — прошу я немо, мысленно, мечтая ощутить её губки на своём члене.

Горячая ладонка ныряет за резинку трусов, туго обхватывая член, и движется по напряженному стволу вверх и вниз.

Мои бёдра подрагивают, я толком ничего не вижу перед собой, только её губы, которая она старательно облизывает язычком.

Потом Янина решительно сползает вниз и спускает брюки с бельём, перехватывая управление над моим членом.

Ладонкой у самого основания.

Да-а-а-а... Выше, маленькая, выше и снова вниз... Ещё. Не бойся сделать мне больно...

Я возбуждён до предела и почти рычу, когда горячий язык медленно прокладывает похотливую дорожку от основания до налившейся головки.

— Янина-а-а-а...

Меня начинает вырубать слишком быстро от медлительности и эротичности её движений. Она на мгновение смотрит мне в глаза и снова прикрывает глаза.

Я толкаюсь бёдрами вверх, заставляя себя сдерживаться. Она ещё не взяла в ротик, а я уже хочу быть ещё глубже. Так глубоко, как только возможно.

Я осторожно собираю её волосы на затылке и отвожу голову назад.

— Посмотри на меня, маленькая? Очень красивая...

Я теряюсь в определениях. В голове шумным балом управляет похоть и желание быть ближе. Янина послушно открывает глаза, изредка моргая, и продолжает ублажать меня, облизывая.

Она добирается до вершины и делает несколько движений вокруг головки, лаская языком чувствительное место под тонким канатиком. Каждый сладко-порочный круг её языка заставляет меня выйти на новый виток спирали удовольствия.

Меня начинает потряхивать.

Её губы томно и нежно обхватывают головку окаменевшего члена. Она не спешит, исследуя меня и наслаждаясь. Стараюсь не спешить и я, когда она ласкает меня сначала горячим дыханием и губами, и только потом влажным языком.

Туго и тесно. Горячо. Посасывающие движения лишают меня разума, вытягивая из груди громкие протяжные стоны. Она движется интенсивнее и берёт глубже. Я поневоле крепче сжимаю пряди волос и направляю её, подсказывая.

Мы входим в единый ритм очень быстро, понимая друг друга с полустона.

Её уже трясёт, на висках выступила испарина. А меня уже давно колотит от её губ и языка на моём члене.

— Поднимись ко мне, — прошу голосом, сбитым на запредельно низкие частоты и тяну её за плечо к себе.

Наощупь нахожу губы, только что ласкавшие меня снизу, и

покусываю их. Янина трепещет в моих руках от каждого жеста и лёгкого прикосновения.

Мне немного не верится, что всё это реально. Янина врывается в мой рот своим язычком и дерзко трётся о мой, а потом покусывает его, заставляя меня поверить в реальность происходящего.

Глава 91. Янина

Володя в два счёта избавляет меня от одежды. Футболка и трусики с лёгкими штанами летят вниз бесформенной кучей.

Мне лишь на мгновение становится немного неловко. Я завелась очень сильно, пока ласкала член, насквозь промокли не только трусики, но и тонкий хлопок штанов.

Володя смотрит на меня тяжёлым, потемневшим взглядом, от которого по коже начинает гулять тайфун из мурашек и острого желания понравиться ему ещё больше.

У меня не самая идеальная фигура: небольшая грудь и узкие бёдра. Мне далеко до девушек-моделей, которыми украшают страницы мужских журналов.

Но Володя смотрит на меня с таким желанием, что я чувствую себя подходящей и единственной — созданной для него.

В спальне включен верхний свет. Володе видно всё, до самой последней родинки на моём теле. Впервые с ним мне хочется не спрятаться, но раскрыться ещё больше.

Не только обнаженность тела — обнажённость души во время секса интимнее и заводит ещё больше.

Я знаю, что сейчас мы предельно честны и откровенны друг с другом, без красных запретительных знаков и чёрных клякс прошлого.

Вдвоём.

Я сама забираюсь к нему на колени, обхватывая широкие плечи. Володя наклоняется, берет в рот сосок, то сильно втягивая его, то постукивая по нему кончиком языка.

Пальцы другой руки поглаживают дрожащую кожу живота. Его пальцы нежно пробегаются до самого клитора.

Володя шумно выдыхает, трогая средним пальцем разгорячённый пульсирующий клитор. Медленно и осторожно, двигается по кругу.

Я трясусь от удовольствия, моя реакция на него остаётся неизменной — я возбуждаюсь всего от нескольких прикосновений. А сейчас возбуждение выплёскивается из меня волнами.

Я чувствую себя пьяной, счастливой, но недостаточно полной им.

Я сама приподнимаю бёдра и наталкиваюсь изнывающей промежностью на его пальцы. Володя вбивает их в меня снизу, сразу два, не церемонясь.

Я протяжно стону, двигая бёдрами над его ладонью.

— Чувствительная моя... Очень горячая. Для меня?

— Для тебя. Всегда... Ещё!

Не прошу, но требую, распахнув рот в высоком крике удовольствия, когда он даёт мне желаемое.

Несколько толчков глубоко внутрь. Володя дразнит подушечкой большого пальца клитор, заставляя кричать и биться от удовольствия. Тело изогнулось и забилося крупной дрожью, сильно сжимая его пальцы.

— Мокрая для меня. Такая тугая и сладкая...

Володя подхватил меня под ягодицы, чуть приподнимая над собой, вопросительно посмотрел в глаза. Словно убеждаясь, что я хочу того же, что и он.

— Я безумно сильно хочу тебя. Глубоко в себе, — откровенно говорю, поглаживая твёрдый ствол его члена.

Володя простонал, запрокинув голову, и прикрыл глаза на мгновение. Я скользила ладонью вверх и вниз по члену, а потом направила его в себя. Володя обхватил пальцами ягодицы и медленно насадил на себя.

Невыносимо медленно и мне дико хочется, чтобы эта медлительная нежность стала лишь прелюдией, потому что я знаю, как он любит и умеет.

Но пока Володя оттягивает этот момент, медленно посылает бёдра вверх и целует шею и плечи, покусывая. Снизу, между ног горячо и скользко, голодно пульсирует от откровенной жажды большего.

Я впиваюсь в его губы и крепче хватаюсь за плечи, устраиваясь поудобнее. Я толкаю Володю в плечо, чтобы откинулся на изголовье кровати и позволил подвигаться самой. Он довольно простонал.

— Давай... Покажи мне себя. Не стесняйся, родная...

Я выгибаюсь телом, раскачивая бёдрами. Сначала это просто лёгкое трение вперёд и назад, чтобы заставить дрожать ещё больше, размазывая скользкую влагу на наших бёдрах. Но меня сильно возбуждает вид Володи, откровенно кайфующего от происходящего.

Я быстро набираю темп, приподнимая бёдра и опускаясь, чтобы он

проникал в меня глубже и сильнее. Взгляд Володи перемещается то на мои губы, то на острые соски и колыхающуюся грудь в такт быстрым скачкам.

Возбуждение быстро завоёвывает всё тело, до самого последнего миллиметра и резко давит сверху, не давая шанс на спасение. Меня начинает трясти от самого примитивного и в то же время изысканного удовольствия.

Я прижалась к губам Володи, громко проставывая его имя и сильно пульсируя вокруг его члена. Он обхватил мои ягодицы и задержал меня, пронзив последним толчком особенно глубоко. Мощно, отпуская и себя тоже с громким рыком.

После секса мы долго не могли сдвинуться с места, беспрестанно целуясь. До опухших губ и сведённых скул. Так много я ещё ни разу в жизни не целовалась.

Только потом Володя лёг и обнял меня, уложив поверх себя.

Мне было уютно и спокойно на его широкой груди, под монотонный ритм его сердца. Мне было хорошо.

Так хорошо, как только может быть. Я хотела бы, чтобы это никогда не кончалось.

Я потянулась, чувствуя, что скоро усну, и перебралась повыше, поцеловав губы Володи. Он задержал меня, обхватив лицо ладонями.

— Я тебя люблю... — выдохнула я, глядя ему в глаза, и тут же поспешно опустила взгляд на губы.

Сердце мгновенно застучало быстрее, я потёрлась об его ладонь щекой, повторив ещё раз.

— Люблю.

Глаза Володи в ответ на моё признание становятся колодцами чистейшего света, немного слепящим, но отвести взгляд от его сияющих глаз невозможно.

Володя позволяет мне замереть, глядя по волосам, потом бесконечно долго целует, заставляя повторять это слово на коротком выдохе.

— А я тебя уже давно и безумно сильно люблю. Но ты и сама это знаешь, маленькая.

— Знаю?

— То есть ты сомневалась? — улыбается Володя.

Я перекачиваюсь, укладываясь головой на его плечо. Володя

гладит мои плечи и спину, зарывается пальцами в волосы, беспрестанно целуя.

Переплетаю наши пальцы, но потом замечаю его обручальное кольцо. Володя перехватывает мой взгляд и снимает обручалку, небрежно забрасывая в ящик тумбочки.

— Так лучше?

— Гораздо.

Володя опять тянет свои руки ко мне, но мне есть что ему вернуть, поэтому я встаю. Под пристальным взглядом, проносящимся по телу горячей волной, достаю из сумочки мужские часы.

Он удивлён.

— Это те самые часы, что я оставил тебе три года назад?

— Да, это они.

— Я думала, что ты избавилась от них.

— Нет, они мне очень нравятся и безумно идут тебе.

— Возвращаешь? Не забудешь завести их?

— Не забуду. Можно?

Володя кивает.

Мимолётное мгновение, понятное только нам двоим.

Как начало чего-то нового, где куча подобных мелочей свяжут нас воедино. Вновь заведённые часы тикают едва слышно, наши сердца стучат в тысячу раз громче.

— Как долго я этого ждал, родная моя, — Володя жадно вдыхает запах волос, целуя в висок. — Не сбежишь от меня теперь?

— Нет. Если сам не оттолкнёшь.

— Не дождёшься... Скорее наступит конец света, чем я откажусь от тебя.

— Всё так быстро изменилось. Я думала, что мы окончательно всё испортим и боялась этого.

— К счастью, я вовремя одумался. Раньше ты усердно отпихивала меня. А спустя годы я возомнил, что просто обязан ответить тебе тем же, но удерживая рядом с собой. Глупо, знаю... Едва всё не сломал, но решил послать всё лесом. Я рассказал маме о нас с тобой, — признаётся Владимир после небольшой паузы и успокаивающе гладит по плечам, считывая по дрожи моего тела признаки тревоги. — Да, маленькая, маму не обрадовала эта новость...

— Рано или поздно они бы узнали, — тихо говорю я, понимая, что

время отсиживания в коконе собственного страха и тревоги давно прошло.

Они никуда не делись, эти чувства, но нужно просто принять их и понять, что невозможно нравиться всем.

Кому-то одно событие кажется шокирующим и уродливым, другой видит в этом нечто прекрасное, а третий просто безразлично проходит мимо.

В глазах смотрящего мы каждый раз отражаемся по-разному. Некто смотрит через призму собственного мировоззрения, наводя увеличительное стекло на что-то одно и выносит вердикт. Но это не истина в последней инстанции.

— Я надеюсь, что ты не станешь переживать из-за чьего-то мнения. Мы счастливы только когда вместе. Порознь — не наш вариант. А я не хочу мучиться. Я и без того слишком долго шёл только к тебе. И рад, что ты, наконец, сделала шаг мне навстречу, отбросив в сторону всё лишнее.

Низкий приятный голос Володи баюкает меня. Мне кажется, что я смогу пролежать вот так, не двигаясь, целую вечность. И даже потом не захочу покидать стальное кольцо его сильных объятий.

— Как только мы распишемся... — Володя усмехается. — Чёрт. Мне придётся усыновлять собственного сына, да? В графе отец указано же только моё имя?

— Да... Прости.

— Ерунда. Я счастлив. Просто мы с тобой можем посоревноваться за звание упрямого года, вот и всё.

— Теперь я хочу быть упрямой только в одном — в желании быть с тобой, — честно признаюсь я, понимая, что *нашла и приняла своё место рядом с этим мужчиной. Любимым. Единственным. Самым лучшим.*

Глава 92. Алина

С Виктором Востровым Алина виделась ещё трижды, прежде чем пошли на сближение.

К тому времени Алина была уже в курсе некоторых семейных дрызг Виктора: жена оттяпала при разводе значительную долю бизнеса.

Конечно, жена Вострова приложила руку к его созданию, но оторвала, по мнению Виктора, чересчур большой кусок. Дети иногда раздражали просьбами и снобизмом, американизированные настолько, что на папу смотрели, как на тупой валенок, тем не менее, приносящий деньги на их содержание.

Алина пока не жаловалась Виктору на свои проблемы, уяснив золотое правило: сначала нужно дать поплакаться на жизнь мужчине. Желательно дать ему поплакаться на груди, а потом просто дать.

После недолгого, но неплохого секса в автомобиле парочка решила переместиться в дом Виктора.

Обстановка Алине понравилась. Не такая сдержанная, как в их доме с Владимиром.

У Виктора дом был больше и просторнее. Эксклюзивная мебель, дорогие картины. Прислуга... Не одна домработница, а несколько расторопных женщин.

Одним словом, дом Виктора пришёлся Алине по вкусу. Виктор, в принципе тоже. Конечно, мужчина был немолод, но по мере сил следил за собой. И главное, пытался угодить молодой любовнице, показывая всё, на что способен в постели.

Не то, что Владимир. Тот, похоже, раньше залезал на жену, только когда яйца опухали от спермы, трахался, будто с неживой, и уходил. Они не спали в одной комнате. Смешно! Как будто в девятнадцатом веке! Но спать Владимир предпочитал всегда один. А сейчас... Алина не хотела думать о том, что сейчас муженёк просто решил развестись.

Это, конечно, развязало ей руки: муж появился в доме только для того, чтобы взять с собой необходимые вещи, и вежливо напомнил о сроке, отведённом для того, чтобы Алина решила, сколько она хочет получить за развод.

С Виктором было куда приятнее. Задорно и вдоволь натрахаившись, Алина лежала на широком мужском плече, время от времени забирая у мужчины сигарету.

Можно было не корчить из себя примерную и верную жену, расслабиться и покурить...

Алина с наслаждением затянулась: мужу не нравилось, что она курила. Очень редко старалась курить, между прочим. Но Владимиру всё равно не нравилось!

Сколько ни старайся, всё равно не оценит. Так есть ли смысл стараться?

Нет никакого смысла, если мужчине нравится другая.

Он будет умиляться каждому недостатку любимой. Но посчитает те же самые повадки отталкивающими у другой женщины.

Когда она, Алина, успела стать другой, а?

Она усмехнулась. Её опередили задолго до того, как она познакомилась с Володей.

За полтора года брака Алина начала думать, что муж у неё просто холодный и скупой на эмоции. Но сейчас она видела, что ошибалась, принимая мужа за арктический ледник.

Нет, дорогая, это не ледник. Это вулкан. Только проснулся он с появлением Янины. Кипел, фонтанировал эмоциями, жил.

Алине было банально обидно и завидно. Хотела бы она узнать на себе всю силу страсти этого красивого, жёсткого мужчины.

Зависть съедала её изнутри. Непреклонный, успешный и просто притягательный Владимир принадлежит другой женщине всем сердцем и мыслями. Такой роскошный подарок, но не для Алины. И почему жизнь так несправедлива? Сука-а-а-а...

— Со мной всё ясно. А у тебя что, королева? — спросил Виктор.

Виктор называл Алину только так: «королева».

— Ничего, Виктор, — улыбнулась она.

— От ничего не сбегает к другому мужчине. Чем тебе Русаков не угодил?

— Русаков не угодил мне тем, что жена для него — необходимый предмет мебели. И ведёт себя словно сам — бревно.

— Да ну? — ухмыльнулся Виктор.

— Стопроцентное! — подтвердила Алина, решив поднять самооценку Вострова. — А после тебя моя киска будет ныть три дня.

Насильник!

— Значит, муж тебя не удовлетворяет.

— Не удовлетворяет и даже не содержит! — пожаловалась Алина. — Отобрал машину!

— Подарить королеве карету? — усмехнулся Виктор.

— Подари, — легко согласилась Алина. — Нужно же кому-то меня любить, если муж меня не любит.

— А ты сама? Любишь ли ты своего мужа так, как любишь его деньги? — иронично спросил Виктор.

Алина села в кровати и решила сказать открыто.

— Нет никакого смысла в твоём вопросе. Особенно если учесть, что мужа у меня скоро не станет.

Виктор, казалось, совсем не удивился.

— Развод?

— Да. У Русакова есть сука с ребёнком. От него. Раньше она была женой его брата. Видимо, очень удачно, если один брат погиб, а она залетела от второго.

— В жизни чего только не бывает. Вы уже подали заявление на развод, королева?

— Нет. Русаков не хочет связываться с муторными судебными разбирательствами по разделу нажитого имущества. Он предлагает мне озвучить свою цену, адекватную цену. Русаков хочет заплатить мне, чтобы я согласилась на развод и написал отказную.

— А ты, конечно, не согласна?

— Сам как думаешь? — фыркнула Алина. — У меня было всё, а не останется ничего. Нет уж, пусть Русаков делится!

— Знаешь, я чисто по-мужски с ним солидарен, — признался Виктор. — К бизнесу ты не приложила и пальца, так что его предложение более чем разумно. По совести, так сказать. Но с другой стороны, я поддерживаю тебя в стремлении забрать, уходя, как можно больше. Как-то так. Другой вопрос, сможешь ли ты это сделать?

— Смогу. Я найму лучшего юриста!

— Ха. Лучшие юристы лижут зад Русакову. Они вывернут все, до единого правила, но сделают так, чтобы его имущество осталось при нём.

Алина разозлилась.

— Знаешь, твои разговоры не добавляют мне настроения! Вот ни

капельки!

— Ну-ну, королева, не капризничай. Вы не заключали брачный договор?

— Нет.

— Завещание он ещё не составлял?

Алина поколебалась, но всё же ответила:

— Нет. Я слышала его разговор с юристом. Тот советовал ему, но Русаков настолько уверен в себе, что считает — слишком молод для того, чтобы писать завещания.

Виктор попросил прикурить ему ещё одну сигарету.

— Значит, расклад такой, королева, что пока вы не развелись, ты — его законная жена. После смерти мужа жена и дети являются наследниками...

Глава 93. Алина

Алина встрепенулась от слов Виктора.

— Что?

Она вскочила, хаотично собирая разбросанные вещи.

— Ц-ц-ц... Куда собралась?

Виктор перехватил её за руку и притянул обратно.

— Что задёргалась, королева? Или, скажешь, не думала об этом?

Виктор зажал её подбородок сильными пальцами и насмешливо смотрел прямо в глаза.

— Думала! Но я скорее думала, удавить ту суку и оставить всё, как есть! — ядовито выплюнула она.

— И чем ты зацепишь Русакова? Если, по твоим словам, он бредит этой вдовушкой? Ничем, дорогая моя. Он скорее вообще забудет на всё. Кстати, ребёнок его?

— Да, ребёнок от него.

— Нет, ты не поняла. Официально ребёнок — его?

Алина напряглась, вспоминая. Она просмотрела бумаги, которые Володя оставил на столе в кабинете. Кипа ксерокопий медицинских заключений и рекомендаций Русакова Ильи, привезённых Владимиром. Среди них были и копии свидетельства о рождении ребёнка.

— Нет. В графе отцовство указано только имя «Владимир», ни фамилии, ни отчества. Свидетельство такое, какое обычно дают, кто рождает без отца.

— Вот тебе ещё одни плюсики. Официально детей у Русакова нет. Родители, если живы, получают своё. Но есть и жена, которая законно сможет претендовать на нажитое имущество после смерти супруга. Оставшаяся доля по закону делится, опять же, между женой и детьми. Детей у вас нет, так что нажитое будет разделено между прочими наследниками в порядке очерёдности... Кто-то отщипнет кусочек, да. Но ты в любом случае получишь гораздо больше, чем тот адекватный откат, предлагаемый тебе Владимиром.

— Какой тебе резон, Виктор?

— Вакантное место моей жены — свободное, — усмехнулся

Виктор. — А ты — горячая и умная штучка. У меня есть то, что поможет тебе, а у тебя есть то, что нужно мне. Ну, кроме тебя самой, разумеется.

— И что это? — поколебавшись, спросила Алина.

— Тот земельный участок для строительства АЗС. Русаков перебил мою цену, я не смог купить участок у владельца. Место очень рыбное. У тебя, моя королева, не достанет хватки, чтобы выжать из него пользу, а я построю прибыльный бизнес.

— Вот, значит, как?

— Да, красавица. Именно так. Я предлагаю тебе решить проблему с Русаковым, а ты в благодарность после утряски всех нюансов подаришь мне этот участок.

— Жирно, Виктор!

— Отнюдь. Не думаешь же ты, что я оставляю тебя кому-то другому? Или твои ушки пропустили моё предложение? Выйдешь за меня, все сливки достанутся нам вдвоём.

— У тебя хорошая фантазия, Виктор, — сухо отозвалась Алина и всё же ушла, чувствуя себя неловко от того, что разговор свернул в такое русло.

То, что предлагал Виктор, было кошмарным!

Алина тысячу раз могла представить себе безутешного Володю у гроба вдовушки, но она не заходила дальше пространных мыслей о том, что проблема исчезнет.

Виктор предложил другой вариант. Неприемлемый.

Алина не собиралась всерьёз раздумывать на эту тему. Скорее, она безумно надеялась на то, что ситуация решится сама. Алина даже позвонила свекрови. Та уже была в курсе развода.

Свекровь сухо выразила соболезнования, что брак распался, и упрекнула Алину в том, что та сама не позаботилась об укреплении брака детьми.

Виктор звонил, ненавязчиво предлагая встретиться. Но теперь Алина знала, что Виктора интересует не только её красивая мордашка и идеальная фигура. Виктор нацелился на кусок пожирнее и обещал положить голову дракона к её ногам.

Алина просила ещё немного времени подумать, понимая, что у неё духу не хватит согласиться на такое.

Но потом в кафе во время обеда она увидела Владимира и его

ненаглядную вдовушку. Алина сидела в глубине кафе и со своего места наблюдала за парочкой, сочась злобой.

Алине нравилось это кафе, но Владимир наотрез отказывался показываться здесь, говоря, что не любит это место.

Не любит? Похоже, что теперь любит. Эти двое чувствовали себя естественно и непринуждённо. Было видно, что в этом местечке они появляются не впервые, потому что делают заказ, едва взглянув на меню.

Муж вместо того, чтобы бесконечно долго решать дела по телефону, откладывает смартфон в сторону, переключая своё внимание на Янину.

Их счастье и увлечённость друг другом понятны всем и каждому. Даже ей, Алине, чудятся невидимые, но прочные нити, связывающие пару. Владимир переплетает пальцы, целуя руку.

Владимир никогда не был таким с Алиной, но вот с этой большеглазой — запросто.

Алина сама не поняла, как написала Виктору сообщение.

Алина: *«Ещё не передумал обезглавливать дракона ради меня?»*

Лаконичный ответ пришёл мгновенно:

Востров: *«Нет. Жду твоей отмашки, королева...»*

Алина: *«Я согласна!»*

Глава 94. Алина

Виктор и Алина обсуждали детали чинно и спокойно, как будто речь шла о деловой сделке, но не о жизни человека.

— И всё же я переживаю, — в сотый раз повторила Алина.

Её голос ничем не выдавал волнение, внешне она выглядела, словно её это никак не касалось, но противный холодок морозил ознобом изнутри.

— Всё будет выглядеть, как обычное нападение с целью наживы. Отберут деньги, драгоценности, часы.

Алина кивнула, отпив вина. Сегодня дорогое итальянское вино отдавало дешёвой кислятиной. Она отставила бокал со вздохом.

— Это получится?

— Ты же сама сказала, что Русаков любит бывать по пятницам в небольшом ресторанчике. Кормят там вкусно, обстановка атмосферная. Я сам там бывал. Но парковка возле ресторана крошечная, забита полностью с самого утра. Машины ставят дальше, в тихом местечке. Парочка поужинает и разомлеет. Не успеют сесть в машину. На следующее утро ты узнаешь, что стала вдовой.

Виктор пристально посмотрел на Алину.

— О чём задумалась, королева?

Алина внезапно выпалила:

— Ещё не поздно всё отменить?

Виктор изменился в лице.

— Отменить? Красавица, это не запись на маникюр. Я уже нашёл людей. Ждём пятницы. Русакова будут пасти и сделают всё очень чисто.

— Мне просто не по себе.

— А ты почаще думай о том, что тебе достанется, и полегчает, — посоветовал Виктор. — И не вздумай заложить меня.

— Что? — возмутилась Алина.

— Да, милая. Это статья. Вместе пойдём, так что сиди тихо. В пятницу прошвырнись в ресторане с подругами. Я тоже буду там, но со своими друзьями.

Виктор властно привлёк её к себе и крепко поцеловал.

— Всё будет хорошо, королева! Озолочу каждый твой пальчик.

Огонёк в глазах мужчины придал Алине решимости, и она решила не накручивать себя. Она просто сообщила, где её муж обычно ужинает по пятницам. Она и пальца не приложила к тому, что его вдруг не станет.

Но саму себя было не обмануть, и чем ближе становился вечер пятницы, тем неудобнее себя чувствовала Алина. Ещё больше раздрая в её душевное состояние привнёс сам муж, позвонивший поинтересоваться, приняла ли она решение.

— Две недели почти прошло, Алин.

Две недели? Неужели так быстро?

— Ты пришла к каким-нибудь выводам?

— Я не знаю, во сколько оценить нашу совместную жизнь, — медленно ответила Алина.

— Будешь настаивать на судебном разделе имущества?

— Ещё не знаю.

— Позволь мне помочь тебе определиться? Давай так, десять миллионов и один из внедорожников — твои. Наверное, ты выберешь красный BMW.

— Уверен, что я соглашусь?

— У тебя есть время хорошенько подумать до понедельника. Позвони, как определишься. Буду ждать твоего звонка, — попрощался Володя и отключился.

Алина замерла в ожидании вечера. Как и договорились, она приехала в ресторан, посидеть с одной из приятельниц. Зазвонил телефон. Это был Виктор.

— Скучаешь, королева?

— Нет, я с подругой. А ты?

— Я с друзьями. В трёх столиках слева от тебя. Ты прекрасно выглядишь. Я закажу тебе что-нибудь от тайного поклонника, — улыбнулся Виктор и отключился.

Алина не стала оборачиваться, чтобы убедиться, в правдивости слов Виктора. Официант через несколько минут поставил перед ней замысловатый и жутко дорогой коктейль.

— От тайного поклонника.

— Молодец, держишь форму. С одним ещё не рассталась, а уже кто-то ещё на тебя глаз положил, — заметила подруга. — Знать бы кто!

Алина старалась вести себя, как обычно: улыбалась и смеялась там, где надо было.

Но вокруг всё как будто нарочно намекало на злобные замыслы. То нож казался ей чересчур острым, то вино в бокале подружки отсвечивало зловеще-кровавым.

И кругом-кругом нули. Они чудятся ей повсюду: и тарелки намекают, и пуговицы на рубашке официанта, и симпатичные часики с круглыми 00, выложенными крошечными бриллиантами, смеются над ней.

В конце концов, десять миллионов и автомобиль — намного лучше, чем всю жизнь сходиться с ума.

К тому же она внезапно подумала, что Востров может потом избавиться от неё точно так же.

Ей вдруг стало дурно. Во что она вляпалась?!

Время уже позднее. Случилось или нет?

— Пойдём припудрим носик, — улыбнулась Алина подружке.

— Вместе, что ли? Как пятнадцатилетние?

— Мой новый в зале. Жутко ревнивый. Пойду одна, он решит, что я улизнула с кем-нибудь потрахаться. Так что выручай, подруга.

— Хм... И кто же он?

— Потом покажу! — пообещала Алина.

В туалете она отошла от подружки в дальний угол и поспешно достала телефон. Он выскользнул из ладони, скользкой от холодного пота. Экран покрылся трещинами, но всё ещё работал.

Алина набрала номер мужа. Он долго не отвечал, но потом поднял трубку.

— Ты подумала насчёт нашего развода?

— Да-да... Да. Я согласна. Но я не только поэтому звоню. Ты как обычно, ужинаешь в ресторане?

— Я рад твоему согласию. Извини, это единственное, что меня интересует, — холодно ответил Владимир, и гораздо теплее в сторону. — Садись в машину...

— Уезжай быстрее! — быстро проговорила Алина. — На тебя нападут. Уезжай!

— Что? — удивился Владимир. — Повтори!

Алина не успела ответить. Из трубки донёсся слабый женский вскрик, злой мат мужа, шум, шорох и тишина...

Глава 95. Янина

Невероятные две недели. Волшебные и безумно счастливые. Они не отменили моей тревоги за сыночка, но он уверенно шёл на поправку. А мы с Володей, наконец, обрели друг друга и наслаждались обоюдным влечением.

Володя нетерпеливо считал дни, когда можно будет поставить точку в браке с Алиной. Он не сомневался, что жена даст согласие на развод. Но Алина, по его словам, перед этим повертит своим хвостом, корча из себя невесту что.

— Жду не дождусь, когда можно будет вернуться в дом. Обновим интерьер, я знаю, что надо будет это сделать, — Володя ловит мой взгляд. — Моя спальня всегда была только моей.

— Я почти не думала об этом, — признаюсь я.

Мы спокойно вышли из ресторана и направлялись к машине. На парковке возле ресторана не было свободного места, Володя остановил машину дальше, сказав, что здесь всегда так.

Пришлось немного пройти пешком, внимательно смотря под ноги: иногда пятьсот метров вглубь дворов от дороги превращаются в то ещё испытание. На стене соседнего дома прикреплён тускловатый жёлтый фонарь, немного рассеивающий темноту.

Володя отвлекся на телефонный звонок, ответив:

— Ты подумала насчёт нашего развода? — сразу без приветствия.

Я поняла, что звонит его жена, Алина. Володя уже разблокировал автомобиль, но я медлила, не забираясь внутрь.

— Я рад твоему согласию. Извини, это единственное, что меня интересует, — ответил Владимир и обратился ко мне. — Садись в машину...

Знаю, ужасно глупо, но я ревную его. Знаю, что он любит меня безразмерно вот уже много лет, но всё равно жадно ловлю интонации его голоса и жду, пока мы вновь останемся наедине.

Сесть в машину я так и не успела. Я разглядывала в стекле автомобиля своё отражение, поняв внезапно, что сзади быстро движется кто-то. Я дёрнулась в сторону и поскользнулась, растянувшись на снегу.

Тень в стекле мне не привиделась. Незнакомец метнулся ко мне, выругавшись. Я поняла, что моё внезапное падение отсрочило нападение. Но сейчас мне точно не светит ничего хорошего: у мужчины в руках нож.

— Что? Повтори! — послышался громкий голос Володи.

Потом он выругался и бросился ко мне, оттаскивая незнакомца. Мужчина всё-таки успел замахнуться ножом и полоснуть по мне. Но боли я не чувствовала.

Сегодня было необыкновенно морозно для центральной России, и я надела дублёнку. Я торопливо нащупала прорез в дублёнке, понимая, что осталась цела.

Володя подхватил меня и быстро затолкал в салон машины, бросив автомобильный брелок на колени.

— Заблокируй все двери. Быстро!

Володя едва успел захлопнуть двери, как его оттащили за шиворот ещё двое.

Я испуганно сжалась в комочек, но всё же успела нажать на блокировку. Дверь дёрнули, но безуспешно. По стеклу ударили кулаком и резко отошли в сторону.

На нас напали. От мельтешения тёмных силуэтов вокруг Володи становится жутко страшно за его жизнь. Он вступил в драку, но мужчин двое, скорее всего, тоже с ножами, а Володя один.

Я достала телефон и позвонила в полицию. Вызов приняли мгновенно, но до приезда полицейских нужно было ещё дожить. Я увидела, что и третий мужчина поднимается, приближаясь к дерущимся.

Я переползла на водительское сиденье и сжала руль покрепче.

Я уверена, что не буду водить автомобиль сама никогда, как бы Володя ни пытался научить меня этому. Я могу ехать на небольшой скорости и управлять автомобилем, только когда он сидит на соседнем кресле.

Но если Володи нет рядом, я просто впадаю в ступор и сижу без движения, не в силах даже завести автомобиль.

В такие моменты меня трясёт, и я возвращаюсь к точке обратного отсчёта: удар, грохот, тишина. Как три года назад, когда погиб Слава.

Но сейчас я просто нажала на педаль газа, заставив автомобиль рвануть вперёд. Не все нападающие успели среагировать. Первого

нападавшего сбило в сторону. Я зажмурилась, почувствовав, как автомобиль на что-то наехал.

Неужели я задавила человека? Я нажала на тормоза.

В голове сильно шумело, но я расслышала вой сирен полицейских машин. Один из нападавших рванул в сторону, быстро покидая место происшествия. За ним двинулся и второй, но Володя схватил его за шиворот, разворачивая к себе лицом.

Володя ударил его по лицу несколько раз и повалил на снег, нагнувшись над нападавшим и странно дёрнувшись.

Я поспешно разблокировала все двери и вылезла из машины, подбегая к Володе.

— Залезь обратно в машину до приезда полиции! — приказал мне Володя и обрушил град ударов на мужчину. Мужчина перестал дёргаться. Володя присел на корточки, продолжая удерживать нападающего.

К нам подошли двое мужчин, заметив на снегу кровь, подступили к Володе.

— Помощь нужна?

— За этим присмотрите, пока менты подъедут и там, под машиной второй лежит.

Володя медленно поднялся. Я подбежала, обнимая его и рыдая в голос.

— А ты, коза непослушная, получишь у меня! Кому сказал, сиди в машине? — прикрикнул на меня Володя и резко, до боли сжал в объятьях. — Как я за тебя испугался, маленькая! Зачем вмешалась? Я бы сам справился! Нормально всё?

— Мне кажется, я его задавила насмерть, — призналась я, боясь посмотреть в сторону автомобиля.

— Нет, он хрипит. Ты ему ноги переехала, автомобилистка, — выдохнул Володя и отстранил меня. — Как ты?

Выражение его лица изменилось.

— У тебя кровь! Тебя задела? Где?

— Нет... Нет, Володя! Это просто дублёнку порезали! — отнекивалась я.

Но Володя не успокоился пока не расстегнул на мне верхнюю одежду и не убедился, что я права.

— Главное, что ты цела, — облегчённо выдохнул Володя.

— Это не моя кровь. Не моя, — повторила я и раздвинула полы пальто. Володя, как обычно, не застёгивал его на пуговицы.

— Володя! — прошептала я, проведя пальцам по тёмному свитеру. Пальцы сразу стали мокрыми.

— Это у тебя идёт кровь.

— Ерунда, маленькая. Дай обнять себя. Я за тебя испугался до смерти...

Я осторожно обняла Володю и зажмурилась от красно-синих мигалок полицейских машин, подъехавших к месту происшествия. В следующее мгновение я почувствовала, как тело Володи тяжелеет, наваливаясь на меня.

— Володя?

— Нормально всё... Нормально...

Володя сделал шаг в сторону и грузно осел на снег.

— Скорую! Вызовите скорую! — закричала я, срывая голос.

Глава 96. Янина

Я мерила коридор больницы, пока Володе делали операцию. Его порезали довольно сильно. Сейчас врачи боролись за его жизнь.

Мне было непонятно, откуда столько злости. Неужели жажда наживы может толкнуть человека на убийство? Та троица прельстилась на дорогой автомобиль? Неужели цена жизни — автомобиль и немного налички?

Ноги уже гудят, в голове — хаос и сумбур. Я обессилено приваливаюсь к стене, повторяя, как мантру:

«Я не могу его потерять. Не могу. Только не так. Только не сейчас...»

Пожалуйста...

Что отдать взамен, чтобы спасти жизнь любимому человеку? Где дьявол прячет договор на продажу души? Я бы, не раздумывая, подписала её сейчас кровью...

Наконец, раздались лёгкие шаги. Я метнулась к доктору, вцепившись в его руки.

— Доктор, как он?

— Операция прошла успешно. Владимир всё ещё находится в достаточно тяжёлом состоянии. Кровопотеря была сильной. Но жить он, несомненно, будет. Мы перевели его в реанимационное отделение.

— Он пришёл в себя?

— Наркоз ещё действует, — доктор посмотрел на меня. — Отправляйтесь отдыхать. Завтра утром...

— Нет. Я останусь здесь, — упрямо мотнула я головой.

— Вам нужно отдохнуть.

— Я не устала. Я подожду.

Доктор пожал плечами и развернулся. Я забралась на диван и приготовилась ждать. Минуты тянулись бесконечно долго, складываясь в часы. Мне казалось, что я уже полжизни сижу здесь бесплотной тенью, а прошла всего одна ночь.

Коридоры больницы ожили, наполнившись медицинским персоналом.

Меня огорошили новостью: Володя ещё не пришёл в сознание. Но состояние стабильное. Надо ждать...

Я разрывалась на две части. Мне нужно было навещать сына, мне нужно было находиться здесь, в больнице, где без сознания лежал любимый мужчина. Сердце разрывалось в клочья.

Мне пообещали сообщить обо всех изменениях в состоянии Володи, я поехала к Илюше, понимая, что по полдня буду проводить у него, а потом мчаться к Володе, в надежде, что ему стало легче.

— А где папа? — спросил Илюша, посмотрев на меня взглядом один-в-один как у Володи.

— Папа спит. Он сильно устал вчера, — ответила я, глотая слёзы. — Но он обязательно проснётся и придёт к нам...

* * *

Два дня не принесли никаких изменений. Почти никаких...

Я позвонила Стасу, не выдержав натиска последних событий. Брат сразу же пообещал прилететь.

Мне пришлось позвонить и родителям Володи. Мне не хочется даже мысленно воспроизводить повторно все визгливые оскорбления матери Володи, самое лестное из которых — меркантильная шлюха...

На третий день я стояла в коридоре больницы Ильи, когда мне позвонили и сказали, что Володя пришёл в себя. Я развернулась и выбежала из больницы, поймав такси.

Я спешила со всех ног. Доктор сказал, что в сознание Володя пришёл ещё ночью, но они не стали звонить в ночное время. Сейчас Володю перевели в отдельную палату. Опасность для жизни миновала, но он всё ещё был слаб.

— Мне можно его увидеть?

— Многовато посетителей для одного дня, — нахмурился врач. — Родители тоже хотят побывать у него.

Я умоляюще взглянула на доктора.

— Не смотрите на меня такими глазами, иначе я сам разрыдаюсь... Ладно. К тому же он только о вас и спрашивал у всех. Идите к палате двести семнадцать, я скоро подойду и запущу вас. Пять минут, не больше. Владимиру нужен покой.

— Спасибо!

Я подскочила и вихрем пронеслась по коридорам больницы, изо всех сил спеша к любимому. Уже у дверей палаты поняла, что придётся столкнуться с четой Русаковых.

По крайней мере, с его матерью. Она сидела и утирала слёзы бумажной салфеткой. Я поравнялась с ней. Она внезапно и очень резко для своего возраста вскочила, бросившись ко мне.

— Ведьма блядливая! Одного сына из-за тебя схоронила, а ты ещё и второго в могилу свести хочешь! — прошипела она, едва не царапая моё лицо.

Я опешила на мгновение от её напора. А потом между нами вклинился третий, протрубив знакомым родным голосом:

— Поосторожнее. Ногти не обломайте!

Мой брат обнял меня, приподняв.

— Стас! Ты приехал!

— Конечно, приехал, мелкая! Кто-то же должен за тобой приглядывать, пока твой защитник бока отлёживает в больнице!

Стас поцеловал меня в обе щеки и поставил, продолжая обнимать.

— Не плачь, Ян. Володя — мужик крепкий, он обязательно поправится. Он уже пришёл в себя?

— Пришёл! — язвительно отозвалась мама Володи. — И бредит этой... проשמандовкой! Приворожила, наверное, если он ничего слышать не хочет, а только спрашивает, как там Янина.

Стас резко повернулся к матери Володи и переставил её подальше, как игрушечную.

— Вы бы за языком следили. Владимир несколько лет добивался внимания Янины. У них общий сын. А если вы не знаете, чем живёт и чего хочет ваш сын, это минус вам, как матери. И вы не на трибуне, поосторожнее руками размахивайте. Не то придётся вам хенде хох устраивать, фрау!

Мама Володи опешила от грубовато-наглого обращения и прикусила язык.

— Стас! Она же пожилая женщина!

— Тем более! — не сбавляя громкости, ответил Стас. — Мудрость к этому возрасту обычно появляется, доброта. Но видимо, не у всех. У некоторых окончательно всё человеческое атрофируется.

— Янина Русакова? — позвал врач.

— Да, я здесь, — выглянула я из-за плеча брата.

— Пойдёмте...

Врач приглашающе махнул рукой.

— Я — мать. Я хочу видеть своего сына! — взвилась с места мама Володи.

— Увидите. Но не сегодня, — отрезал врач. — Сегодня я запущу только одного человека, самого близкого. Владимир звал свою будущую жену, Янину. Вы сможете увидеться с сыном завтра.

Я прошмыгнула в открывшуюся дверь, подбежав к кровати. Володя полулежал на подушках. Лицо осунулось и побледнело, на щеках и подбородке, всегда гладко выбритых, была небрежная щетина.

— Пять минут, — напомнил врач и вышел.

Володя поманил меня к себе рукой. На кисти был закреплён катетер. Я всхлипнула и обняла Володю, стараясь быть осторожной, но Володя сдавил меня до хруста, застонав.

— Тебе нельзя так...

— Мне без тебя нельзя, а так — можно, — отозвался Володя, откинувшись обратно на подушку.

Я погладила кончиками пальцев лицо любимого и поцеловала.

— Вот теперь я чувствую, что меня лечат, — пошутил он, но голос был всё ещё слабым. — Как Илья?

— Хорошо. Спрашивал про тебя. Я сказала, что ты спал...

— Не плачь, — улыбнулся Володя. — Я уже проснулся. Выспался на три года вперёд... Жду, когда меня выпустят. Хочу увидеть сына и обнять вас двоих...

— Обязательно обнимешь, как только поправишься.

— Теперь у меня есть заслуженные боевые ранения. Будешь любить меня со шрамами и без селезёнки?

— В любом состоянии, — всхлипнула я, целуя лицо Володи. Колкая щетина щекотала губы.

— Мне нужно побриться, да? Никогда не ходил таким неопрятным...

— Поправляйся. Врач дал нам всего пять минут, но завтра я приведу тебя в порядок.

Владимир кивнул в сторону коридора.

— Кажется, твой брат поставил на место мою маму?

Я смутилась.

— Ты всё слышал?

— Конечно, — усмехнулся Володя. — Голос твоего брата трудно не услышать...

— Я не хотела, чтобы ты из-за меня ссорился с родителями.

— Не рассоришь, маленькая. Им придётся принять тебя и мой выбор. А кое-кому придётся поджать свой длинный язык. Не позволю никому обижать тебя. Ни-ко-му.

Глава 97. Владимир

Спустя время, на православное Рождество

Напавших на нас задержали. Вернее, не так.

Одного придавила машиной Янина, моя маленькая девочка. Бегать нападавший сможет ещё очень и очень нескоро. Колеса машины проехали по ногам, выше ступней.

Второго, который сильно порезал меня, держали до приезда полиции и сразу поместили в камеру предварительного заключения.

Третьему удалось скрыться, но, по словам следователя, ненадолго. Подельники сдали третьего, а потом сдали и заказчика.

Вот это уже оказалось неприятным сюрпризом для меня. Я считал, что мы с Яниной стали просто добычей любителей лёгкой наживы.

Но всё оказалось куда серьёзнее. Нас поджидали специально.

Следователи добились показаний от задержанных: троицу заказал никто иной как Востров Виктор, мой конкурент. Тот самый, что хотел купить земельный участок под строительство. Но я предложил большую цену, участок достался мне. А Востров остался ни с чем.

В другом случае Востров бы легко отделался. Но жизни моей девочки угрожала опасность, а этого я спустить с рук никак не мог.

Я подключил все свои связи и ресурсы, чтобы Вострова не вздумали отпускать под залог или, того хуже, пускать дело на самотёк.

Иногда такое случается: преступление и пострадавшие есть в самом начале, но потом подключаются большие деньги и связи, дело растворяется без следа, словно его никогда и не заводили.

Но не в этот раз. Вострову придётся ответить за всё.

И не только ему. Востров понял, что отвертеться не получится, и сдал... мою жену, Алину.

Эти двое, оказывается, были любовниками и сговорились. Они планировали лишить меня жизни до развода, Алине досталась бы большая часть нажитого имущества, она отблагодарила бы Вострова...

Я и не подозревал, что Алина настолько корыстная. Я не строил иллюзий на её счёт, понимая, что в первую очередь её интересуют мои деньги и статус. Но я не думал, что она сможет решиться на преступный

сговор.

Совесть зашевелилась в ней, и в самый последний момент она всё-таки позвонила мне, предупредив о нападении.

Но было уже поздно. Я едва успел затолкать в машину Янину. И то, что она не пострадала, скорее, случайность, но никак не заслуга Алины.

Алину задержали, когда она собиралась уехать из города. Она провела в камере предварительного заключения всё то время, пока я лежал на больничной койке. Потом я попросил разрешения привести её в отдельную комнату на разговор.

Рядом со мной стоял юрист, заявление на развод и отказ от имущественных претензий. Привели Алину. Она вошла пришибленная, лишённая лоска и разом потерявшая всё очарование. Сейчас передо мной была обыкновенная, ничем не примечательная девушка с потускневшим взглядом.

Я предложил ей подписать бумаги в обмен на то, что с неё будут сняты все обвинения.

— Меня отпустят? — уточнила Алина.

— Разумеется, — соврал я, не моргнув глазом.

Алина не стала упрямиться и быстро всё подписала, обрадовавшись тому, что легко удалось избежать наказания.

— Можете уводить обратно в камеру, — попросил я полицейских.

— Куда? Володя? Володя! — кинулась она в мою сторону.

Алину сразу же подхватили под руки.

— Мы же договорились, Володя! Мы же только что договорились! Я позвонила предупредить тебя!

— Было уже слишком поздно для раскаяния. Янине угрожала опасность, я пролежал без сознания больше двух суток и очень много времени провёл в больнице.

— Но ты же обещал! Ты держишь свои обещания! Ты же только что говорил, что меня отпустят! — верещала Алина, порываясь ко мне, но её держали крепко.

— Говорил. А ещё я говорил, что ты в случае добровольного развода без судебных тяжб уйдёшь не с пустыми руками. Но тебе показалось мало. Тебя сгубила жадность... Тебя и твоего любовника. Теперь вас ждёт длительная любовь по переписке.

— Это всё он! Это Востров! Это Востров предложил мне убрать тебя! Это была его идея!

Я вышел. Любовью здесь и не пахло. Просто временное объединение двух любителей наживы.

Мне было плевать. Их осудят, они ответят за свои поступки. Каждый из них.

А я... Меня ждёт моя любимая и сын. Я не хочу терять ни единой минуты. Хочу потратить каждую из них на то, чтобы сделать нашу семью счастливой.

Я вызвал такси. Временно мне категорически запретили ездить за рулём. Я с нетерпением дождался конца поездки. Не привык быть ведомым пассажиром.

Я остановился и несколько секунд постоял без движения перед тем, как повернуть ручку двери и войти в дом.

Сегодня здесь непривычнолюдно. Я не большой любитель принимать малозначащих гостей в своём доме. А за последние три года, проведённые без Янины, я, кажется, совсем превратился в нелюдимогобирюка или робота.

По дому передвигалась только прислуга и бывшая жена. Даже друзей я приглашал к себе очень редко.

Но сегодня — не тот случай.

Издалека слышен голос брата Янины. Его громким басом с лёгкостью можно перекрыть гул толпы.

В холле меня встретила моя девочка. Её глаза сияли от счастья.

— Наконец-то! Мы тебя ждали!

Янина обняла меня, поцеловав, и добавила тише:

— А я соскучилась. Очень-очень сильно!

— Уже?

— Постоянно скучаю. Мы ждём только тебя.

Янина поцеловала меня ещё раз. Мне не хотелось отрываться от её сладких губ, но нужно было поприветствовать наших гостей.

— И ещё... У нас в гостях твой папа, — шёпотом сказала Янина.

— Папа?

— Да. Я не ожидала и сначала испугалась.

Я рассмеялся.

— Пугливая ты моя. Я не знал, что Русаковы захотят присутствовать.

— Он хотел увидеть внука, — улыбнулась Янина. — Не отходит от

Илюши.

Сегодня у нас двойной праздник. Илье впервые разрешили покинуть пределы больницы.

Я упорно хотел, чтобы его оперировали за границей, но когда подошёл срок, мы просто не смогли полететь.

Глубокие ранения и тяжёлая операция подкосили меня и задержали в больнице дольше, чем я планировал. Подошли сроки, когда Илье нужно было делать пересадку кожи — месяц после его травмы.

Но из-за операции я просто не успел всё подготовить к перелёту. Поэтому скрепя сердце дал своё согласие на операцию здесь, надеясь, что всё получится.

Операция прошла успешно. Пересаженная кожа хорошо приживалась, перевязки делали в больнице.

Мы надеялись, что переезд домой Ильи перенесёт хорошо. Сынишка был рад. Я впервые увидел его в домашней обстановке, и у меня окончательно отлегло от сердца.

Я спокойно выдохнул, увидев, как он возится с паровозиками и железной дорогой возле ёлки, ещё не убранной после Нового Года. Рядом сидел мой отец, играя с внуком.

Мама всё ещё воротила свой нос от нашей семьи.

Мы с Яниной любили друг друга и прошли через колоссальные испытания временем, расставанием, ошибками прошлого не для того, чтобы оглядываться на мнение посторонних людей, пусть даже родной матери.

Иногда самые близкие становятся бесконечно чужими. Но надеюсь, что и мама тоже «оттаает», потому что внук у них с отцом пока единственный.

Наверное, маме нужно больше времени, чтобы признать свою неправоту и полюбить Янину. В том, что моя семья не приняла Янину в прошлом, была целиком и полностью вина Славки, пофигистично отнёсшегося к пренебрежительным высказываниям и ошибочным мнениям родителей.

Нужно поступать по-другому: хватать своё и не давать никому в обиду, всем видом показывая, что это — самое ценное и дорогое, что у тебя есть.

Мама полюбит Янину, не сомневаюсь. Невозможно не полюбить мою искреннюю солнечную девочку и нашего сына. Она поймёт, что

всё дурные мысли о Янине — это всего лишь её мысли и ошибочное мнение.

Признавать ошибки нелегко, тем более пожилому человеку. Но у мамы есть шанс исправиться. Если мама искренне извинится перед Яниной за все обидные слова, я тоже прощу её. Пока — нет.

Я игнорировал собственную мать, чётко дав ей понять: я есть только в тандеме с Яниной и своей семьёй. Другого не дано. Если она любит меня, как утверждает, и желает добра, то полюбит и моих самых близких и родных тоже.

Я поздоровался с собравшимися гостями. Сегодня у нас в гостях были мама и брат Янины с женой и дочкой, мой отец и ещё две семейные пары.

Одна из пар — подруга Янины и её муж, вторая семейная пара — мой хороший знакомый со своей беременной женой.

Получилось не так много гостей, но я предпочитаю видеть за Рождественским столом только самых близких. Шумные застолья и большие дружеские компании должны оставаться за чертой семейных праздников.

Я был рад тому, что теперь могу открыто и не таясь обнять свою девочку и сказать ей при всех:

— Ты выйдешь за меня?

Я был уверен в положительном ответе Янины, но внезапно почувствовал пустоту под ногами на краткий миг перед тем, как она обрадовано выдохнула громкое и радостное:

— Да!

Кольцо с бриллиантом село на пальчик любимой, как влитое. Гости шумно поздравляли нас. Я притянул к себе Янину, целуя.

— Теперь ты полностью моя, правда, лунная?

— Да, Володя. Только твоя.

Эпилог

Спустя два года

Я заглянул в детскую. Янина всё ещё пыталась уложить нашу малышку. У нас родилась доченька, Маша.

— Не хочет спать?

— Мне кажется, что нет, — улыбнулась Янина. — Она наелась и не прочь поиграть.

Маша тянула в рот завязки с бусинами от кофточки моей жены и грызла их.

— Дай её мне?

Моя вторая, самая любимая девочка на всём белом свете. Я сел на пуф, уложив Машу на коленки. Дочка сразу начала дрыгать ножками и весело агукать.

— Теперь точно не пойдёт спать рано, разыграется...

— Ничего, подождём, — беспечно ответил я, не отрывая взгляда от лица дочурки.

Наконец-то всё именно так, как я того и хотел.

Моя любимая жена и семья, будущее одно на двоих, рука об руку. Янина обняла меня за плечи, поцеловала в шею.

— Соблазняешь?

— Немного. Я соскучилась, — вздохнула Янина и посмотрела на меня, улыбнувшись. — Наверное, уже можно?..

Вторые роды у Янины были достаточно тяжёлыми, дочурка была крупненькая. Жену промурыжили почти сутки и в итоге сделали операцию кесарево сечение.

Янина стеснялась своего шрама и ужасно переживала из-за него. Она не говорила об этом вслух, но я знал, о чём она думает, когда разглядывает себя в зеркало.

— Прекрати, — попросил её я. — Ты самая красивая. Лучше посмотри на меня: шрам от ранения ножом, шрам от удаления аппендикита, шрам от удаления селезёнки. А ещё мне исполнилось сорок лет.

— Ты напрашиваешься на комплимент, сорокалетний сексуальный мужчина? — ответила Янина и всё равно погладила пальцами свой

шрам. — Может, потом он будет не так заметен.

— Его всё равно никто не увидит кроме меня. Не увидит же? Мне всё в тебе нравится. Это не шрам, а след от появления доченьки.

Пока мы болтали с Яниной, Маша уснула на моих коленях. Теперь предстояло самое главное — переложить дочку в кроватку так, чтобы она не проснулась.

Я двигался по миллиметру, боясь разбудить крошку, и чувствовал себя сапёром на минном поле, пока укладывал её в кроватку.

Янина наблюдала за мной с улыбкой. Я осторожно закрыл дверь детской комнаты и подхватил любимую на руки, заставив ногами обвить меня за торс. В два счёта мы добрались до спальни.

Янина откинулась назад, утянув меня за собой на кровать. Я осторожно навис над ней. Щёки покраснелись и глаза горели. Янина притянула меня к себе за шею, целуя и прижимаясь всем телом.

Меня потряхивало от сильного желания. Хотелось немедленно войти и снова сделать Янину своей. Два месяца без этого... Оральный секс хорош, но там, между стройных ножек, я хочу побывать невероятно сильно, чтобы её пятки схлестнулись за поясницей.

— Уверена, что тебе уже можно? — спросил я, млея от скорости, с которой её пальцы избавляли меня от одежды.

— Я тебя свяжу ночью и изнасилую, — пригрозила мне Янина, спрыгнув на пол.

Меньше, чем через минуту она стояла обнажённой передо мной.

— Иди сюда...

Я поцеловал её живот и провёл губами по красноватому следу, которого так стеснялась Янина. Она судорожно вздохнула и запустила пальцы мне в волосы, поглаживая кожу головы.

Я опустил на пол.

— Поставь ногу на кровать, — попросил, поглаживая нежную кожу с внутренней стороны бедра.

Янина смутилась и всё ещё немного медлила, стесняясь. Мне нравилось в ней это. Как бы я ни брал её откровенно и жадно, в следующий раз она выглядела так, словно я соблазняю её на секс впервые. Это подстёгивало.

Даже когда она сама жадно и горячо принималась ласкать меня первой, вид у неё был такой, что хотелось спустить от одного взгляда на сияющие глаза и покрасневшие щёки.

— Дай мне приласкать себя?

Я обхватил Янину пальцами за попку, приближая к себе. Лёгкий поцелуй в низ живота. От запаха её возбуждения рот наполнился слюной. Я покрывал поцелуями низ живота и нежно провёл пальцами по складочкам.

Янина простонала, глядя мне в глаза. Она держала меня на привязи своего поплывшего, затуманенного страстью взгляда, когда я начал растирать складки, надавливая пальцами на вход.

Я боялся, что мои движения будут причинять ей дискомфорт, но Янина уже подрагивала и была возбуждена не меньше моего. Она прерывисто вздохнула, когда мой палец коснулся её клитора.

Сладкая дрожь пробежала по телу любимой, она двинулась бёдрам мне навстречу, раскрываясь полностью и предлагая себя.

Да-а-а-а, вот так, ещё немного... Мне нравилось доводить её до исступления и ласкать. Я всегда был голоден по ней и не мог насытиться.

Сладкий запах кружил мне голову. Я осторожно двигал пальцами в горячий, влажной глубине лона и касался её клитора.

Я сжимал трепещущий узелок плоти губами и дразнил кончиком языка, надавливая. Стоны и вздохи Янины стали очень частыми и громкими.

Я почувствовал, что её тело напрягается сильнее и чаще от подступающего оргазма. Так быстро и откровенно...

Соскучилась, маленькая моя...

Янина крепко сжимала пряди моих волос, не давая мне отстраниться, но я и сам этого не хотел, исступлённо вылизывая её языком и помогая пальцами. Я наблюдал за тем, как она откинула голову назад и эротично постанывает.

Тело дрожит, как струна, и её сок беспрерывно течёт на мои пальцы. Я сжал клитор губами, и в тот же миг её тело задрожало от оргазма особенно сильно.

Янина судорожно царапала кожу моей головы ногтями и тёрлась о мои губы, пока я продлевал её удовольствие медленными движениями языка, собирая влагу.

Только когда она полностью расслабилась, я уложил её на кровать. Янина потянула меня к себе, качнув ногами, согнутыми в коленях.

— Уверена?

— Обижусь, если через минуту не почувствую тебя глубоко в себе, — пообещала Янина, сверкнув глазами.

И ведь правда может надуть на меня свои хорошенькие губки, которые мне так нравится целовать.

Поэтому я не стал медлить и расположился между её ножек, кайфуя от того, как она широко раздвигает молочную белизну своих узких бёдер, предлагая себя.

— Ты такая маленькая... — шепчу я, водя головкой члена по её складкам, трясаясь от желания войти на всю длину.

Янина приподняла бёдра, качнув ими.

— Хочу тебя.

Я медленно ввёл головку члена и замер. Узкая и невозможно тесная, горячая, дико и беспрестанно пульсирующая. Янина крепко обхватила меня за шею и принялась отвязно целовать меня, вытворяя своим язычком во рту что-то невероятно чувственное и возбуждающее.

Я начинаю проталкиваться членом дальше и глубже, завоёвывая её снова и подчиняя себе. Янина громко стонет, но стоны приглушаются глубоким поцелуем, от которого кружится голова, и темнеет перед глазами.

От ощущения её тела подо мной напрочь отключается благоразумие, и мы раскачиваемся в ритме, понятном нам обоим, пока не достигаем финала, яркого и взрывного.

Чуть позже я перекатываюсь на спину, глотая обжигающий воздух. Тело медленно остывает, полное звонкой эйфорией. Лениво даже шевелить языком, не то что вставать и делать что-то.

— Я как будто родился заново... — говорю, медленно растягивая слова.

Янина довольной кошечкой вытягивается на кровати, но всё же встаёт, чтобы принять душ.

— Люблю тебя... — нараспев тянет она, выходя из комнаты. — Скоро нам нужно ехать за Илюшей в садик.

— Да. Сейчас я встану. Но с удовольствием повалялся бы с тобой ещё.

— Успеем. У меня планы на эту ночь с тобой.

— Большие планы?

— Грандиозные и все, как один, ужасно непристойные...

Всего несколько слов Янины заставляют меня вновь

воспламениться и почувствовать себя полным сил.

Моя девочка действует на меня необъяснимым образом. Она вдохновляет и заставляет чувствовать себя живым, способным на всё ради неё и нашей семьи.

Я успеваю перехватить ладонь Янины и поймать в кольцо своих рук, чтобы поцеловать тонкую, едва заметную ниточку шрама на щеке.

— Люблю тебя, моя лунная. Беспредельно...

Конец